

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 29
№ 1 (88) январь – март 2023 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 29**

No. 1(88) january – march 2023

Has been published quarterly since June 1995

---

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красилов, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хилюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан).

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*
Редактирование и корректура *О. В. Арефьева*
Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*
Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):
Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 30.03.2023. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 9,7. Усл. печ. л. 10,2. Заказ № 88.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2023

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

- A. M. Dzhorobekova**, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvaicheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

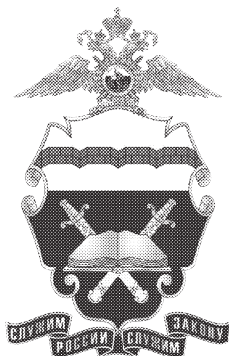
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 30.03.2023. Circulation 100 items. Published sheets 9,7. Printed sheets 10,2 Order No. 88.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2023

№ 1 (88) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2023

Омской академии МВД России
научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие	5 Bulatov B. B., Kalnitsky V. V. Actual Detention as a Concept of Criminal Procedure
Фадеев П. В., Данг В. Х. Проблемы формирования общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства	12 Fadeev P. V., Dang V. H. Problems of Formation of General Conditions for Preliminary Investigation according in the Norms of Criminal Procedural Legislation
Фарахиев Д. М. Общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции	18 Farakhiev D. M. Social Control and Monitoring in the Process of Counteracting Corruption
Лаппо Е. А. Об использовании ситуационного подхода при проведении идентификации пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий	22 Lappo E. A. On Usage of Situational Approach to Conducting Identification of Pneumatic Weapon and Articles Similar to it in Construction
Юматов С. В. Свойства следообразующих и следовоспринимающих объектов в трасологических экспертизах по следам обуви	27 Yumatov S. V. Properties of Trace-Forming and Trace-Receiving Objects in Forensic Trace Examinations of Shoeprints
Чумарова Е. Ю. Применение понятия «повторность привлечения к административной ответственности» в сфере оборота оружия	31 Chumarova E. Yu. Applying the Term "Repeat Bringing to Administrative Justice" in the Sphere of Arms Trafficking
Право и государство	Law and State
Десятов М. С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения	36 Desyatov M. S. Tectonic Shifts in Visions of the Essence of Law Enforcement
Антонченко В. В. Государство, право и религия	40 Antonchenko V. V. State, Law and Religion
Коллантай В. А. О свойстве достоверности доказательств в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)	49 Kollantay V. A. On the Property of Reliability of Evidence in Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности	54 Borkov V. N., Moskalenko G. E. A Person's Socially Dangerous State as a Legal Fact and the Ground for Liability
Юридические ретроспективы	Juridical Retrospect
Грязнова Т. Е., Буцакова М. А. Принципы правосудия в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв.	60 Gryaznova T. E., Buchakova M. A. Principles of Justice in the Russian Legal Science of late 19 th – early 20 th centuries
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Синченко Г. Ч. Возрождай интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года	64 Sinchenko G. Ch. Reviving interest to the Nuremberg military tribunals. Introductory article to the publication of excerpts from proceedings on the Trial against Nazi Judges 1947
Суд над судьями. США против Йозефа Альштеттера и других. Мнение и приговор Нюрнбергского военного трибунала III (извлечения) (пер. с англ. Г. Ч. Синченко)	74 The Justice Case (case 3). The United States of America against Josef Altstoetter, et al. Military Tribunal III Opinion and Judgment (excerpts)
Рочняк Е. В. Future orientation как одно из направлений современных исследований будущего	82 Rochnyak E. V. Future Orientation as One of the Areas of Modern Researches of the Future
Информация для авторов	87 Information for Authors

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-5-11

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие

Борис Борисович Булатов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ bulatov_oma@mail.ru

Владимир Васильевич Кальницкий

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ prozess_oma@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В контексте общей позиции, состоящей в понимании задержания подозреваемого как решения о краткосрочном внесудебном аресте лица, предшествующем заключению под стражу, высказывается мнение о принципиальной ошибочности рассмотрения полицейских (или неопределенного круга субъектов) действий по ограничению свободы граждан в качестве некоего фактического задержания, учитываемого в пределах установленного для задержания подозреваемого 48-часового срока. Время физического ограничения свободы лица в условиях внезапно возникшего подозрения в причастности к совершению преступления предлагается включить самостоятельным пунктом в систему обстоятельств, подлежащих доказыванию. Будучи установленным по правилам уголовно-процессуального доказывания, весь срок внепроцессуального ограничения личной неприкосновенности подлежит учету при разрешении уголовного дела — назначении наказания или реабилитации.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, фактическое задержание, ограничение свободы, доказывание

Для цитирования: Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 5–11.

Actual Detention as a Concept of Criminal Procedure

Boris B. Bulatov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science in Law, Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,
✉ bulatov_oma@mail.ru

Vladimir V. Kalnitsky

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Science in Law, Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,
✉ prozess_oma@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Within the general vision, which understands the suspect's detention as the decision about short-term extrajudicial arrest of a person prior to taking him into custody, the authors suppose it is principally erroneous to consider police activities or the actions performed by an indefinite range of subjects related to restriction of citizens' liberty as a certain actual detention counted for within the limits of the 48-hour period established for the suspect's detention. It is suggested to include the time for physical restriction of a person's freedom upon a sudden suspicion of his involvement in committing a crime as a separate issue into the system of circumstances to be proved. Being set according to the rules of criminal procedural proving the whole

term of extra-procedural restrictions of private immunity is subject to counting in solving a criminal case — imposing punishment and rehabilitation.

Keywords: detention of a suspect, actual detention, restriction of liberty, proving

Citation: Bulatov B. B., Kalnitsky V. V. Actual Detention as a Concept of Criminal Procedure. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 5–11 (In Russ.).

Анализ основных понятий позволяет предположить, что среди основных понятий, используемых в УПК РФ, имеется положение с недостаточно выверенной сущностью. Речь идет о «фактическом задержании» (пп. 11, 15 ст. 5) — понятии, в которое при сохранении традиционной уголовно-процессуальной оболочки, сформированной советским законодательством, вложено другое содержание. Произошла, что называется, подмена смысла. Сделано это, конечно же, не со злым умыслом, напротив, с самыми благими намерениями. Однако в ходе нормативной эволюции понятие «фактическое задержание» стало выражать иную, чем прежде, реальность. В литературе отмечается, что неопределенность и рассредоточенность рассматриваемого понятия по различным пунктам ст. 5 УПК РФ вызывает сложности теоретического и практического характера. В пункте 11 содержится указание на момент фактического задержания лица. Этот термин потребовал дополнительного разъяснения в п. 15, что, к сожалению, не внесло полной ясности [1, с. 52]¹.

В соответствии с Положением о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. (далее — Положение), «срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента доставления этого лица в орган дознания или к следователю, а если задержание указанного лица производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем, то с момента фактического его задержания» (ст. 3)². Иными словами, в ситуациях, когда преследуемое лицо не находилось в распоряжении следователя (дознателя), но собранные доказательства указывали на совершение лицом преступления и убеждали в необходимости содержания его под стражей, принималось решение о кратковременном задержании лица, исполнение которого поручалось полиции (милиции). Действия сотрудников полиции во исполнение постановления следователя именовались фактическим задержанием в том значении, что юридическое задержание осуществлено должност-

ным лицом, ведущим производство по уголовному делу, а его реализация (фактическое исполнение) возлагалась на силовые подразделения. Фактическое задержание, регламентировавшееся Положением, характеризуется такими признаками: (1) имеет под собой конкретную правовую основу — решение следователя; (2) предельно конкретизировано по лицам, подлежащим доставлению к следователю; (3) не предполагает оценки сотрудником полиции законности и обоснованности решения о задержании, требуется лишь сопоставление установочных данных лица с указанными в постановлении; (4) исключает из числа возможных исполнителей случайных лиц, т. е. осуществляется на профессиональной основе; (5) связано с приобретением задерживаемым лицом процессуального статуса и разъяснением всех прав, в том числе права на квалифицированную юридическую помощь, обязанностей и ответственности; (6) выступает формой взаимодействия следователя (дознателя) с полицией при руководящей роли лица, выполняющего процессуальную функцию; (7) осуществляется исключительно после возбуждения уголовного дела. Коль скоро по Положению фактическое задержание представляло собой этап исполнения уголовно-процессуального решения, срок задержания исчислялся с момента реализации постановления в части ограничения свободы лица.

В действующем законодательстве фактическое задержание в вышеописанном качестве прямо не предусмотрено. Глава 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого» не регламентирует ситуации, когда решение о применении данной меры принуждения принимается на основе собранной совокупности доказательств, так скажем, «заочно». Постановление о задержании упоминается лишь в нормах, регламентирующих право должностных лиц органов предварительного следствия и дознания давать органу дознания поручения об исполнении своих решений, а также получать содействие при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 6 ч. 1 ст. 40², п. 1¹ ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

В литературе не осталось незамеченным, что заочное решение о задержании — задержание «по

¹ На то обстоятельство, что нормативное разъяснение понятия «момент фактического задержания» носит слишком общий характер, обращалось внимание и ранее, например, Б. Б. Булатовым [2, с. 55, 56].

² Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления: указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX (здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

постановлению» — в настоящее время не отражено в главе 12 УПК РФ. Вместе с тем данное обстоятельство не привело к проявлению четко выраженного неприятия такого порядка. Данный порядок либо считают дозволенным [3, с. 42]³, либо о нем умалчивают, хотя исследуют близкие по содержанию ситуации [5, с. 40, 41]. Для чистоты анализа обратим внимание, что от доктринальной поддержки задержания «по постановлению» следует отличать предложения оформлять меру принуждения в виде задержания подозреваемого не протоколом, а постановлением, что в большей степени соответствует ее сущности. Так, А. А. Давлетов констатирует, что решение о задержании оформляется протоколом, хотя правильнее было бы выносить постановление [6, с. 130]. Аналогичное мнение высказывалось также применительно к ранее действовавшему законодательству: решение о задержании, как и любое решение следователя или лица, производящего дознание по уголовному делу, должно принимать форму постановления [7, с. 160].

На наш взгляд, если и имеются технико-юридические нюансы, препятствующие принятию решения о «заочном» задержании лица на основе собранной совокупности доказательств, то они должны быть устранены, поскольку такое задержание в полной мере отвечает сущности данной меры принуждения. В законе необходимо также восстановить «фактическое задержание» как производное от юридического решения о задержании, т. е. придать данному понятию первоначальный смысл.

С учетом изложенного представляется, что в современном нормативном контексте понятие «фактическое задержание» наполнено совершенно иным смыслом. В действующем законодательстве под фактическим задержанием понимаются ситуации, когда лицо застигнуто (на него указали, на нем явные следы ...) при совершении преступления до возникновения по этому поводу уголовно-процессуальных отношений. Такое сформировавшееся понимание фактического задержания оказало обратное воздействие на трактовку меры принуждения. Ранее обстоятельства фактического задержания как этапа исполнения постановления лица, ведущего производство по уголовному делу, не влияли на доктринальную сущность задержания, не претендовали на роль самого задержания. Была четкая линия, разделяющая задержание и его исполнение. Включение времени фактического исполнения задержания в срок данной меры принуждения не могло рассматриваться как довод в пользу придания фактическому задержанию какого-то самостоятельного значения в рамках сущ-

ности задержания подозреваемого. Затем произошло то, что можно на быденном языке сравнить с соскальзыванием в наезженную колею. Проявилась широта значения термина «задержание». Выработанное советским законодательством понимание фактического задержания оказалось дезавуированным. Оно вновь наполнилось административно-полицейским содержанием. Исполнение решения следователя о краткосрочном аресте лица переродилось в полицейское действие, исторически имевшее цель «пресечения подозреваемому способов уклонения от следствия» (ст. 257 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Примерно в том же административно-полицейском ключе задержание рассматривалось в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.: «Задержание органами дознания лица, подозреваемого в совершении преступления, подлежащего производству предварительного следствия, допускается лишь как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда и притом лишь в следующих случаях ...». Далее воспроизводились (практически в той же редакции, что и в Уставе уголовного судопроизводства) ситуации, позволявшие органу дознания принять меры к физическому воздействию на лицо и ограничению его свободы.

Проявление в задержании полицейской функции исследуется и в настоящее время. Так, С. И. Вершинина приходит к выводу, что фактическое и процессуальное задержание являются специфическими самостоятельными способами ограничения свободы. Неотложный характер (оперативность) фактического задержания позволяет передать его в ведение органов, которые обеспечивают правопорядок и безопасность, выведя из сферы уголовно-процессуального регулирования [8, с. 194, 212]. Другие ученые, также полагая, что задержание по своей сущности является полицейской мерой, напротив, считают, что такое выведение ограничения физической свободы подозреваемых лиц повлечет массовое нарушение прав личности, что недопустимо в любой правовой системе [9, с. 525–527]. Мнение о введении в качестве составляющей в уголовно-процессуальный институт задержания подозреваемого фактического задержания лица и его доставления было поддержано и иными юристами [10, с. 97–98].

Статья 122, а также ст. 122¹ (объявившая о принятии Положения и отославшая к нему в части порядка применения кратковременного задержания) УПК РСФСР 1960 г. сделали существенный крен в сторону «процессуализации» задержания. Орган дознания (в системе всего законодательства — также и следователь) получили право самостоятельного по-

³ По законодательству РСФСР И. Л. Петрухин различал два вида задержания, в том числе на основании предварительного постановления органов расследования после возбуждения уголовного дела [4, с. 279].

мещения лица в места содержания задержанных сроком до 72 часов. С решением следователя или органа дознания о водворении лица в ИВС «в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу» (ч. 2 ст. 1 Положения) в литературе стали связывать понятие задержания. Так, по мнению И. М. Гуткина, задержание — «регламентированное законом неотложное следственное действие, которое заключается в кратковременном (исчисляемом часами) лишении свободы и применяется органами дознания и предварительного следствия без санкции прокурора к лицу, подозреваемому в преступлении, в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу» [11, с. 10].

В. Н. Григорьев применительно к законодательству того периода называл задержание «специфическим случаем ареста» или «начальным этапом заключения под стражу» и определял его как «меру уголовно-процессуального принуждения, состоящую в лишении лица свободы путем помещения его в места содержания задержанных, которая применяется органом дознания или следователем в случаях, не терпящих отлагательства...» [12, с. 7–11]. Автор делает акцент на необязательности задержания. Являясь начальным этапом заключения под стражу, задержание «не составляет его обязательного элемента» [12, с. 14]. Таким образом, задержание как уголовно-процессуальное понятие полностью освободилось от полицейской составляющей, на что обращено внимание авторитетных ученых. В частности, в издании, посвященном анализу законодательства и научной литературы, сказано что «отсутствие четкого разграничения между процессуальными актами и мерами внепроцессуального воздействия приводит подчас к серьезным ошибкам ... физическое задержание и доставление в органы милиции необходимо отличать от уголовно-процессуального задержания» [13, с. 63].

Правда, полного отмежевания задержания (в смысле краткосрочного внесудебного ареста) от задержания как физического «уличного» захвата и препровождения лица в правоохранительный орган не произошло, поскольку законодатель отнес задержание подозреваемого к числу следственных действий (ст. 87 УПК РСФСР 1960 г.). Данная нормативная позиция при сохранении протокола в качестве документа, оформляющего задержание, породила

точку зрения о доказательственном значении такого протокола в части обстоятельств физического задержания [14, с. 26–29], что не позволяло рассматривать задержание подозреваемого исключительно как решение о водворении лица в места содержания задержанных⁴. Действующий УПК РФ отнес задержание подозреваемого к мерам процессуального принуждения. Казалось бы, расчищен путь к правильному пониманию сущности задержания как процессуального решения. Однако возникло очередное, на наш взгляд, недоразумение с фактическим задержанием, истолкованным как составная часть меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого. В результате трактовка задержания как правоприменительного акта (что соответствует задержанию — мере принуждения) стала непригодной, поскольку «не вмещает» в себя физические действия по ограничению свободы лица. Фактическое задержание в новом его понимании стало воздействовать на сущность задержания, в частности, претендовать на позиционирование в качестве его части.

Задержание нуждается в определении его сущности. Сначала это было сугубо полицейское воздействие на лицо для обеспечения следственной деятельности. Затем оно трансформировалось в процессуальный акт — решение о кратковременном внесудебном аресте лица, предшествующее заключению под стражу. Субъектами задержания стали выступать должностные лица, ведущие производство по уголовному делу⁵.

Вместе с тем задержание никогда не рассматривалось законодателем исключительно как уголовно-процессуальное решение, которым, по сути, является, а всегда находилось под «нагрузкой» других функций. В советское время это была функция доказывания, а сейчас — фиксации обстоятельств ограничения личной неприкосновенности. По советскому законодательству задержание являлось следственным действием, что предполагало использование протокола задержания в качестве доказательства со всеми вытекающими из этого требованиями к такой сущности задержания и его оформлению. По действующему законодательству, помимо основного назначения — краткосрочного ареста лица, сохраняющийся протокол задержания служит средством закрепления обстоятельств и времени фактического ограничения свободы. В. В. Вандышев относит задержание подозреваемого к интегративной мере, в которой сочетаются элементы как принуждения, так и получения доказательственной ин-

⁴ Высказывалась точка зрения, что протокол задержания в зависимости от того, с какой целью оно производится, может выступать в качестве либо доказательства, либо акта о применении меры принуждения [15, с. 55].

⁵ Данное обстоятельство, хотя и не во всем последовательно, подтверждено разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

формации. Причем, по его мнению, элементы следственного действия превалируют над элементами процессуального принуждения [16, с. 240]. Полагаем, что от дополнительной нагрузки задержание должно быть освобождено, поскольку несвойственные ему функции искажают правовую сущность данной меры процессуального принуждения и нередко делают ее неэффективной.

Погружение в поиск причин произошедшего изменения смысла понятия «фактическое задержание» не является задачей данной статьи. Одна из предпосылок — потребность поставить под контроль (учесть при определении мер ответственности или при необходимости компенсировать) всякое ограничение свободы лица. Реализована эта цель через включение в срок уголовно-процессуального задержания времени имевшего места фактического удержания лица до начала уголовно-процессуальных отношений. Приверженность этой цели привела к появлению в законе ряда продублированных положений (пп. 11, 15 ст. 5, ч. 3 ст. 128 УПК РФ) о том, что в срок задержания подозреваемого включается время фактического задержания. На это же направлена норма ч. 1 ст. 92 УПК РФ, предписывающая составлять протокол задержания в течение 3-х часов с момента доставления лица к следователю или в орган дознания. При этом не берется во внимание, что следователь обязан составить протокол только в случае, когда примет решение об избрании посредством обращения в суд в качестве меры пресечения заключения под стражу, а также решение о предварительном внесудебном водворении лица в ИВС для обеспечения взятия под стражу. В остальных случаях задержания подозреваемого нет, равно как нет и оснований составлять протокол уголовно-процессуального задержания. Если предположить, что в ч. 1 ст. 92 УПК РФ речь идет о протоколе, фиксирующем факт доставления лица «с улицы», то это не входит в компетенцию следователя.

Возникает вопрос, является ли современная конструкция фактического задержания как внепроцессуального захвата и препровождения лица в правоохранительный орган единственной юридико-технической возможностью полного учета всего периода ограничения свободы лица как в ходе производства по уголовному делу, так и при его разрешении? По нашему мнению, подобный «зачетный»

(формально-административный) способ фиксации продолжительности физической несвободы лица, во-первых, несовершенен с сугубо процедурных позиций, поскольку не содержит гарантий достоверности сведений, заносимых в протокол; предусмотренное возможное участие защитника при составлении протокола (ч. 1¹ ст. 92 УПК РФ) действенной гарантией не стало; во-вторых, в силу изначальной, на взгляд правоприменителей, несправедливости (отнимает крайне необходимое время) не охватывается их правосознанием и не преодолевает естественное стремление минимизировать вычитаемый срок; в-третьих, понятие «момент фактического задержания» сформулировано противоречиво: это момент производимого в порядке, «установленном настоящим Кодексом» (выделено нами — Б. Б., В. К.), фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления», тогда как уголовно-процессуальное законодательство не регулирует фактическое ограничение свободы лица; в-четвертых, распространяется не на все уголовно-процессуальные производства, а лишь на те, по которым в качестве меры пресечения избрано содержание под стражей; в-пятых, на наш взгляд, противоречит конституционно-правовой сущности задержания как начального этапа заключения под стражу (ст. 22 Конституции РФ), т. е. привносит элементы, не связанные с процедурой заключения под стражу, расширяет (засоряет) данное понятие, претендует на период, предусмотренный для внесудебного ареста⁶.

Предусмотренный Конституцией РФ срок задержания сбалансирован и может быть признан минимально достаточным. С оптимальностью данного срока связаны законность и обоснованность заключения под стражу, поскольку суд принимает во внимание материалы, нарабатываемые в том числе и в период внесудебного ареста. Чем меньше срок задержания, тем выше риск судебной ошибки ввиду возможной неполноты представляемой в суд совокупности доказательств, обосновывающей причастность задержанного к совершению преступления или вероятность ненадлежащего поведения⁷. Данный срок играет публично-правовую роль, это общезначимая ценность, не допускающая произвольного обращения и умаления даже для достижения других благих целей. Принцип «матрешки» («уличное» задержание включается в срок задержания подозре-

⁶ На наш взгляд, несовершенство механизма зачета времени фактического задержания подтверждается обращением в Конституционный Суд РФ гр. П. Г. Зверева (определение от 31 марта 2022 г. № 729-О). То обстоятельство, что высокий суд не усмотрел неопределенности в оспариваемых заявителем положениях (пп. 11 и 15 ст. 5, ч. 3 ст. 128 УПК РФ), свидетельствует всего лишь об особенностях его компетенции, не предполагающей оценку степени эффективности правового регулирования и правоприменительной практики.

⁷ Акцент делается на совокупности доказательств как основе решения об избрании меры пресечения, в том числе заключения под стражу [17, с. 50–54]. Решение о задержании также должно быть основано на доказательствах, подтверждающих подозрение в отношении лица в совершении конкретного преступления [3, с. 40].

ваемого, этот срок — в срок заключения под стражу и далее в срок наказания) выглядит примитивным механическим вариантом учета времени фактического ограничения свободы преследуемого лица.

Представляется, что вопрос о способах учета времени фактического ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, должен быть перенесен в плоскость доказывания, т. е. полностью изъят из процедуры исчисления срока задержания и подчинен общим закономерностям доказательственной деятельности. Неотложным формально-юридическим решением на этом пути должна стать корректировка, как минимум, предмета доказывания и требований к содержанию итоговых актов предварительного расследования. Полагаем, что ч. 1 ст. 73 УПК РФ должна быть дополнена самостоятельным пунктом — «время с момента фактического ограничения личной неприкосновенности лица в связи с уголовным преследованием до начала применения в отношении данного лица мер процессуального принуждения или привлечения его к производству следственных действий». В соответствующем дополнении также нуждаются нормы, регламентирующие содержание постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, обвинительного заключения (акта, постановления) в части отражения в них результатов доказывания указанного обстоятельства. Каждое обстоятельство, подлежащее доказыванию, устанавливается совокупностью доказательств. В любом уголовном деле, независимо от того, какая применялась мера пресечения и, соответственно, применялось или нет задержание, следователь обязан всеми имеющимися средствами (допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых, очные ставки, выемки и осмотры документов и пр.) установить сведения о характере и времени фактического ограничения свободы лица в связи с подозрением в совершении преступления до начала проведения в отношении него уголовно-процессуальных действий. Будучи установленным, как и любое другое обстоятельство, входящее в предмет доказывания, время фактического ограничения свободы должно быть рельефно обозначено в итоговых документах предварительного расследования для последующего судебного исследования и учета при назначении наказания (что, по существу, только в иной «оболочке», предусмотрено в действующем законе — п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) или реабилитации. Не исключено вынесение промежуточного решения об исчислении срока фактического ограничения свободы, подлежащего учету в соответствии с нормами (они также должны быть соответствующим образом скорректированы) ст. 72 УК РФ. Нет принципиальных возражений против зачета данного

установленного по правилам доказывания времени в срок действия мер пресечения, избираемых судом и в настоящий период регламентированных по времени применения. В таком случае зачет срока фактического ограничения свободы произойдет еще на стадии предварительного расследования, что полностью соответствует (поддерживаемому нами, но, к сожалению, реализованному крайне неудачно) стремлению законодателя обеспечить гражданам защиту от произвольного воздействия на их свободу передвижения или полноценный учет всякого обоснованного ограничения такой свободы.

Изложенное можно подытожить следующими положениями.

1. Современная концепция фактического задержания, возникшая для обозначения начального момента ограничения личной неприкосновенности человека и для учета факта такого воздействия, а также понимания статуса фактически ограниченного в свободе лица в уголовном судопроизводстве, круга реализуемых им прав, учета времени ограничения неприкосновенности при назначении наказания, не достигла поставленной цели. Став на нормативном и доктринальном уровне частью меры принуждения в виде задержания подозреваемого, конструкция фактического задержания, во-первых, деформировала саму меру принуждения, дезавуировав ее изначальный смысл как краткосрочного внесудебного ареста, во-вторых, не смогла раскрыть свой, безусловно, позитивный потенциал.

2. Защита интересов лица, фактически ограниченного в свободе передвижения в связи с внезапно возникшим подозрением в совершении преступления, должна происходить вне института задержания подозреваемого. Для этого требуется: (1) автономная регламентация прав такого лица в «полицейском» законодательстве; (2) включение обстоятельств фактического ограничения свободы лица (начало, окончание, продолжительность, возможность причинения вреда здоровью и др.) в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, что обеспечит полное их исследование средствами уголовно-процессуального доказывания и учет при назначении наказания или реабилитации.

3. Нуждается в корректировке сформировавшийся в советской теории уголовного процесса взгляд на меру принуждения в виде задержания подозреваемого как на необязательный элемент порядка заключения под стражу: если санкцию прокурора можно получить неотложно, то к задержанию прибегать не следует. Современный судебный порядок избрания меры пресечения нуждается в предварительном обеспечении в гораздо большей степени, чем прокурорское санкционирование, что предопределено, в частности, необходимостью личного присутствия

преследуемого лица в судебном заседании и другими особенностями состязательного судебного процесса в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ. В пересмотре нуждается отношение к 48-часовому сроку задержания: это не элемент репрессии, который следует минимизировать за счет вычета из него времени фактического ограничения свободы передвижения лица, а общественно полезный обеспечительный этап законного и обоснованного судебного разрешения ходатайства о заключении лица под стражу.

Список литературы

1. *Гриненко А. Г.* Задержание в состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2015. № 6.
2. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
3. *Цоколова О. И.* Задержание подозреваемого : монография. М., 2004.
4. *Петрухин И. Л.* Человек и власть (В сфере борьбы с преступностью). М., 1999.
5. *Ретюнских И. А.* Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, в свете нового УПК РФ : науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 2009.
6. *Давлетов А. А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Курс лекций. 7-е изд. Екатеринбург, 2020.
7. *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999.
8. *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017.
9. *Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки.* 2-е изд., испр. М., 2017.
10. *Мельников В. Ю.* Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. 2005. № 2.
11. *Гуткин И. М.* Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М., 1980.
12. *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого органами внутренних дел : учеб. пособие. Ташкент, 1989.
13. *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
14. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981.
15. *Рыжаков А. П.* Следственные действия и иные способы собирания доказательств : учеб. пособие. Тула, 1996.
16. *Вандышев В. В.* Уголовный процесс. СПб., 2004.
17. *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальное доказывание и меры процессуального принуждения: связь неразрывна // Проблемы предварительного следствия и дознания : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2020.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-12-17

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы формирования общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства

Павел Владимирович Фадеев

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предварительного расследования¹,

✉ fadeevpv2001@yandex.ru

Вьет Хынг Данг

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров¹, ✉ nongdanbattri@gmail.com

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

На основе анализа точек зрения ученых, содержания уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в различных странах исследуются теоретические и методологические предпосылки и основания формирования системы и классификации общих условий предварительного расследования. Делается вывод о целесообразности комплексного подхода к этому процессу, заключающегося в изучении различных положений уголовно-процессуального закона с точки зрения: 1) сущности общих условий; 2) условий применения; 3) критериев (оснований) систематизации и классификации общих условий.

Ключевые слова: общие условия, предварительное расследование, досудебное производство, критерии, основания, признаки

Для цитирования: Фадеев П. В., Данг В. Х. Проблемы формирования общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 12–17.

Problems of Formation of General Conditions for Preliminary Investigation according in the Norms of Criminal Procedural Legislation

Pavel V. Fadeev

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, Professor at the chair of Preliminary Investigation¹, ✉ nongdanbattri@gmail.com

Viet H. Dang

post-graduate student at the faculty of training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel¹, ✉ nongdanbattri@gmail.com

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Based on the analysis of the scholars' visions, the content of criminal procedural legislation and law enforcement practice in different countries, the authors consider theoretical and methodological prerequisites and grounds to form the system and classification of general conditions for preliminary investigation. The conclusion made reads as follows: it is reasonable to use a complex approach to this process, which includes studying different provisions of criminal procedural law from the point of: 1) the essence of general conditions; conditions for their use; 2) criteria (grounds) for systematization; 3) classification of general conditions.

Keywords: general conditions, preliminary investigation, pre-trial proceedings, criteria, grounds, signs

Citation: Fadeev P. V., Dang V. H. Problems of Formation of General Conditions for Preliminary Investigation according in the Norms of Criminal Procedural Legislation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 12–17 (In Russ.).

Общие условия предварительного расследования представляют собой закрепленные в нормах уголовно-процессуального закона существенные положения (правила), определяющие порядок процессуальной деятельности по уголовному делу с момента приема заявления (сообщения) о преступлении до поступления уголовного дела в суд и содержание некоторых важнейших средств и методов, обеспечива-

ющих реализацию принципов и назначения уголовного судопроизводства, а также достижение иных задач, стоящих перед обществом и государством.

В соответствии с историческими традициями общие условия предварительного расследования выделены в отдельные главы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Социалисти-

ческой Республики Вьетнам (далее — УПК СРВ)¹. Они образуют самостоятельную систему правовых норм, что свидетельствует об их значимости для производства по уголовному делу, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Как показывает исследование, систему общих условий в нормах уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам, а также других стран² формируют разные положения, содержание которых может существенно отличаться. Вместе с тем, несмотря на выработанные наукой уголовно-процессуального права признаки общих условий предварительного расследования [1, с. 304; 2, с. 12], а также наличие положений главы 30 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств³, определивших теоретическую и практическую модели формирования системы общих условий, их содержание и количество в разных странах существенно отличается.

Наиболее ярко это проявляется в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам. Ряд ученых считает, что только глава 21 УПК РФ содержит общие условия предварительного расследования [1, с. 304]. В то же время другие юристы утверждают, что общие условия содержатся не только в главах 21 и 22 УПК РФ [3, с. 647], но и в отдельных статьях, расположенных в иных главах УПК РФ [4, с. 226].

В Социалистической Республике Вьетнам имеющиеся отличия проявляются не только в количестве общих условий, но и в их содержании. Анализ показывает, что эти отличия связаны: 1) с формой расследования, осуществляемого в обычном и сокращенном порядках только следователями различных министерств и ведомств; 2) с особенностями уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, предусматривающей наличие трех стадий; 3) с наличием самостоятельного органа предварительного расследования в лице прокурора, наделенного полномочиями как по прокурорскому надзору, так и по производству процессуальных действий по уголовному делу; 4) с определением полномочий некоторых следственных органов, произво-

дящих расследование преступлений в сокращенном порядке.

В то же время в уголовном судопроизводстве Вьетнама используются некоторые общие условия, не предусмотренные в УПК РФ. Например, в УПК СРВ не предусмотрены положения о сроках предварительного следствия. При этом порядок восстановления материалов уголовного дела, а также установления различных сроков закреплены в совместном циркулярном письме правоохранительных органов Социалистической Республики Вьетнам⁴.

Как показывает исследование, в юридической литературе применяется, как минимум, два подхода к формированию системы общих условий предварительного расследования. Их различие связано с различным подходом юристов к определению оснований формирования системы общих условий.

По мнению первой группы ученых, оптимально комплектовать систему общих условий возможно на основании различных критериев [5, с. 134–135]. Как отмечается в Курсе уголовного процесса под редакцией Л. В. Головки, к таким критериям относятся положения, характеризующие: 1) *формы расследования*; 2) *комплексный характер предварительного расследования* [3, с. 647–648].

Важность предложенных признаков для формирования системы общих условий заключается в том, что они обосновывают целесообразность включения отдельных общих условий, изложенных в главе XII УПК СРВ, а также позволяют отнести к общим условиям не только положения главы 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования», но и нормы главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие», а также некоторых других глав. Среди последних, на наш взгляд, следует указать положения, определяющие средства и методы процессуальной деятельности, а также регулирующие сроки и порядок производства дознания в общем и сокращенном порядках.

Однако анализ показывает, что предложенные критерии нуждаются в корректировке. *Во-первых*, они не позволяют в полной мере учесть особенности других правовых институтов уголовно-процессуального права, глав и разделов уголовно-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13 : принят 27 ноября 2015 г. Резолюцией Национального собрания Вьетнама № 109/2015/QH13 : авторский перевод: *Bo Luat Tõ tung hinh su nuac Cong hoa xa hoi chu nghia Viet Nam sb: 101/2015/QH13 thong qua ngay 27 thang 11 năm 2015.*

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 10.10.2022); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 10.10.2022).

³ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств—участников Содружества Независимых Государств : рекомендательный законодательный акт : принят 17 февраля 1996 г. постановлением 7-6 Межпарламентской Ассамблеи государств—участников СНГ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Положение о сотрудничестве между следственными органами и прокуратурой при выполнении некоторых положений уголовно-процессуального кодекса: совместное циркулярное письмо от 29 октября 2018 г. за № 04/2018/TTLT-BCA-BQP-TANDTC-VKSNDTC.

процессуального закона. Так, предложенные признаки в целом поясняют наличие общих положений в главе XII «Общие условия предварительного расследования по уголовному делу» УПК СРВ, включающей 16 статей (ст. ст. 163–178 УПК СРВ). Вместе с тем они характеризуют только различные аспекты уголовно-процессуальной деятельности, оставляя без внимания некоторые полномочия должностных лиц, ведущих предварительное расследование, а также содержание отдельных основных средств и методов, применяемых при расследовании преступлений (например, поручение расследования, сроки содержания под стражей).

Во-вторых, критерий, учитывающий форму расследования, на наш взгляд, ограничивает содержание процессуальной деятельности при расследовании преступлений. Это связано с тем, что положения о месте, времени, сроках и других аспектах производства по уголовному делу в большей мере характеризуют специфику процессуальной деятельности предварительного расследования, а не формы расследования. Представляется, что такая специфика должна определяться единообразным порядком при расследовании преступлений, а не зависеть от формы расследования.

Например, в Социалистической Республике Вьетнам отсутствуют органы дознания, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность. Все процессуальные действия по расследованию преступлений выполняют в полном или сокращенном объеме только следственные органы различных министерств и ведомств, т. е. УПК СРВ предусматривает только одну форму предварительного расследования — предварительное следствие.

В-третьих, предложенные критерии для формирования общих условий, по нашему мнению, используются в ограниченном качестве, так как не учитывают некоторые существенные положения досудебного производства.

Например, возникает вопрос о месте нахождения в нормах уголовно-процессуального закона такого следственного действия, как осмотр места происшествия, производимого на стадиях предварительного расследования и возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 147 УПК СРВ).

В-четвертых, указанные критерии, несмотря на их комплексный характер, не позволяют не только сформировать систему общих условий в досудебном производстве, но и выделить основные направления (виды) общих условий. Вместе с тем в настоящее время в юридической литературе активно обсуждаются и исследуются различные виды общих условий, а также основания их классификации [6, с. 90–92; 7, с. 264–267; 8, с. 132–136].

Представляется, что предложенные критерии не только не объясняют различия в содержании и количестве положений, характеризующих общие условия различных стран, но и не позволяют определить границы формирования системы общих условий предварительного расследования.

Учитывая сложность и специфику уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, ученые второй группы посчитали целесообразным формирование системы общих условий предварительного расследования связывать с концептуальными условиями (концептами) их комплектования и признаками (перечнем) положений, характеризующих содержание общих условий.

По мнению Р. Р. Шайхулова, теоретическими предпосылками для построения такой системы являются следующие условия (концепты): «1) информационная активность досудебного производства; 2) быстрота и полнота досудебного производства; 3) объективность и беспристрастность досудебного производства; 4) дифференциация и солидарность сил и средств досудебного производства; 5) компетенция и компетентность органов досудебного производства; 6) сочетание индивидуальных и коллективных начал; 7) конфиденциальность досудебного производства» [9, с. 11].

Важность таких предпосылок (концептов) для формирования системы общих условий предварительного расследования, на наш взгляд, определяется наличием концептуальных методологических установок, направленных на создание сбалансированной системы взаимосвязанных положений, имеющих ведущее и принципиальное значение для всего уголовного судопроизводства в целом, и предварительного расследования, в частности.

Вместе с тем предложенные концепты формирования общих условий досудебного производства, несмотря на расширенный перечень оснований, имеют крайне широкий уровень обобщения и реализации, не позволяющий конкретизировать содержание общих условий, а также определить пределы формирования их системы.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, критериями, позволившими законодателю систематизировать общие условия предварительного расследования в отдельную систему, должны служить положения, которые, во-первых, применяются исключительно на стадии предварительного расследования, независимо от его формы, а также являются уникальными и неповторимыми в рамках других стадий; во-вторых, представляют конкретные правила и требования, регламентирующие деятельность должностных лиц и устанавливающие порядок расследования уголовных дел [10, с. 162].

Думается, что предложенные концептуальные условия в большей мере определяют основные свойства и характерные черты досудебного производства и по своему характеру и содержанию представляются принципами досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности [11, с. 751–752], так как концентрируют совокупность теоретических и практических положений (основ), имеющих доктринальный и методологический характер, позволяющих определить базовые направления формирования системы общих условий досудебного производства.

В неразрывной связи с указанными условиями выступает предложенный авторами данной точки зрения конкретный перечень признаков формирования содержания общих условий [12, с. 26–27]. Следует отметить, что предложенные признаки формирования системы общих условий в целом объясняют наличие в отдельных странах положений, регламентирующих: полномочия следственных органов и органов прокуратуры; наличие некоторых процессуальных сроков (сроков расследования, содержания под стражей и др.); указание отдельных процессуальных средств, используемых при расследовании преступлений (получение, протокол, участие понятых).

Как и любое авторское мнение, эти признаки системы общих условий не могут быть совершенными. Полагаем, что представленные признаки характеризуют синонимический ряд самостоятельных положений, которые по своей многоаспектной и разносторонней сущности в таком множественном качестве не могут быть основаниями для формирования системы общих условий предварительного расследования.

В то же время предложенные признаки, с одной стороны, самодостаточны, так как представляют собой примерный перечень целесообразных и различных по своему содержанию положений, которые могут входить в систему общих условий предварительного расследования.

С другой стороны, они нуждаются в уточнении, так как некоторые признаки не обладают базовыми качествами и могут входить в самостоятельные разделы и главы уголовно-процессуального закона, а также характеризуют принципы уголовного судопроизводства или выходят за рамки уголовно-процессуальной деятельности.

Например, положения, определяющие процессуальную самостоятельность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также вопросы сотрудничества органов предварительного расследования с другими службами социального контроля, как правило, регулируются в специальных главах уголовно-процессуального закона (например, производство судебной экспертизы) или иными правовыми актами.

Таким образом, концепты и признаки системы общих условий, предложенные учеными в рамках второго подхода, также не позволяют сформировать полноценную систему общих условий. Множественность предложенных признаков самого различного свойства, с одной стороны, помогает определить границы и содержание возможных положений, взятых из различных разделов и глав уголовно-процессуального закона. С другой — ограничивает возможность включения иных правовых институтов, средств и методов уголовного судопроизводства в рамки общих условий предварительного расследования.

Исследование данного подхода позволило установить, что содержание общих условий предварительного расследования зависит от социально-экономического, политического, исторического развития любой страны и устоявшихся тенденций в науке и практике уголовного судопроизводства; предполагает комплексный подход к формированию системы общих условий предварительного расследования, который охватывает понимание сущности общих условий предварительного расследования, их границы, пределы и условия включения в самостоятельную систему норм уголовно-процессуального закона, критерии (основания), необходимые для определения основных видов (направлений) общих условий, а также пути совершенствования законодательства в этой сфере.

На наш взгляд, комплексный подход формирования системы общих условий предварительного расследования заключается в анализе различных положений уголовно-процессуального закона с точки зрения: 1) сущности общих условий; 2) условий их применения; 3) критериев (оснований) систематизации и классификации общих условий.

Как показывает исследование, сущность общих условий предварительного расследования обуславливают их основные признаки, которые позволяют сформулировать понятие общих условий, а также определить пределы использования положений, характеризующих порядок производства по уголовному делу. Следует отметить, что сущность общих условий предварительного расследования в различных странах в целом понимается одинаково. Ее определяют следующие признаки: 1) регулируются нормами уголовно-процессуального закона; 2) характеризуют уголовно-процессуальную деятельность органов, осуществляющих производство по уголовному делу с момента приема заявления (сообщения) о преступлении до поступления уголовного дела в суд; 3) обеспечивают реализацию принципов уголовного судопроизводства в досудебном производстве; 4) определяют основные требования (правила) осуществления процессуальной деятельности по уголовному делу

и применению необходимых средств и методов, базовых для большинства правовых институтов досудебного производства; 5) направлены на реализацию назначения уголовного судопроизводства, а также достижение иных задач, стоящих перед обществом и государством.

Границы системы общих условий предварительного расследования, считаем, формируют условия их применения, которые определяют место (статус) общих условий, их характерные черты в системе не только принципов уголовного судопроизводства, отдельных глав и разделов уголовно-процессуального закона, но и различных правовых институтов уголовного судопроизводства, средств и методов, используемых в производстве по уголовному делу. В установлении таких границ важное место могут занимать концептуальные условия (концепты) комплектования общих условий и признаки их системы, предложенные авторами второй точки зрения.

Содержание общих условий предварительного расследования целесообразно формировать с учетом различных критериев (оснований) их систематизации и классификации, которые определяют не только конкретный перечень требований (правил) о производстве по уголовному делу, но и их различные виды, а также возможности для дальнейшего совершенствования.

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права рассматриваются различные виды общих условий предварительного расследования [13, с. 158–170; 14, с. 390–394; 7, с. 264–267], их классификация осуществляется на основании «правовой сущности условий» [15, с. 334–335], «исходя из их предназначения» [8, с. 134–135]. Анализ показывает, что указанные основания в целом сходны по смыслу, но существенно различаются между собой по выделенным видам общих условий и их содержанию.

По нашему мнению, предложенные основания классификации имеют узкий характер, так как, во-первых, не учитывают, что сущность общих условий или их предназначение, определяют основные признаки общих условий, а не их виды и содержание; во-вторых, отталкиваются от перечня общих условий предварительного расследования, закрепленного в положениях УПК РФ.

Последнее обстоятельство способствует тому, что в указанных классификациях не предусмотрен самостоятельный вид общих условий, определяющий полномочия органов, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях. Это связано с тем, что в УПК РФ полномочия государственных органов и должностных лиц не получили самостоятельного обозначения в общих условиях.

Однако такие полномочия предусмотрены, например, в нормах уголовно-процессуального закона Республики Казахстан (полномочия прокурора в ходе досудебного расследования (ст. 193), полномочия руководителя группы (ст. 195), деятельность органов дознания по делам, по которым осуществляется предварительное следствие (ст. 196)), Социалистической Республики Вьетнам (задачи и полномочия органов пограничной охраны, таможни, лесных инспекторов, морской полиции, надзора за рыболовством и других органов Министерства общественной безопасности, Народной армии, которым поручено провести ряд следственных действий (ст. 164); задачи и полномочия прокуратуры при осуществлении права обвинения в стадии расследования уголовного дела (ст. 165); задачи и полномочия прокурора при надзоре производства расследования уголовного дела (ст. 166); обязанности следственных органов и органов, которым поручено проводить ряд следственных действий, при исполнении требования и решения прокурора на стадии расследования (ст. 167); обязанности органов, организаций и физических лиц по исполнению решений и требований следственных органов, органов, которым поручено проводить ряд следственных действий, прокурора (ст. 168)).

Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным выделить следующие основания систематизации и классификации положений об общих условиях предварительного расследования. К ним относятся:

1) *единообразный порядок уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу с момента приема заявления (сообщения) о преступлении до поступления уголовного дела в суд. Это положения, которые определяют специфику досудебного производства, в том числе и формы расследования (подследственность, место, начало производства предварительного расследования; срок предварительного следствия; и др.);*

2) *единообразный порядок производства следственных действий и принятия процессуальных решений при расследовании преступлений (общие правила производства следственных действий, удостоверение факта отказа от подписи или невозможности подписания протокола следственного действия, участие специалиста, переводчика, понятых).* Следует отметить, что в данный перечень общих условий могут быть включены следующие положения: постановления, выносимые в ходе досудебного расследования (ст. 198 УПК Республики Казахстан); представление об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК Республики Беларусь);

3) *полномочия органов и должностных лиц в досудебном производстве (производство предваритель-*

ного расследования следственной группой, производство неотложных следственных действий). Кроме того, целесообразно включить полномочия прокурора в ходе досудебного производства (ст. 193 УПК Республики Казахстан);

4) наличие базовых средств и методов, обеспечивающих реализацию назначения уголовного судопроизводства (обязательность рассмотрения ходатайств; недопустимость разглашения данных предваритель-

ного следствия; меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого и обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества; меры по обеспечению гражданского иска; судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия). Следует отметить, что обязательность разъяснения и обеспечения прав участникам следственного действия (ст. 195 УПК Республики Беларусь) актуально для всех стран.

Список литературы

1. *Уголовный процесс* : учебник / коллектив авторов ; под ред. В. А. Лазаревой. М., 2016.
2. Артамонов А. Н., Сафронов Д. М. Общие условия предварительного расследования : учеб. пособие. Омск, 2009.
3. *Курс уголовного процесса* / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
4. *Уголовный процесс* : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2008.
5. Проваторова К. В. Система нормативных положений, регламентирующих общие условия предварительного расследования: становление и пути реформирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1(48).
6. Бабкина А. А. Общие условия предварительного расследования, связанные с обеспечением прав и законных интересов его участников // Молодой ученый. 2019. № 46(284).
7. Бегова Д. Я., Бирембеков И. С. Общие условия предварительного расследования, связанные с обеспечением прав и законных интересов его участников // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12(115).
8. Трынко Д. С. О некоторых проблемах законодательной регламентации современной системы общих условий предварительного расследования // Вопросы взаимодействия следственных и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : мат-лы межведомственной науч.-практ. конф. М., 2019.
9. Шайхулов Р. Р. Общие (принципиальные) условия досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
10. Крылова Д. С. К вопросу о проблемах системы общих условий предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1.
11. *Уголовный процесс России* : учебник / А. С. Александров [и др.] ; науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003.
12. Мигушин К. И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
13. Лескова Е. Ю. Характеристика основных видов общих условий предварительного расследования // Актуальные проблемы юриспруденции: единство теории и практики : сб. науч. ст. Волгоград, 2020.
14. Трынко Д. С. Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества: эффективность правовой реализации // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : мат-лы IX ежегодной всерос. конф. / под ред. О. В. Химичевой. М., 2020.
15. Сулович Е. В. Проблема института общих условий предварительного расследования в современном уголовном процессе // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2018.

УДК 343.97

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-18-21

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции

Динар Минзеферович Фарахиев

оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции¹,

✉ dfarakhiev@mail.ru

¹ МВД по Республике Татарстан (Казань, Россия)

Противодействие коррупции является неотъемлемым элементом деятельности органов государственной власти, а также общественных организаций и объединений. Целью исследования выступает комплексное изучение эффективности такого направления деятельности в процессе противодействия коррупции, как общественный контроль, и одной из его форм — мониторинга. Автор приходит к выводу, что общественный контроль представляет весьма результативное направление предупредительной деятельности коррупционных проявлений. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в процессе противодействия коррупции служит отправной точкой минимизации последней и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений коррупционной направленности. Рассматривается возможность создания Центра по взаимодействию с общественностью в системе МВД России.

Ключевые слова: коррупция, превенция, общественность, контроль, мониторинг, правовое просвещение и культура, институты гражданского общества, органы власти

Для цитирования: Фарахиев Д. М. Общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 18–21.

Social Control and Monitoring in the Process of Counteracting Corruption

Dinar M. Farakhiev

operative of the Directorate of Economic Security and Counteracting Corruption¹, ✉ dfarakhiev@mail.ru

¹ the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Counteracting corruption is an integral element of activities of public authorities and social organizations and associations. The objective of the study is to carry out a complex analysis of effectiveness of such an area of activity in counteracting corruption as social control and one of its forms, i.e. monitoring. The author comes to the conclusion that social control is a very effective area of prevention of manifestations of corruption. Cooperation of the state and institutes of civil society in counteracting corruption is the starting point of minimizing manifestations of corruption and eliminating the causes and conditions which contribute to committing crimes related to corruption. The author considers it possible to create the Centre of Cooperation with the public within the system of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: corruption, prevention, society, control, monitoring, legal education and culture, institutes of civil society, public authorities

Citation: Farakhiev D. M. Social Control and Monitoring in the Process of Counteracting Corruption. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 18–21 (In Russ.).

Проблема коррупции всегда была в центре внимания научной общественности, поскольку это социально негативное явление подрывает все сферы жизнедеятельности общества. В условиях цифровизации задача противодействия коррупции ставит новые вопросы ученым и практикам.

Предупредительная деятельность, связанная с коррупционными преступлениями и проявлениями, в настоящее время осуществляется не только органами власти, но и другими социальными институтами. На наш взгляд, в целях обеспечения

эффективности данной деятельности необходимо сформировать активное взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества, общественности. Апатия и равнодушие к социально-негативному явлению — коррупции — обуславливают рост последней и формирование отрицательного отношения населения к деятельности органов власти.

Данной проблематике посвящены труды М. А. Вахтиной [1], С. А. Роганова и Т. Л. Рогановой [2], Е. В. Комбарово [3; 4], А. А. Плотникова [5; 6] и др.

Большое внимание следует уделять контролю со стороны общественных институтов гражданского общества, организаций и граждан при оценке антикоррупционной деятельности субъектов, осуществляющих государственные полномочия. На основе отчетов, подготовленных органами власти по результатам их деятельности, у общественности возникает реальная возможность оценить качество и результаты их работы и установить отрицательные тенденции и динамику, возникающие в процессе выполнения ими своих функций. По итогам годовой отчетности можно судить о прозрачности деятельности как руководителей, так и подчиненных [2, с. 94].

Общественный контроль выступает основополагающим инструментом, направленным на уменьшение коррупционных преступлений и проявлений в системе органов власти государства. Согласно Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений¹.

А. Ю. Кирьянов под общественным контролем понимает деятельность, которая осуществляется общественными организациями, а под гражданским — контроль, реализуемый физическими лицами [7, с. 5]. По мнению А. А. Плотникова, общественный контроль представляет собой деятельность общественности и общественных объединений по поводу определения проблем коррупционной направленности, установления причин и условий, способствующих совершению преступлений должностными лицами органов власти, посредством осуществления проверочных мероприятий с дальнейшим информированием уполномоченных лиц для устранения возникших проблем коррупционной составляющей [5, с. 166]. Ключевой задачей общественного контроля является формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Общественный контроль реализуется путем учета общественного мнения и служит защите прав и свобод физических и юридических лиц, а также иных негосударственных некоммерческих организаций. Исследуемый нами институт является гарантом соблюдения общественных правил, поскольку дает

возможность выявлять преступников и выработать механизм привлечения их к ответственности [6, с. 106].

Формирование отрицательного отношения к коррупции, повышение уровня правовой культуры и грамотности общества — основная предпосылка для эффективной борьбы с коррупцией в России. В свою очередь правовая культура имеет социально-правовые и психолого-нормативные признаки, которые служат своего рода мотивацией, побуждающей должностных лиц органов власти исполнять моральные нормы и правовые предписания. Помимо прочего, в целях повышения уровня правовой культуры и нравственности следует активизировать работу с общественностью [8, с. 478]. Взаимодействие с населением должно строиться на основе толерантности, поскольку она является частью правовой культуры сотрудников правоохранительных органов, обеспечивает высокий уровень правоприменительной практики и сочетается с высоким уровнем правовой грамотности и профессионализма [9, с. 338].

Таким образом, большое значение в антикоррупционной деятельности занимает уровень правовой культуры и компетентности населения. Только в обществе, в котором в сознании населения сформировалось отчетливое понимание необходимости законного поведения и добровольного соблюдения нормативных правовых актов, можно создать эффективную антикоррупционную сферу.

Инструментарий общественного контроля должен быть использован в полном объеме в процессе антикоррупционной деятельности. Он весьма многообразен и включает:

- 1) оценку ситуаций, способствующих риску коррупции, и формирование в дальнейшем мероприятий по их минимизации;
- 2) контрольные функции за соблюдением законодательства в области противодействия коррупции;
- 3) реализацию оценки результативности мер, направленных на предупреждение коррупционных рисков;
- 4) подготовку отчетов о результатах антикоррупционной деятельности, анализ полученных результатов и их опубликование.

Общественный контроль реализуется в нескольких формах: 1) мониторинг; 2) проверка; 3) экспертиза; 4) взаимодействие государства и гражданского общества; 5) иные формы. Следует отметить, что формы общественного контроля могут осуществляться комплексно².

Большое внимание в процессе исследования заслуживает общественный мониторинг (далее — мониторинг) как наиболее эффективная форма обществен-

¹ Российская газета. 2014. 29 июля.

² Там же.

ного контроля. Мониторинг — деятельность субъекта общественного контроля, направленная на наблюдение за должностными лицами органов власти, он осуществляется гласно посредством информационных технологий, в том числе интернет-пространства. Процедуру осуществления мониторинга определяет его организатор. Он публикует сведения о предмете мониторинга, когда и как он был осуществлен, а также как определяются его результаты.

Основная цель мониторинга — обеспечение отчетности органов власти и общественных организаций. Цель определяет объекты, подлежащие мониторингу, к которым следует относить: органы государственной власти (исполнительная, законодательная и судебная власти России и ее субъектов), органы местного самоуправления, политические партии, частные и общественные организации. Положительный зарубежный опыт наблюдается в Республике Казахстан, где шесть общественных организаций сформировали Национальную бюджетную сеть (далее — НБСК), цель которой — координация усилий в области мониторинга и анализа коррупционных рисков. НБСК не является юридическим лицом и публична для новых организаций, имеющих опыт и достижения в области анализа и мониторинга коррупционных ситуаций [3, с. 157].

В нашей стране начальным этапом формирования базы осуществления мониторинга является принятие Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»³. В соответствии с положениями данного закона население имеет право получать сведения о деятельности органов власти на их официальных сайтах. По нашему мнению, умение обращаться с правовой информацией, которая содержится на официальных сайтах государственных органов и других справочно-правовых порталах — неотъемлемая часть мониторинга коррупционных проявлений.

В настоящее время российское общество вполне готово противостоять коррупции и для этого существуют необходимые юридические и институциональные предпосылки.

Наряду с положительными, имеются и отрицательные факторы противодействия коррупции, к которым относятся низкий уровень правосознания общества, слабое взаимодействие общественности с правоохранительными органами, освобождение должностных лиц от ответственности, низкий уровень «свободы» средств массовой информации (далее — СМИ). В правовом государстве предупредительная деятельность направлена на выявление и пресечение коррупционных преступлений и проявлений на ранних стадиях посредством повышения правосознания населения и взаимодействия

общественности с органами государственной власти. Как справедливо утверждал В. Д. Зорькин, «главная цель и задача борьбы с коррупцией — это утверждение правового государства» [10, с. 20].

Рассматривая взаимодействие институтов гражданского общества с органами власти, следует отметить, что такие институты, как Общественная палата России и ее субъектов, слабо взаимодействуют между собой и с другими органами. Задачей правового регулирования в данной ситуации является тщательная регламентация механизма взаимодействия общественности с отдельными органами власти, например, органами внутренних дел и прокуратурой [4, с. 328].

Идеальная «формула» взаимодействия общественности и органов власти в процессе противодействия коррупции — широкое информирование общества посредством СМИ о результатах мероприятий общественного контроля за деятельностью органов власти и отдельных должностных лиц. В связи с вышеизложенным предлагаем сформировать Информационный центр по взаимодействию с общественностью в борьбе с коррупцией в системе МВД России (далее — ИЦВОК МВД России), который будет функционировать на федеральном, региональном, местном и локальном уровнях. Автор предлагает наделить ИЦВОК МВД России следующими полномочиями:

1. На федеральном уровне:
  - 1) организация общественного контроля на всех уровнях противодействия коррупции и коррупционному поведению;
  - 2) взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу (далее — Росфинмониторинг) и органами исполнительной, законодательной и судебной власти по вопросам противодействия преступлениям коррупционной направленности, совершаемым посредством онлайн-пространства;
  - 3) формирование мероприятий в целях минимизации коррупции и коррупционного поведения;
  - 4) разработка алгоритма действий и методических рекомендаций при возникновении коррупционных рисков; внесение предложений по совершенствованию антикоррупционного законодательства;
  - 5) взаимодействие со СМИ по вопросам информированности о деятельности органов власти.
2. На региональном уровне:
  - 1) предоставление отчетов Главному ИЦВОК МВД России по выявленным фактам коррупции на территории субъекта страны;
  - 2) осуществление мероприятий в целях минимизации коррупции и коррупционного поведения, разрабатываемые Главным ИЦВОК МВД России;
  - 3) проведение проверок достоверности и полноты сведений о доходах (расходах) должностных лиц;

³ Российская газета. 2009. 15 февр.

4) принятие предложений по совершенствованию антикоррупционного законодательства от общественности с дальнейшим их предоставлением Главному ИЦВОК МВД России;

5) осуществление контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства;

6) организация правового просвещения должностных лиц и государственных служащих; проведение учебно-практических занятий, связанных с разработкой эффективных механизмов и алгоритмов сотрудничества в процессе борьбы с коррупцией.

3. На местном и локальном уровнях:

1) формирование антикоррупционных локальных актов;

2) осуществление мероприятий, направленных на минимизацию причин и условий, способствующих формированию коррупционного поведения и совершению преступлений коррупционной направленности;

3) формирование пункта общественного контроля в целях предоставления информации о преступлениях коррупционной направленности и коррупционных проявлениях.

Необходимо отметить, что к полномочиям ИЦВОК МВД России на всех его уровнях следует относить наблюдение за антикоррупционным поведением должностных лиц органов власти посредством использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции

«Посейдон» (далее — ГИС «Посейдон»). Это эффективная инновационная система, представляющая собой информационно-аналитическую деятельность органов власти по борьбе с коррупцией, структура которой обусловлена тремя элементами (Посейдон, Посейдон-Р, Справки БК)⁴. В данном направлении наблюдение за антикоррупционным поведением должностных лиц органов власти со стороны субъектов общественного контроля будет заключаться в подключении и направлении запросов в ГИС «Посейдон» в целях получения характеризующих сведений об интересующем должностном лице.

Заключительным этапом формирования ИЦВОК МВД России является выработка способов обращения общества по поводу коррупционных проявлений в ИЦВОК МВД России и создание официального сайта. Первый способ — это направление обращений посредством почтовой связи либо путем личного посещения; второй — с использованием сети интернет на официальный сайт ИЦВОК МВД России. Следует отметить, что порядок направления обращений должен основываться на функционировании онлайн-сервиса «Прием обращений граждан и организаций»⁵.

На наш взгляд, создание ИЦВОК МВД России минимизирует причины и условия, способствующие совершению преступлений коррупционной направленности, и эффективно отразится на уровне коррупции в стране.

Список литературы

1. Вахтина М. А. Роль общественного контроля в противодействии коррупции: российский опыт // Гуманитарные балканские исследования. 2020. № 3(9).
2. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1(67).
3. Комбарова Е. В., Кяров А. З. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах публичной власти России // Велес. 2016. № 12-1(42).
4. Комбарова Е. В., Троицкая Т. В. Механизм общественного контроля в борьбе с коррупцией // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9(124).
5. Плотников А. А. Возможности общественного контроля в сфере противодействия коррупции // Государственное управление и государственная служба: актуальные проблемы и пути совершенствования : сб. науч. тр. Вологда, 2021.
6. Плотников А. А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2.
7. Кирьянов А. Ю. Общественный и гражданский контроль: правовое разграничение понятий // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 1.
8. Минзянова Д. Ф. Влияние морали и правовой культуры на реализацию правовых норм сотрудниками органов внутренних дел // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. Могилев, 2022.
9. Мальченкова В. В. Патриотическое воспитание в профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 11.
10. Зорькин В. Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7.

⁴ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18, ст. 3053.

⁵ Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/request_main (дата обращения: 05.10.2022).

УДК 343.983.22

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-22-26

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Об использовании ситуационного подхода при проведении идентификации пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий

Егор Александрович Лаппо

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности¹,
✉ sharp61678@mail.ru

¹ Могилевский институт МВД Республики Беларусь (Могилев, Республика Беларусь)

Рассматриваются практические аспекты, связанные с использованием положений теории идентификации и подклассовых признаков при проведении судебных баллистических экспертиз пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий, анализируется выбор условий при проведении экспертного эксперимента для получения экспериментальных следов. Автором аргументирован вывод об эффективности комплексного использования знаний в области трасологии и судебной баллистики в процессе доказывания на основе положительного примера из практики работы экспертных подразделений Республики Беларусь.

Ключевые слова: криминалистика, судебная баллистическая экспертиза, экспертное исследование, экспертный эксперимент, пневматическое оружие, идентификация

Для цитирования: Лаппо Е. А. Об использовании ситуационного подхода при проведении идентификации пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 22–26.

On Usage of Situational Approach to Conducting Identification of Pneumatic Weapon and Articles Similar to it in Construction

Egor A. Lappo

Candidate of Science in Law, Associate-Professor, Chief of the chair of Crime Detection¹, ✉ sharp61678@mail.ru

¹ the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Mogilev, the Republic of Belarus)

Under consideration are some practical aspects of using the provisions of the theory of identification and subclass signs in forensic ballistics examinations of pneumatic weapon and items similar to it in construction. The paper analyzes the choice of conditions in providing expert experiment for receiving experimental traces.

The author substantiates the conclusion on effectiveness of complex usage of knowledge in the field of forensic trace examination and forensic ballistics in the process of proving based on the positive example of practical performance of expert units of the Republic of Belarus.

Keywords: forensic science, forensic ballistics examination, expert investigation, expert's experiment, pneumatic weapon, identification

Citation: Lappo E. A. On Usage of Situational Approach to Conducting Identification of Pneumatic Weapon and Articles Similar to it in Construction. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 22–26 (In Russ.).

Относительная доступность пневматического оружия и конструктивно-сходных с ним изделий калибра 4,5 мм обусловила его широкое применение при совершении преступлений на территории Республики Беларусь, а также в странах постсоветского пространства. В частности, на территории Беларуси указанные устройства используются при совершении таких категорий преступлений, как причинение телесных повреждений различной степени тяжести, разбой, хулиганство, угроза убийством, повреждение имущества. Раскрытие преступлений, совершенных с применением огнестрельного, газового, пневматического оружия

и конструктивно сходных с ним изделий, ввиду их повышенной общественной опасности и общественного резонанса осуществляется в максимально короткие сроки, не только с использованием сил и средств оперативных подразделений органов внутренних дел в рамках оперативно-розыскного законодательства, но и с привлечением во всех случаях сотрудников экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

В литературе справедливо отмечается, что выделение судебной баллистики в самостоятельное направление криминалистической техники связано

с открытием методов идентификации оружия [1, с. 3]. Практическая деятельность экспертных подразделений по проведению судебных баллистических экспертиз позволяет утверждать, что на поверхности метаемого элемента, выстреленного из огнестрельного или пневматического оружия, отображаются особенности канала ствола. Данный тезис является аксиоматичным и сомнений не вызывает. В частности, если рассматривать принцип стабилизации пули в полете посредством ее вращения (по принципу простейшего гироскопа), то оно обеспечивается исключительно наличием в канале ствола винтовых нарезов, обладающих определенными параметрами чистоты обработки в процессе производства.

Следы на пулях, выстреленных из нарезного пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий (далее — пневматическое оружие), традиционно исследуются в процессе решения идентификационных задач, поскольку их образование в процессе выстрела подчиняется общим закономерностям механизма следообразования. Аспекты проведения идентификационных исследований этих объектов отражены в трудах таких ученых, как Н. Ю. Жигалов, В. Ф. Зайцев, И. В. Латышов, М. Э. Портнов, В. А. Ручкин, А. И. Устинов, В. В. Филиппов [2, с. 108–113; 3, с. 156–162] и др.

Исходя из устоявшихся в отечественной науке взглядов, идентификация пневматического оружия осуществляется аналогично огнестрельному оружию на основе индивидуальной, устойчивой и неповторимой совокупности общих и частных признаков, отображающихся в следах на пулях. Общие признаки объединяют все экземпляры оружия какой-либо модели и характеризуют как особенности конструкции ствола (калибр, количество, ширина, направление, угол наклона нарезов и др.), так и его износ (малый, средний, высокий). К частным признакам относятся следы в виде трасс, образующиеся на поверхности пули от ребер боевых и холостых граней, от неровностей полей нарезов и нарезов канала ствола.

Помимо указанных следов, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, могут быть использованы и другие следы, которые некоторые авторы называют подклассовыми. В литературе отмечается, что «четкой грани между тем, что мы привыкли называть общими (родовыми) и частными (особенности, индивидуальные признаки) признаками не существует. Совпадение сочетания общих признаков и сравнительно крупных особенностей, которые не имеют характера детальных признаков, во многих случаях может дать твердое основание для решения вопроса о наличии тождества, а совпадение отдельных, не связанных между собой и с общими признаками деталей следов (трасс на пуле), может увести эксперта на ошибочное заключение» [4, с. 190].

При отождествлении оружия по его следам, как правило, исследуют следы-отображения, характеризующие индивидуальные особенности строения следообразующих элементов, абстрагируясь от иных «случайных» следов, появление которых на исследуемых объектах не имеет причинно-следственной связи с рассматриваемым событием. П. Гиверц и А. В. Кокин при проведении идентификационного исследования гильз, кроме общих и частных признаков, обоснованно выделяют дополнительно третью, промежуточную группу — подклассовые признаки. Такие признаки возникают на этапе обработки деталей оружия и могут присутствовать на нескольких деталях, обработанных одним инструментом. При этом авторы подчеркивают, что в ходе проведения сравнения следов важно уметь отличить подклассовые признаки от частных [5].

В рассматриваемом нами случае речь идет о следах орудий и механизмов на гильзах и деталях оружия как продукции массового производства. В данном контексте позиция названных авторов заслуживает поддержки, поскольку указанное обстоятельство может привести к ошибочному заключению о тождестве. Знание механизма образования таких следов следует учитывать и применять в экспертной практике при решении идентификационных задач, а также использовать в процессе доказывания полученные в ходе экспертного исследования результаты.

В литературе процесс доказывания определяется как способность моделирования юридического факта в сознании правоприменителя субъектом доказывания при помощи отображения субъективного в объективном мире действиями или осмысленными преднамеренными бездействиями в рамках установленной юридической процедуры [6]. Полагаем, что выделение и использование подклассовых признаков и в следах на снарядах, включая пули для пневматического оружия, способно подтвердить факты, имеющие материально-правовое значение, без установления которых нельзя разрешить дело по существу.

Применительно к вопросу идентификации пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий, использования подклассовых признаков в процессе идентификации пули, выстреленной из пневматической винтовки малого калибра можно привести один из положительных примеров экспертной практики при решении идентификационной задачи. Так, в одно из экспертных подразделений г. Минска поступила на исследование пуля для пневматического оружия калибра 4,5 мм (.177), изъятая в ходе осмотра места происшествия по факту повреждения имущества (рис. 1–3). В ходе осмотра пули было установлено, что форма ее претерпела значительную деформацию при попадании в преграду, на наружной боковой поверхности пули отобразились границы трех следов полей нарезов каналов ствола.

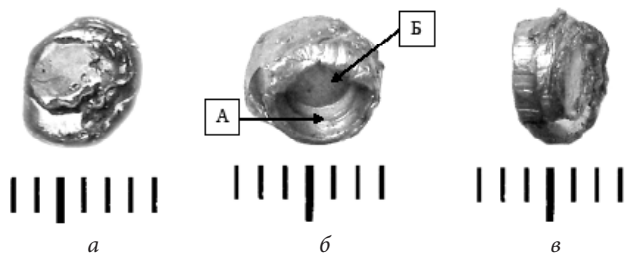

Рис. 1. Общий вид представленной на исследовании пули:
а — вид спереди; б — вид сзади; в — вид сбоку

Рис. 2. Общий вид повреждения бокового стекла автомобиля

Рис. 3. Общий вид повреждения лакокрасочного покрытия кузова автомобиля

На судебную баллистическую экспертизу были представлены также пневматическая винтовка «HATSAN 55 S» и металлическая коробка с пулями калибра 4,5 мм (.177), изъятые у подозреваемого (рис. 4 и 5).

Рис. 4. Общий вид представленной на исследовании винтовки «HATSAN 55 S» (левая сторона)

Рис. 5. Общий вид одной из 147 пуль, представленных на исследование

При визуальном осмотре и микроскопическом исследовании пули, изъятая в ходе осмотра автомашины, был выявлен ряд следов. На ее ведущей части (обтюрирующей юбке) отобразились следы трех полей нарезов правого направления (вторичные следы), имеющие угол наклона от $2^{\circ}30'$ до $2^{\circ}38'$ и ширину 0,5 мм (рис. 6). В следах полей нарезов четко выражены следы боевой и холостой грани. Между отдельными следами полей нарезов отобразились следы от стенок канала ствола в виде небольших участков параллельных трасс, угол которых совпадал с углом наклона полей нарезов. Первичные следы канала ствола на представленной пуле отсутствовали. Это объясняется тем, что при выстреле пуля практически сразу приобрела вращательно-поступательное движение в виду мягкости металла, из которого она изготовлена, малого угла наклона нарезов, а также относительно небольшого давления в канале ствола при выстреле, что свидетельствует о стрельбе ею из пневматического оружия.

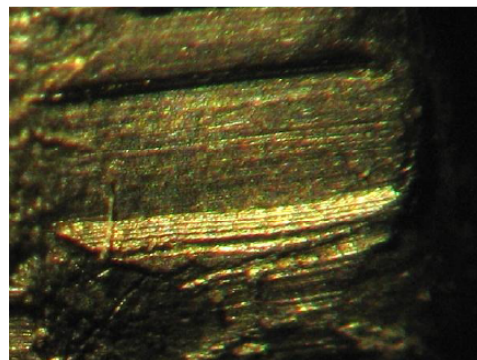

Рис. 6. Увеличенный фотоснимок одного из следов поля нареза канала ствола на пуле, изъятая в ходе осмотра автомашины

Тем не менее отобразившиеся в следах на пуле особенности микрорельефа в виде параллельных трасс (валиков и бороздок), их направление, взаимное расположение и степень выраженности позволили признать их пригодными для идентификации ствола оружия, из которого была предположительно выстрелена пуля, представленная на исследование. Ввиду отсутствия в методической и справочной литературе указаний на конкретные приборы и материалы, используемые для получения экспериментальных образцов при стрельбе из пневматического оружия, стрельба производилась в емкость размерами $2 \times 1 \times 1$ м, заполненную водой. Использование воды в качестве тормозящей среды позволило получить следы на экспериментальных пулях высокого качества. На их ведущих частях отобразились следы двенадцати полей нарезов правого направления (вторичные следы), имеющие угол наклона от $2^{\circ}30'$ до $2^{\circ}38'$ и ширину 0,5 мм, аналогичные по общим признакам тем, которые отобразились на пуле, изъятая в ходе осмотра автомашины. Первичные следы канала ствола на экспериментальных пулях не отобразились (рис. 7).

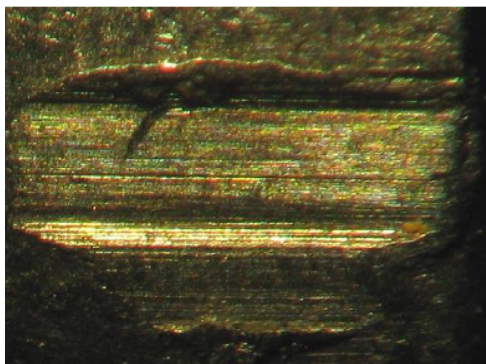

Рис. 7. Увеличенный фотоснимок одного из 12 следов полей нарезов канала ствола, отобразившихся на экспериментальной пуле

Следует отметить, что экспертом после получения экспериментальных пуль была произведена стрельба пулями иных типов, имеющимися в его распоряжении, однако каких-либо следов от канала ствола винтовки на их ведущих частях не отобразилось, что в очередной раз подтверждает тезис о необходимости воспроизведения в ходе экспертного эксперимента всех условий, имевших место в предполагаемых обстоятельствах. В результате проведенного сравнительного исследования методом совмещения следов от стенок канала ствола, отобразившихся на представленной на исследование пуле, со следами от стенок канала ствола, отобразившимися в следах полей нарезов на экспериментальных пулях, было установлено совпадение как по общим (форма, размеры, угол наклона и ширина следов полей нарезов), так и по частным признакам (особенности микро-рельефа валиков и бороздок в следах, их взаимному расположению) (рис. 8).

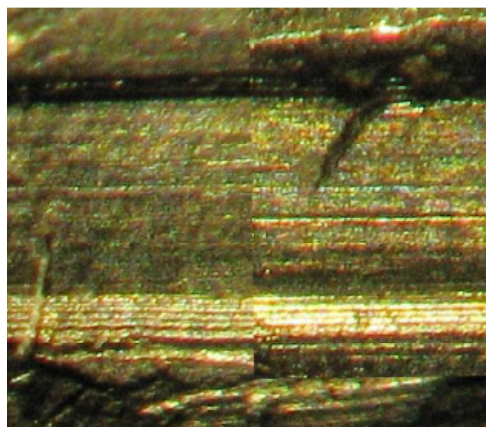

Рис. 8. Увеличенный фотоснимок совмещения следа поля нареза канала ствола отобразившегося на представленной на исследование пуле (слева), и следа поля нареза канала ствола, отобразившегося на экспериментальной пуле (справа)

Кроме того, при визуальном осмотре поверхности пули, представленной на исследование, были обнаружены статические следы в виде концентрических выступов и углублений на внутренней поверх-

ности обтюрирующей юбки, а также на внутренней поверхности головки пули (рис. 1 б, отм. А и Б).

В ходе изучения специальной литературы по технологии производства подобных пуль установлено, что данные следы являются следами отображения штамповочного оборудования, на котором была изготовлена эта пуля. Фактически единственным промышленно применимым дешевым способом массового изготовления является их штамповка из свинцовой полосы высокопрочным штампом (пуансоном). В результате такой операции из-за мягкости металла, из которого изготавливаются пули, на их внутренней поверхности отображается рельеф рабочей поверхности пуансона (рис. 9). Данные следы были пригодны для идентификации предмета, которым они оставлены.

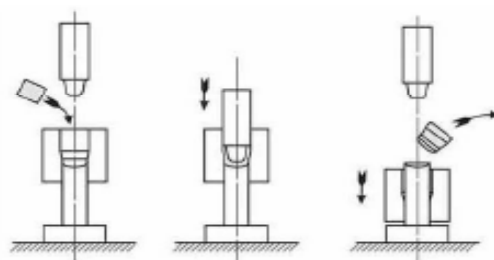

Рис. 9. Технологический процесс изготовления пуль для пневматического оружия в процессе массового производства

В ходе проведения микроскопического исследования 10 из 147 пуль, изъятых у подозреваемого, было установлено, что следы аналогичного характера и формы имеются на их внутренних поверхностях, что свидетельствует о достоверности полученных результатов и обоснованности выдвинутой экспертом гипотезы о едином источнике происхождения. Для решения вопроса о том, были ли изготовлены пуля, изъятая в ходе осмотра места происшествия, и пули, изъятые у подозреваемого, на одном технологическом оборудовании, статические следы, обнаруженные на их внутренней поверхности, были исследованы при помощи микроскопа.

В ходе сравнительного исследования следов от пуансона на поверхностях пули, изъятых в ходе осмотра места происшествия, и 10 пуль, изъятых у подозреваемого, было установлено совпадение как по общим (форма, размеры), так и по частным (расположению и взаиморасположению) признакам выступов и углублений, отобразившихся в данных следах. При этом было установлено, что данные признаки устойчиво отображались на пулях, изъятых у подозреваемого (рис. 10 и 11), что позволило сделать вывод, что пуля, изъятая в ходе осмотра места происшествия, и пули, изъятые у подозреваемого, изготовлены на одном производственном механизме, и тем самым подтвердить общность источника происхождения.

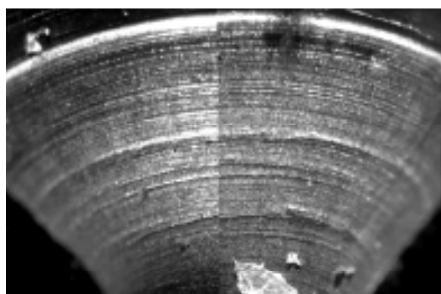

Рис. 10. Увеличенный фотоснимок совмещения следа пуансона, отобразившегося на пуле, изъятой в ходе осмотра места происшествия (слева), и следа пуансона на внутренней поверхности одной из пуль, изъятых у подозреваемого (справа) (рис. 1 б, отм. А).

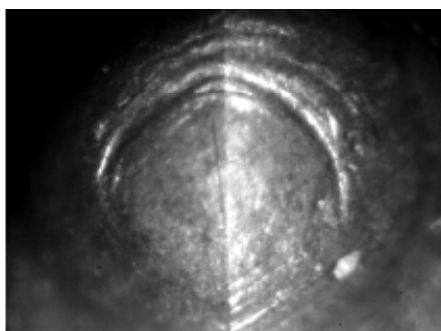

Рис. 11. Увеличенный фотоснимок совмещения следа пуансона, отобразившегося на внутренней поверхности головки пули, изъятой в ходе осмотра места происшествия (слева), и следа пуансона на внутренней поверхности головки одной из пуль, изъятых у подозреваемого (справа) (рис. 1 б, отм. Б).

Аналогичное совпадение установлено со следами детали производственного механизма на внутренней

поверхности головок пуль (рис. 1 б, отм. Б, рис. 11). Полученные результаты нашли отражение в выводах судебной баллистической экспертизы.

Изложенное в настоящей статье позволяет сделать следующие обобщенные выводы.

1. Идентификация пуль для пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий, изготовленных на одном производственном механизме, как изделий массового производства, изготовленных на одном производственном оборудовании, возможна даже в условиях значительной деформации их формы при попадании в преграду и неотображении следов канала ствола на их наружной поверхности при выстреле. Установление такого факта в процессе проведения экспертизы направлено на получение сведений, составляющих впоследствии предмет доказывания.

2. Сопоставление установленных в результате проведения судебной баллистической экспертизы фактов с подлежащими доказыванию обстоятельствами позволит правоприменителю сделать вывод о достижении цели доказывания, определить объем вменяемого лицу деяния и его правовую квалификацию с учетом обстоятельств произошедшего события, исходя из складывающейся следственной (оперативно-розыскной) ситуации.

Представляется, что учет изложенных в статье выводов может способствовать совершенствованию судебно-экспертной практики в части решения идентификационных задач судебной баллистической экспертизы пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий.

Список литературы

1. Шевченко Б. И. Идентификация оружия по пуле в судебной баллистике : лекция. М., 1962.
2. Портнов М. Э. Криминалистическое исследование пневматического оружия : справочно-методическое пособие для экспертов-криминалистов, сотрудников уголовного розыска и следователей / М. Э. Портнов, А. И. Устинов, В. В. Филиппов ; под ред. А. И. Устинова. М., 1971.
3. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения : учебник : ч. 1 / под ред. В. А. Ручкина, И. А. Чулкова. Волгоград, 2004.
4. Комаринец Б. М. О недостатках в производстве экспертиз идентификации огнестрельного оружия по пулям // Методика криминалистической экспертизы М., 1961.
5. Гиверц П., Кокин А. В. Проблема подклассовых признаков в судебно-баллистической идентификации // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15(1).
6. Боруленков Ю. П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Бизнес в законе. 2013. № 1.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-27-30

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Свойства следообразующих и следовоспринимающих объектов в трасологических экспертизах по следам обуви

Сергей Васильевич Юматов

преподаватель кафедры криминалистики¹, ассистент кафедры уголовного права и процесса²,

✉ sergey.yumatov@mail.ru

¹ Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Одним из направлений развития судебной экспертизы является совершенствование подходов к исследованию свойств следообразующего и следовоспринимающего объектов. Современные процессы проектирования и изготовления обуви обуславливают появление новой группы криминалистических признаков. Свойства следовоспринимающего объекта определяют вероятность отображения признаков в следах и их возможные искажения. При этом следовоспринимающая поверхность является динамичной системой, состояние которой может меняться после следового контакта и до его изъятия. На примере решения диагностической задачи по установлению пригодности следов обуви для идентификации обуви, его оставившей, показан анализ свойств следообразующего и следовоспринимающего объектов.

Ключевые слова: трасология, следообразующий объект, следовоспринимающий объект, механизм следообразования, кастомизация, искажение признаков, судебная экспертиза

Для цитирования: Юматов С. В. Свойства следообразующих и следовоспринимающих объектов в трасологических экспертизах по следам обуви // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 27–30.

Properties of Trace-Forming and Trace-Receiving Objects in Forensic Trace Examinations of Shoeprints

Sergey V. Yumatov

lecturer at the chair of Criminalistics¹, assistant at the chair of Criminal Law and Procedure², ✉ sergey.yumatov@mail.ru

¹ the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Nizhny Novgorod, Russia)

² Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University (Nizhny Novgorod, Russia)

One of the areas of developing forensic examination is improvement of approaches to studying the properties of trace-forming and trace-receiving objects. The modern processes of designing and producing shoes determine the emergence of a new group of forensic features. The properties of a trace-receiving object predetermine possible reflection of features in traces and their possible distortions. At the same time, trace-receiving surface is a dynamic system, which state can change after the print contact and prior to its recovery. Based on the example of solving a diagnostical task to establish the appropriateness of shoeprints for identification of shoes, which have left them, the author analyzes the properties of trace-forming and trace-receiving objects.

Keywords: forensic trace examination, trace-forming object, trace-receiving object, mechanism of trace formation, customization, distortion of features, forensic examination

Citation: Yumatov S. V. Properties of Trace-Forming and Trace-Receiving Objects in Forensic Trace Examinations of Shoeprints. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 27–30 (In Russ.).

Осмотр места происшествия по различным видам преступлений предполагает и поиск следов обуви. Это касается не только краж, грабежей, разбоев, убийств, изнасилований, но и тех составов преступлений, где необходимость обнаружения и изъятия следов обуви не так очевидна. Например, О. В. Трубкина допускает вероятность обнаружения следов обуви на месте происшествия при расследовании мошенничества в сфере страхования, совершенно-

го в отношении материальных интересов страховых компаний [1, с. 116]. Е. Л. Козлова предлагает искать следы обуви при осмотре места происшествия по делам о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [2, с. 41]. Ю. Б. Имаева, рассматривая методику расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт, говорит о необходимости отыскания следов обуви в ходе осмотра места

происшествия [3, с. 83]. Одним словом, следы обуви служат важным источником сведений о преступнике и его действиях на месте происшествия. Качественное и полное использование такого ресурса в ходе раскрытия и расследования преступлений предполагает учет современных тенденций исследования объектов в судебно-экспертной деятельности.

Одним из направлений автоматизации в судебно-экспертной деятельности является создание систем анализа изображений. Подобные системы активно применяются в криминалистических экспертизах. Работа средств автоматизации может быть направлена как на поиск комплекса признаков в следах, так и на сопоставление следов. Основой функционирования систем выступает правильно проработанный алгоритм решения экспертной задачи. В некоторых случаях задача может быть разбита на подзадачи, характеризующие какой-либо самостоятельный этап исследования. Г. Л. Грановский отмечает, что след «формируется в результате взаимодействия свойств образующего и воспринимающего объектов» [4, с. 27]. Из чего следует, что построение алгоритмов решения экспертных задач должно базироваться на изучении свойств как следообразующего объекта, так и следовоспринимающего.

Анализ диссертационных исследований, научных статей, монографий в области исследования объектов судебно-экспертизы демонстрирует тенденцию к всестороннему изучению свойств следообразующих и следовоспринимающих объектов. Применительно к следообразующим объектам этот процесс затрагивает не только их микропризнаки, но и проектирование предметов на производстве. Так, В. А. Коглина вводит понятие «3D-признак», который находит отражение в компьютерной модели изделий массового производства [5, с. 18]. На наш взгляд, система признаков обуви должна отражать современные подходы к ее созданию. Если ранее применялись копировально-графическая система и система жесткой оболочки при проектировании обуви [6, с. 48], то сейчас этот процесс полностью осуществляется с помощью компьютерных программных продуктов. Этот фактор открывает широкие возможности в создании различных модификаций обуви. О. А. Медведева обращает внимание на использование онлайн-конструкторов при проектировании обуви, что ведет к кастомизации при ее проектировании [7]. Кастомизация предполагает участие потребителя в придании изделию индивидуальных черт, обусловленных его потребностями [8, с. 176]. С криминалистической точки зрения, использование такого способа проектирования ведет к формированию группы признаков обуви, которые в зависимости от количества изготовленных пар по схемам заказчика могут относиться как к общим, так и к частным признакам.

Учет свойств следовоспринимающей поверхности не оставлен без внимания в судебной экспертизе. Ряд экспертных методик берет в расчет параметры следовоспринимающего объекта. Например, в автотехнической экспертизе методика предусматривает анализ данных о состоянии дорожного покрытия [9, с. 5]. Ведутся исследования, направленные на установление влияния различных состояний следообразующего объекта на особенности отображение его признаков. Ю. А. Донцова предлагает рассматривать объект дактилоскопической экспертизы в виде сложной динамической системы, свойства которой зависят от вещества следа, следоносителя и внешней среды [10, с. 19]. Таким образом, при изучении следа, поступившего на экспертизу, необходимо учитывать возможные изменения в нем после следового контакта до его изъятия. Свойства следовоспринимающего объекта должны быть изучены в пределах их влияния на признаки следа.

Вместе с тем методическое обеспечение решения экспертных задач по следам обуви не соответствует потребностям в исследовании свойств объектов. Например, методика решения диагностической задачи по установлению пригодности следа для идентификации при отсутствии сравнительного материала разработана лишь в общих чертах. Необходимо отметить, что недостаток методического материала по установлению пригодности следов для идентификации обуви негативно сказывается и на формулировании выводов эксперта без использования средств анализа изображений. Часто исследуются не все условия следообразования, выявляются не все общие и частные признаки, не применяются графические редакторы для установления слабо различимых признаков, что приводит к признанию следов, которые можно использовать в идентификационных исследованиях, непригодными для этого.

Кроме того, в практической деятельности экспертам приходится в основном работать с малоинформативными следами, что существенно усложняет решение экспертной задачи, приводит к формулированию вероятных выводов [11]. Малоинформативные следы обуви предполагают различные вариации: отображение небольшого участка подошвы; отображение подошвы (или ее части) без рисунка; наличие больших искажений элементов; отображение 1–2 элементов рисунка в следе и др. Всестороннее исследование подобных следов невозможно в отрыве от изучения большого объема данных, таких как: особенности механизма следообразования; изменения в следе после следового контакта и до его изъятия; сведения об обуви, оставившей следы, из иных источников; признаки, отобразившиеся в следах; основные типы конструкций подошв обуви; возможное смешение элементов рисунка с фоном следа.

Задачей настоящего исследования являлось развитие положений Г. Л. Грановского, И. И. Пророкова,

Н. П. Майлис по методике производства трасологической экспертизы следов подошвы обуви применительно к исследованию малоинформативных следов при решении вопроса об их пригодности для идентификационного исследования с учетом новых подходов к изучению свойств следообразующих и следовоспринимающих объектов. Обобщение экспертной практики, а также экспериментальные наблюдения позволили сформулировать основополагающие особенности методики решения диагностической экспертной задачи по определению пригодности следов подошв обуви для идентификации оставившей их обуви.

1. *Определение следовоспринимающей поверхности.* Анализ трасологических экспертиз показал, что особенности поверхности, на которой образован след, не учитывается экспертом при формулировании вывода. Вместе с тем изучение следовоспринимающего объекта в некоторых случаях может играть решающую роль в определении пригодности следа для идентификационных исследований. Так, при образовании следа на снегу отображение признаков будет зависеть от его механических свойств. При крупнозернистом снеге размер его частиц превышает 2 мм [12, с. 23], что исключает возможность отображения элементов рисунка, частных признаков размером менее 2 мм. При исследовании следа на свежевыпавшем или мелкозернистом снеге, в котором отсутствуют детали строения, можно сделать вывод об образовании его обувью без рисунка или с рисунком в виде «зерно», «чешуя», «точки». Кроме того, на механизм следообразования на некоторых поверхностях оказывает влияние температура, влажность воздуха.

В качестве источников сведений о характеристиках следовоспринимающей поверхности можно выделить протокол осмотра места происшествия, упаковку объекта (пояснительная надпись); при изъятии следа с помощью фотографирования — содержание снимка и свойства файла (метаданные). Исходные данные о поверхности, на которой обнаружен след, также должны быть изложены в описательной части постановления о назначении судебной экспертизы.

2. *Определение вида следа:* статический или динамический. Как правило, динамические следы обуви признаются непригодными для идентификационных исследований. Однако методика идентификации обуви по ее следам предусматривает возможность идентификации по динамическим следам. На этом этапе необходимо определить дальнейшее направление исследования: по статическим следам — анализ формы следа, его контуров и деталей строения; по динамическим — анализ отобразившихся в следе трасс.

3. *Изучение информации об обуви предполагаемого преступника из иных источников информации* (видеозапись, показания очевидцев происшествия). На данном этапе эксперт на основе имеющихся сведений

может определить тип предполагаемой обуви. Исходя из этого устанавливается возможность отображения рисунка обуви в том виде, как в изъятном следе.

4. *Установление границ следа.* Выясняется, возможно ли четко определить форму подошвы и (или) ее частей. Эксперт на основе данных о типах конструкции обуви выясняет границы следа. Границы подошвы, как правило, образуют дугообразные или прямые линии.

5. *Определение части подошвы обуви, отобразившейся в следе.* Исходя из формы, крутизны границ следа эксперт устанавливает, какие части подошвы обуви отобразились в следе. При отсутствии границ следа его требуется классифицировать как оставленный неопределенным участком подошвы. Эксперт проводит измерения длины и ширины подошвы, ее отдельных частей.

6. *Определение количества следов* (возможные наложения следов). На основании перекрещивания элементов рисунка, неестественных форм и размеров выявляется количество зафиксированных следов.

7. *Определение погодных условий* (или условий в помещении, в котором располагается след) для оценки возможных изменений в следе. На этом этапе анализируются данные, свидетельствующие об искажении признаков в следе после его образования и до изъятия. Так, изменения температуры ведут к преобразованию структуры снега, в результате чего происходит искажение общих и частных признаков в следе. Подобные сведения далеко не всегда имеются в материалах дела, поэтому в отдельных случаях могут потребоваться данные из метеорологических служб, официального сайта Гидрометцентра.

8. *Определение наличия или отсутствия рисунка в следе.* Эксперт подсчитывает количество элементов, устанавливает их размеры, положение и взаиморасположение.

Стадия оценки проведенного исследования и формулирования вывода предполагает анализ выявленных свойств следообразующего и следовоспринимающего объектов с учетом факторов, влияющих на изменение признаков в следе. Выяснение природы данных признаков в следе осуществляется исходя из объема отображения рисунка в нем.

1. В следе просматривается общий тип рисунка.

Установление перерывов в отображении элементов обуви. Неполнота элементов в следе есть всегда. Это может свидетельствовать как о частных признаках (износ подошвы, заводской брак), так и о особенностях механизма следообразования (частичное отслоение вещества следовоспринимающего объекта). В связи с этим перерывы в отображении элементов без сравнительного материала не целесообразно оценивать в качестве частных признаков. След признается пригодным для дальнейшей идентификации обуви, его оставившей.

2. Рисунок в следе отобразился с искажениями.

Определение степени искажения элементов рисунка. Если угадываются очертания отдельных элементов, то след признается пригодным для дальнейшей идентификации обуви. Если можно установить общие очертания элементов или четко отобразились контуры подошвы или ее частей, то след признается пригодным для установления групповой принадлежности. В противном случае — непригодным для идентификации.

3. В следе отобразились 1–3 элемента.

Установление количества отобразившихся деталей, отделение элементов от фона. В таких случаях эксперт должен быть точно уверен, что просматриваемые элементы являются частью рисунка на подошве обуви, что они не образованы попаданием в границы следа посторонних предметов, естественными возвышениями и углублениями следовоспринимающего объекта, влиянием способа изъятия следа. Если в следе имеется хотя бы один элемент, это дает основание признать его пригодным для идентификации обуви, его оставившей. Если элементы в следе не подтверждаются, то он признается непригодным для идентификации.

4. В следе отсутствуют элементы рисунка.

Выявление окрашенных и неокрашенных участков, выступов и углублений в следе, анализ структуры следа. Формулирование вывода в рассматриваемом случае во многом будет зависеть от типа поверхности, на которой образован след. Если тип поверхности исключает возможность образования элементов рисунка (например, крупнозернистый снег) и при этом границы следа

отобразились нечетко, невозможно установить форму подошвы или отдельных частей, то такой след должен быть признан непригодным для идентификации обуви, его оставившей. Если тип поверхности исключает возможность образования элементов рисунка, границы следа отобразились четко, можно установить форму подошвы или отдельных частей, то такой след должен быть признан пригодным для установления групповой принадлежности. Если тип поверхности не исключает возможности образования элементов рисунка, вне зависимости от четкости границ следа и возможности установления формы подошвы или ее отдельных частей, то такой след должен быть признан пригодным для идентификации обуви, его оставившей.

Таким образом, полное и всестороннее исследование следов обуви невозможно в отрыве от изучения свойств следовоспринимающей поверхности. Анализ таких данных направлен на выяснение природы и значения признаков в следах, что повышает достоверность заключения эксперта. В контексте использования системы анализа изображения в трасологических экспертизах необходима разработка алгоритмов, учитывающих свойства следовоспринимающих объектов и возможные изменения в следах после их образования. Система общих и частных признаков обуви должна быть пересмотрена с учетом современных подходов к ее проектированию. Необходимо выделение признаков кастомизации как самостоятельной группы. В зависимости от количества изготовленных изделий данные признаки могут быть общими или частными.

Список литературы

1. Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015.
2. Козлова Е. Л. Методика расследования неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
3. Имаева Ю. Б. Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015.
4. Грановский Г. Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1974.
5. Коглина В. А. Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
6. Макарова В. С. Моделирование и конструирование обуви и колодок : учебник. М., 2003.
7. Медведева О. А. Разработка методики проектирования обуви массового производства с элементами кастомизации : автореф. дис. ... канд. тех. наук. М., 2022.
8. Сасскинд Р., Сасскинд Д. История вашего будущего: что технологии сделают с вашей работой и жизнью. М., 2020.
9. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / общая ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. Ч. 1 / под ред. канд. тех. наук Ю. М. Дильдина. М., 2010.
10. Донцова Ю. А. Теория и практика криминалистического исследования следов рук, образованных в условиях негативного влияния свойств объектов или действия факторов внешней среды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.
11. Юматов С. В. Трасологическая экспертиза следов подошв обуви: современное состояние и перспективы развития // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : мат-лы всерос. науч. конф. с международным участием, Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 года. Н. Новгород, 2021.
12. Войтковский К. Ф. Механические свойства снега. М., 1977.

УДК 342.9:623.4

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-31-35

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Применение понятия «повторность привлечения к административной ответственности» в сфере оборота оружия

Екатерина Юрьевна Чумарова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел¹, ✉ ekaterina.chumarova@mail.ru

¹ Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия)

Существующая в действующем законодательстве вариативность юридического значения понятия «повторность» нередко вызывает на практике трудности, связанные с его правильным толкованием и применением. В статье анализируется правовая основа, определяющая последствия повторного привлечения в течение года к административной ответственности за совершение ряда административных правонарушений в сфере оборота оружия, обозначены затруднения, возникающие в правоприменительной деятельности. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой области правоотношений.

Ключевые слова: повторное привлечение к административной ответственности, неоднократность административных правонарушений, оборот оружия, отказ в выдаче лицензии, аннулирование и изъятие лицензии и разрешения на хранение оружия

Для цитирования: Чумарова Е. Ю. Применение понятия «повторность привлечения к административной ответственности» в сфере оборота оружия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 31–35.

Applying the Term “Repeat Bringing to Administrative Justice” in the Sphere of Arms Trafficking

Ekaterina Yu. Chumarova

Candidate of Science in Law, Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Administrative Law and Administrative Activity of Law Enforcement Agencies¹, ✉ ekaterina.chumarova@mail.ru

¹ the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnoyarsk, Russia)

A variety of legal meanings of the term “repeatability” in the current legislation not infrequently causes difficulties in practice associated with its appropriate interpretation and application. The article examines the legal basis which determines the consequences of repeat bringing to administrative justice during one year for a range of administrative offences in the sphere of arms trafficking, outlines the difficulties arising in law enforcement, and formulates the proposals to improve the current legislation in the field of legal relationships under study.

Keywords: repeat bringing to administrative justice, repeated administrative offences, arms trafficking, refusal to issue a license, annulment and seizure of license and permission to store weapon

Citation: Chumarova E. Yu. Applying the Term “Repeat Bringing to Administrative Justice” in the Sphere of Arms Trafficking. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 31–32 (In Russ.).

В соответствии с п. 5 ч. 20 ст. 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»¹ (далее — ФЗ «Об оружии») повторное привлечение в течение года к административной ответственности за совершение ряда административных правонарушений является основанием для отказа в выдаче лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, а также причиной ан-

нулирования и изъятия такой лицензии и разрешения на хранение (хранение и ношение либо хранение и использование) оружия.

К числу таких административных правонарушений в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) относятся деяния, которые посягают на общественный порядок и общественную

¹ Об оружии : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51, ст. 5681.

безопасность (гл. 20) или установленный порядок управления (гл. 19), связаны с нарушением правил охоты (ст. ст. 8.37, 7.11), либо правил оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (например, ст. 6.8, 6.16, 6.16.1), за исключением административных правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.9). Совершение данных административных правонарушений влечет указанные неблагоприятные правовые последствия даже при однократном совершении (п. 10 абз. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии»).

Существование указанной нормы обусловлено тем, что оружие является источником повышенной опасности, вследствие чего неблагонадежное с точки зрения административно-деликтного права поведение его владельцев, а также претендентов на его приобретение должно рассматриваться как основание для ограничения их прав в сфере оборота оружия. Между тем в практической деятельности органов, принимающих решения о выдаче и аннулировании таких лицензий и (или) разрешений, возникают трудности, связанные с правильным толкованием и применением такого юридического понятия, как повторность. Аналогичные проблемы возникают также в судебной практике при рассмотрении жалоб на решения об аннулировании таких лицензий и (или) разрешений.

В настоящее время правовое регулирование вопросов, связанных с использованием понятия «повторность» в сфере оборота оружия, осуществляется двумя нормативными правовыми актами: КоАП РФ и ФЗ «Об оружии». При этом содержание рассматриваемого понятия в этих правовых источниках формулируется по-разному. Вследствие этого у правоприменителей и судей возникают трудности при определении того, является ли правонарушение повторным только в случае совершения однородного административного правонарушения, как того требует п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ, или следует рассматривать повторное привлечение к административной ответственности за перечисленные в п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» административные правонарушения в качестве особого условия ограничения прав граждан

дан в сфере оборота оружия вне зависимости от родового объекта посягательства, исходя исключительно из тенденции противоправного поведения субъекта, претендующего на приобретение оружия или уже обладающего им, в течение одного года.

Так, Кировским районным судом г. Красноярска в результате рассмотрения административного искового заявления о признании незаконным решения Управления Росгвардии по Красноярскому краю об аннулировании разрешения на хранение и ношение огнестрельного оружия по причине предполагаемого истцом отсутствия признака повторного привлечения к административной ответственности было принято решение отказать в удовлетворении иска в полном объеме². При этом в мотивировочной части указано, что ссылки истца на то, что для определения повторности совершения административного правонарушения и применения п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» следует руководствоваться п. 2 ч. 1 ст. 4.3, ст. 4.6 КоАП РФ, являются необоснованными, так как повторное совершение однородного административного правонарушения в качествеотягчающего обстоятельства имеет значение для целей реализации административной ответственности, осуществляется при рассмотрении дел об административных правонарушениях и не регулирует правоотношения, возникающие при обороте оружия на территории Российской Федерации. Определяющим, по мнению суда, в данном случае является сам факт повторного привлечения к административной ответственности за совершение определенных правонарушений, а не повторное совершение правонарушения лицом, ранее привлеченным к административной ответственности.

Действительно, ФЗ «Об оружии» и КоАП РФ регламентируют разные виды административных производств, направлены на регулирование правоотношений, отличающихся по своему юридическому и фактическому содержанию. Вместе с тем в качестве юридического факта для принятия уполномоченным органом решения об отказе в выдаче лицензии или ее аннулировании выступают определенные административные правонарушения, понятие, состав, признаки и виды которых определены КоАП РФ.

Между тем, используя понятие «повторность» в п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» как основание для отказа в выдаче лицензии на оружие, продлении срока действия разрешения и причину для аннулирования лицензии и (или) разрешения, законодатель не унифицировал ее содержания. Так, в ФЗ «Об оружии» идет речь о повторном привлечении к админи-

² Решение Кировского районного суда г. Красноярска от 16 октября 2019 г. по делу № 2а-3054/2019. URL: <http://судебные-решения.рф/45912609> (дата обращения: 30.06.2022).

стративной ответственности, а в КоАП РФ — о повторном административном правонарушении. Полагаем, что термин «повторность», используемый в ФЗ «Об оружии», было бы логично понимать исходя из норм КоАП РФ, поскольку правовые понятия, применяемые в данных источниках административного права, не могут толковаться по-разному.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 16 постановления «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³ обратил внимание, что действия лица квалифицируются как повторное совершение административного правонарушения, если за совершение первого административного правонарушения лицо уже подвергалось административному наказанию, по которому не истек предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ срок.

Аналогичная позиция по вопросу, когда лицо считается привлеченным повторно к административной ответственности, отражена Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 14 февраля 2013 г. № 4-П⁴, от 10 февраля 2017 г. № 2-П⁵.

Именно эта аргументация была взята за основу при принятии решения Верховным Судом Российской Федерации по кассационной жалобе Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Омской области, в котором указано, что довод об отсутствии тождественности между понятием повторного привлечения к административной ответственности, содержащимся в п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» и являющимся основанием для отказа в продлении соответствующих разрешений, и понятием повторности совершения административного правонарушения, содержащимся в ст. 4.3 КоАП РФ, устанавливающей отягчающие административную ответственность обстоятельства, не основан на нормах действующего законодательства и является несостоятельным⁶.

Таким образом, складывается ситуация, в которой разные по своему юридическому и фактически-

му содержанию административные правоотношения в условиях недостаточной конкретизации используемых в ФЗ «Об оружии» и КоАП РФ понятий должны регулироваться при помощи терминов, толкуемых и применяемых по аналогии, несмотря на то что такие правоотношения преследуют отличающиеся по социальной и правовой значимости цели.

Целью назначения административного наказания, а следовательно, и привлечения к административной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, в то время как ФЗ «Об оружии» согласно преамбуле направлен на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов и другие социально значимые цели.

Изменить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, можно было бы путем замены в п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» термина «повторность привлечения к административной ответственности» на термин «неоднократность», что позволило бы избежать разночтений при употреблении данных понятий в рассматриваемых видах административных производств, достичь цели каждого из них.

В соответствии с толково-словообразовательным словарем прилагательное «повторный», означает «имеющий место, совершающийся во второй раз, снова, вторичный»⁷; под «неоднократный» — «происходивший, производимый не один раз»⁸. Таким образом, термин «неоднократный» является более широким по своему содержанию.

В ныне действующем КоАП РФ для определения понятия «повторность» за основу взяты базовые положения о повторности совершенного проступка, которые были закреплены еще в Основах законодательства об административных правонарушениях⁹ (п. 2 ст. 21), а затем и в КоАП РСФСР (п. 2 ст. 35). Как верно отметили в своей работе А. С. Телегин и Н. В. Тиунова, юридическое содержание термина «повторность»

³ О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П.

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2020 г. по делу № 50-КАД20-3-К8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. М., 2001. Т. 2. С. 132.

⁸ Там же.

⁹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях : приняты Верховным Судом СССР 23 октября 1980 г. № 3145-X // Ведомости ВС СССР, 1980. № 44, ст. 909.

имеет многогранную смысловую нагрузку и понимается как: 1) обстоятельство, отягчающее административную ответственность; 2) самостоятельный квалифицирующий признак состава административного правонарушения; 3) критерий для квалификации деяния в качестве грубого административного нарушения; 4) административно-преюдициальное основание для квалификации деяния в качестве уголовно-наказуемого преступления [1, с. 634]. Анализируя содержание термина «повторность», авторы акцентировали внимание на его характеристиках исключительно в сфере деликтного законодательства, регламентирующего охранительную правоприменительную деятельность. Между тем категория «повторность», связанная с привлечением в течение года к административной ответственности за различные административные правонарушения, встречается также и в иных административно-правовых источниках, имеющих регулятивный правоприменительный характер. Например, в ФЗ «Об оружии» (п. 5 ч. 20 ст. 13), в Законе Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»¹⁰ (п. 12 ч. 2 ст. 11.1), в Федеральном законе от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»¹¹ (п. 3 ч. 6 ст. 24.1).

Полагаем, что в настоящее время юридическое содержание термина «повторность» следует дополнить еще одним значением, которое подразумевает основание для ограничения определенных прав гражданина в отдельных сферах государственного управления в соответствии с требованиями закона, исходя из тенденции его противоправного поведения. Данное предложение в полной мере соответствует современным достижениям науки административного права в части, касающейся содержания понятия административной ответственности [2, с. 13], но при этом усложняет восприятие повторности, как самостоятельной правовой категории.

Понятие неоднократности также используется в административном законодательстве, именно с точки зрения ограничения прав граждан, допустивших неоднократные административные правонарушения за определенный период. Так пункт 11 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федера-

ции и въезда в Российскую Федерацию»¹² предусматривает, что иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается въезд в Российскую Федерацию в случае, если они неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекались к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации. При этом такое ограничение действует в течение пяти лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности. Кроме того, в соответствии с п. 3 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел в случаях, если он неоднократно в течение года, предшествовавшего дню поступления на службу в органы внутренних дел, подвергался в судебном порядке административному наказанию за совершенные умышленно административные правонарушения¹³.

Очевидно, что в указанных случаях законодателем преследуется цель не индивидуализации наказания и усиления репрессивности мер воздействия на правонарушителей в случае совершения ими тождественных или однородных правонарушений, а уменьшения потенциальной опасности причинения вреда охраняемым законом интересам общества и государства. Решение об ограничении определенных прав гражданина продиктовано социальной необходимостью обеспечения безопасности и порядка в Российской Федерации, имеет ограниченный во времени характер, соразмерный по своей природе допущенным лицом административным правонарушениям.

Считаем, что в случае с толкованием и применением п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» следует исходить именно из этих соображений, тем более что угрозы, исходящие от владельцев оружия, по-

¹⁰ *О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации* : закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 23 апреля 1992 г. № 17, ст. 888.

¹¹ *Об экспортном контроле* : федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 1999. № 30, ст. 3774.

¹² *О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию* : федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34, ст. 4029.

¹³ *О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020.

лучивших его без достаточных к тому оснований, в последнее время становятся все более серьезными. Ограничительное с точки зрения положений КоАП РФ толкование понятия «повторность» открывает доступ к получению оружия лицами, неоднократно вступавшими в конфликт с законом, что не может не вызывать озабоченности гражданского общества и представителей правоохранительных органов.

25 августа 2022 г. вступила в действие новая редакция ФЗ «Об оружии», предусматривающая расширение перечня обстоятельств, препятствующих выдаче или продлению действия лицензии, а также рассматриваемых в качестве основания для аннулирования лицензии и (или) разрешения на оружие.

В качестве таких обстоятельств рассматриваются привлечение к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусматривающего административный арест в качестве одного из видов административного наказания, а также за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (п. 5.1 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии»). Полагаем, что это в некоторой степени будет способствовать ужесточению порядка выдачи лицензии на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия, а также принятия решений об аннулировании и изъятии такой лицензии и разрешения на хранение (хранение и ношение либо хранение и использование) оружия.

Однако в условиях отсутствия иного толкования признака повторности помимо того, что сформулировано в КоАП РФ, административное правонарушение (привлечение к административной ответственности) следует считать повторным только в случае совершения однородного административного правонарушения, как того требует п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ.

В настоящее время в законодательстве отсутствует четкое разграничение понятий повторного и неоднократного правонарушения. В связи с этим отдельными исследователями высказывались пред-

ложения внести в административное законодательство понятие неоднократности (более двух раз) совершения правонарушения и предусмотреть административную ответственность [3, с. 262]. Считаем, что усложнение категориального аппарата, связанного с привлечением к административной ответственности, вряд ли будет способствовать оптимизации правоприменительной практики. Более действенным, на наш взгляд, в контексте правоприменительных проблем, рассматриваемых в настоящей статье, представляется разделение названных понятий в зависимости от целей их использования. Для индивидуализации административного наказания и усиления репрессивности мер воздействия в КоАП РФ следует использовать термин «повторность», систематизировав при этом все имеющиеся нормативные правовые акты и акты судебного толкования по вопросам определения таких понятий, как «повторность», «однородность», «аналогичность», «систематичность». В то время как для уменьшения потенциальной опасности причинения вреда охраняемым законом интересам общества и государства со стороны лиц, претендующих на получение определенных законом прав и демонстрирующих тенденцию противоправного поведения, нужно применять термин неоднократность, не связывая при этом характеристику данного понятия с однородностью административных правонарушений.

Таким образом, предложенная нами замена в п. 5 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» термина «повторность привлечения к административной ответственности» на термин «неоднократность» соответствует тенденциям совершенствования законодательства в сфере оборота оружия и в полной мере отвечает интересам безопасности личности, общества и государства. При этом замена в нормативных правовых актах, имеющих регулятивный правоприменительный характер, категории «повторность» на категорию «неоднократность» позволит исключить вариативность ее юридического значения, избежать трудностей, связанных с ее правильным толкованием и применением, будет способствовать более эффективному использованию этого средства правового регулирования в качестве предупредительной меры принудительного воздействия.

Список литературы

1. Телегин А. С., Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46.
2. Административная ответственность за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков : учеб. пособие / Н. Н. Цуканов, Н. А. Рябинин, А. В. Жильцов [и др.]. Красноярск, 2020.
3. Новичкова Е. Е., Пестов Р. А. Повторность в административно-процессуальном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2.

УДК 340.132:343.985.8

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-36-39

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения

Михаил Сергеевич Десятов

доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника (по учебной работе)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Правоприменению как одной из наиболее сложных форм реализации права посвящено значительное количество научных работ. В них правоприменение рассматривается в исключительно гласном формате, без намека на наличие секретного или негласного правоприменения. Более того, устоявшиеся подходы в теории права к исследованию правоприменения не содержат упоминания о такой его форме. Однако правоприменение в негласных сферах, таких как разведывательная, контрразведывательная и оперативно-розыскная деятельность, предполагает реализацию норм права преимущественно в негласной (секретной) форме. Это наводит на мысль о необходимости коренного изменения подходов к исследованию правоприменения, что обусловлено объективными обстоятельствами, сопутствующими реализации норм права специализированными, в том числе оперативно-розыскными органами, такими как усеченный контроль за их деятельностью, необходимость сохранения в тайне оснований и результатов проводимых мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан, беспрецедентно широкий диапазон правовых средств и методов, применение которых на законных основаниях скрыто от общественности. В статье представлена первая из двух частей исследования, посвященного негласному правоприменению.

Ключевые слова: оперативно-розыскное правоприменение, оперативно-розыскное право, негласное правоприменение, правоприменение

Для цитирования: Десятов М. С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 36–39.

Tectonic Shifts in Visions of the Essence of Law Enforcement

Mikhail S. Desyatov

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, First Deputy-Chief (in Educational activity)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

A significant number of works has been discussing law enforcement as one of the most complex forms of implementation of law. These works consider law enforcement exclusively in its overt form without any hint at secret or undercover law enforcement. Moreover, the approaches to the study of law enforcement established in the theory of law do not contain any mentioning of this form. However, law enforcement in such undercover spheres as intelligence, counterintelligence and crime detection assumes implementation of law primarily in undercover (secret) form. This suggests the necessity of radical change in approaches to the study of law enforcement, which is determined by objective circumstances surrounding the implementation of the rules of law by specialized bodies, including operational investigative bodies, such as reduced control over their activities, the need to keep secret the grounds and results of ongoing activities, including those limiting the constitutional rights of citizens, an unprecedentedly wide range of legal means and methods, the legal use of which is hidden from the public. The paper contains the first of two parts of a study devoted to undercover law enforcement.

Keywords: law enforcement in crime detection, crime detection law, undercover law enforcement, law enforcement

Citation: Desyatov M. S. Tectonic Shifts in Visions of the Essence of Law Enforcement. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 36–39 (In Russ.).

Тематика негласного правоприменения может вызвать очевидные вопросы, без ответа на которые дальнейшая дискуссия утратит смысл. Что такое негласное правоприменение и может ли правоприменение быть негласным? Если принять как факт, что оно имеет место, то кто является субъектом данной формы реализации права? Что свидетельствует о начале тектонических сдвигов в представлениях о негласном правоприменении?

На самом деле вопросов значительно больше, но пока кратко ответим на поставленные. Негласное правоприменение представляет собой *особую форму реализации норм права, которая проявляется в волевой деятельности специально уполномоченных субъектов в условиях, ограничивающих круг участников возникающих правоотношений*. Иными словами, это деятельность специально уполномоченных государственных органов в тайне от широкого круга лиц, что исключает публичность их деятельности. Что касается способности правоприменения к негласности и обоснованности такой гипотезы, то аргументы в ее подтверждение будут приведены ниже. Однако, забегая вперед, отметим: правоприменение в негласной форме безусловно существует и активно развивается! И это не прерогатива глубоко засекреченных государственных органов (хотя, справедливости ради, заметим, что они являются приоритетными субъектами негласного правоприменения). Негласность правоприменения имеет место в тех случаях, когда используется тот или иной вид тайны, которых в современном российском законодательстве выделяется более сорока, в том числе банковская, коммерческая, налоговая, медицинская, адвокатская, служебная и пр. Однако необходимо признать, что государственная тайна в этом перечне стоит особняком в силу специального характера ее сохранения, степени общественной опасности при ее несанкционированном распространении и с учетом требований, предъявляемых к представителям государственных органов, которые наделены правом работы с государственной тайной. Наиболее рельефно правоприменение в негласной форме проявляется в оперативно-розыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности. В силу абсолютно закрытого характера двух последних видов государственной деятельности и открытого формата научной статьи рассмотрим основные аспекты негласного правоприменения на примере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), которая не столь секретна, однако весьма показательна с позиции предпосылок, тенденций и перспектив развития негласного правоприменения.

Тематика негласного правоприменения в ОРД и формирования оперативно-розыскного права не так молода, как может показаться на первый взгляд. Омская научная школа ОРД занимается этой проблематикой с середины 70-х гг., именно тогда впервые в оперативно-розыскной науке было определено понятие оперативно-розыскного процесса [1, с. 17–32]. Наиболее активное развитие эти направления исследования получили несколько лет назад. Так, в 2014 г. под руководством профессора В. А. Азарова была защищена диссертация, посвященная изучению оперативно-розыскного права как отрасли права [2]. В том же году кафедрой оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России под руководством профессора В. Ф. Луговика был подготовлен проект Оперативно-розыскного кодекса, который в 2015 г. был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации¹. Таким образом, поднятая тема является логичным продолжением научного поиска, направленного на изучение правовых проблем оперативно-розыскной деятельности.

Одним из ключевых направлений обеспечения безопасности государства выступает противодействие преступности, качественные и количественные характеристики которой в последние годы существенно изменились: реализация преступного умысла все чаще происходит в организованных формах с использованием современных информационных технологий и в условиях спланированной конспиративности и активного противодействия представителям правоохранительных органов.

Появление новых способов совершения противоправных деяний, рост числа нераскрытых преступлений прошлых лет, сопряженных со значительным имущественным ущербом физическим и юридическим лицам, а также увеличение количества скрывающихся от органов дознания, следствия и суда лиц требуют от государства применения адекватных мер реагирования на эти негативные процессы в форме изменения существующих подходов к уголовному преследованию.

Представляется, что существующая модель противодействия преступности, в рамках которой привлечение лица (лиц) к уголовной ответственности осуществляется посредством исключительно гласного уголовного процесса при главенствующей роли органов предварительного расследования, не в полной мере отвечает современным вызовам общества. Оперативные подразделения различных министерств и ведомств, будучи наделенными уникальными по своей природе правовыми, организационно-тактическими и техническими возможностями, по

¹ Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект: URL: <https://ordrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

сути, выполняют исключительно обеспечивающее сопровождение этого процесса, хотя способны самостоятельно получать, анализировать, оценивать и использовать сведения, имеющие не только оперативное, но и уголовно-правовое значение.

Удивительно, но на практике сложилась парадоксальная ситуация. Только субъекты оперативно-розыскной деятельности имеют право негласно выявлять лиц, причастных к совершению преступлений, документировать их противоправную деятельность, используя специальные технические средства, документы прикрытия, легендированные объекты и негласный аппарат и т. д. Однако использование в доказывании полученных сведений (в том числе из утраченных, но достоверных источников) возможно только опосредованно через уголовный процесс, осуществляемый, как отмечалось выше, исключительно в гласной форме. Причем, если границы уголовно-процессуальной деятельности связаны со сроками и процедурами производства по уголовному делу, то оперативно-розыскная деятельность осуществляется в более широком правовом диапазоне и направлена не только на раскрытие, но и на выявление, предупреждение преступлений, розыск лиц, скрывающихся от органов дознания следствия и суда. Более того, борьба с преступностью в современных условиях неизбежно связана с негласным использованием всего комплекса правовых, организационно-тактических, информационно-аналитических и технических средств получения, анализа и оценки сведений, что практически невозможно без использования оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Об этом свидетельствует международный опыт негласного правоприменения и широкое распространение тайных методов расследования, закрепленных в законодательстве 87% государств — членов ООН. По сведениям ООН, из 156 государств — участников Конвенции против коррупции, принявших участие в исследовании практики реализации ее положений, лишь в 20 законодательство не предусматривает применения негласных методов расследования².

Правоприменение в ОРД реализуется в иных пределах и объемах, о чем свидетельствует количество судебных решений о проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. Так, если в 2019 г. от следственных органов в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 446 078 соответствующих ходатайств, то из оперативных подразделений — почти в два раза больше (802 464 материала), в 99,6% случаев ходатайства были удовлетворены. В 2020–2021 гг. эта тенденция

не только сохранилась, но и заметно усилилась при том, что ее рельефность прослеживается на протяжении последнего десятилетия — число актов только судебного правоприменения в этой сфере возросло почти в три раза!

До принятия первого закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» ОРД имела сугубо негласный ведомственный характер. Она начала формироваться и обособляться с конца 50-х гг. прошлого столетия и была направлена на разработку и изучение приемов и методов негласного получения информации, проведение мероприятий и их комплексов, в том числе с участием конфиденциальных сотрудников. Столь прикладной подход представлялся оптимальным и целесообразным, поскольку борьба с преступностью в большей степени требовала разработки организационно-тактических аспектов ОРД. Как следствие, правоприменение в этой сфере осуществлялось исключительно негласно, базируясь на принципах классовой борьбы как продолжения политической и экономической политики государства. Этим объясняется тот факт, что научные разработки имели, как правило, прикладной характер и были направлены на исследование организации и тактики проведения отдельных мероприятий, а изучение их правовой составляющей осуществлялось преимущественно в контексте обоснования законности полученных результатов.

Вследствие такого подхода в оперативно-розыскной науке до настоящего времени не сформированы даже концептуальные подходы к частной теории правоприменения в ОРД. Научные исследования в рассматриваемой сфере касались лишь обоснования правовой природы ОРД, проведения оперативно-розыскных мероприятий, привлечения лиц к конфиденциальному содействию, использования отдельных полномочий субъектов ОРД и т. д. При этом комплексные изыскания правоприменения не проводились, а это в свою очередь порождало и порождает узковедомственный подход и противоречивую правоприменительную практику различных органов, осуществлявших ОРД. В результате не исследованы такие базовые институты, формирующие основу негласного правоприменения, как содержание правоприменения, правосознание правоприменителя, правоприменительное усмотрение и акты правоприменения. В совокупности они отражают специфику оперативно-розыскного правоприменения и позволяют отграничить правоприменение в ОРД от смежных областей. Подробно каждый из названных элементов будет рассмотрен в следующей статье.

² Ход осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Криминализация, правоохранительная деятельность и международное сотрудничество. 2-е изд. Вена, 2017. С. 130, 313–315.

Список литературы

1. *Фролов В. Ю.* О понятии и содержании оперативно-розыскного процесса // Вопросы совершенствования оперативной работы органов внутренних дел. Омск, 1976.
2. *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

УДК 342.4:2

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-40-48

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.7.9. Философия религии и религиоведение

Государство, право и религия

Вадим Викторович Антонченко

кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебно-научной работе¹, ✉ antovadim@yandex.ru

¹ Дальневосточная пожарно-спасательная академия МЧС России (Владивосток, Россия)

Поводом для статьи послужило несоответствие между нормами законодательства, устанавливающими светский характер государства, и социально-правовой действительностью, дающей основание говорить об опасности клерикализации российского общества. Историко-правовой анализ взаимодействия государства, религии и права, влияния религии на социальную солидарность и стабильность свидетельствует о том, что прогресс общества неразрывно связан со светской моделью государства, в котором не существует официальной религии, а церковь не вмешивается в дела государства. Российское общество, несмотря на внешние признаки клерикализации, остается светским: самоидентификация граждан как верующих следует не религиозно-догматическим установкам, а традициям, не накладывающим на них религиозных обязанностей. Вместе с тем государство, преследуя цели прогрессивного развития и обеспечения общественного согласия, должно придерживаться провозглашенного им светского характера и ограничить любое влияние религии на право и политику.

Ключевые слова: государство, право, религия, конфессии, клерикализация, секуляризация, политика, права человека

Для цитирования: Антонченко В. В. Государство, право и религия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 40–48.

State, Law and Religion

Vadim V. Antonchenko

Candidate of Science in Law, Deputy-chief (in Educational and Scientific activity)¹, ✉ antovadim@yandex.ru

¹ the Far Eastern Fire and Rescue Academy of Russian EMERCOM (Vladivostok, Russia)

The article is written due the inconsistency between legislative norms establishing secular character of the state, and social legal reality, which assumes the danger of clericalization of the Russian society. The historical legal analysis of interaction between the state, religion and law, influence of religion on social solidarity and stability proves that the progress of the society is closely connected with the secular model of the state, where official religion does not exist and the church does not interfere with the state's affairs. Despite the visible signs of clericalization, the Russian society remains secular: self-identification of citizens as "believers" follows not religious dogmatic attitudes but traditions not imposing any religious duties on them. Meanwhile, pursuing the purposes of progressive development and providing social consolidation the state must adhere to the declared secular character and restrict any impact of religion on law and politics.

Keywords: state, law, religion, denominations, clericalization, secularization, politics, man rights

Citation: Antonchenko V. V. State, Law and Religion. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 40–48 (In Russ.).

Введение

Сегодня в России можно наблюдать концептуальную интеграцию государственно-правовой и религиозной областей как основы для формирования новой модели общества с господствующей религией [1, с. 4]. Россия является светским государством, в котором в соответствии с Конституцией никакая религия не может быть государственной или обязательной. Вместе с тем социально-правовая действительность свидетельствует о наличии объективных признаков клерикализации общества [2, с. 147]. Церковь, восстанавливая утраченные в советское время

позиции, претендует не только на широкое общественное влияние, но, требуя признания ее роли во всех сферах общественной жизни, стремится активно вмешиваться в сферу права и политики [3].

Целью исследования является определение места канонического права в правовой системе государства, соответствующего приемлемой модели взаимодействия публичной и духовной власти. Объектом исследования выступает религия как социальный феномен, влияющий на общество и право; предметом — взаимосвязь правовых и религиозных норм прежде всего в сфере защиты прав человека

и гражданина. В статье дан краткий анализ процессов секуляризации и клерикализации европейской цивилизации, их социальной значимости и влияния на общественное благополучие, показывающий, что чем устойчивей влияние религии на общество, чем более правовая система государства традиционна и склонна рефлексировать по поводу религиозных догм, тем меньше успехов у общества на пути социального прогресса, достижения стабильности, безопасности и общественного согласия.

Наука и светская власть не противоречат вере в Бога, однако чем свободнее общество, тем шире круг индивидуальных свобод, не совместимых с догматикой, основанной на вере в сверхъестественные силы. Светская модель общественного устройства на основе рациональных норм, как и признание прав человека, развитие образования, науки и технологий, является необходимым условием благополучия общества и расцвета государства.

История взаимодействия религии и права

Религия как убежденность человека в существовании Бога (богов), являющегося высшей сверхъестественной силой, требующей поклонения, включает в себя определенные нормы, установленные, как утверждают служители культа, непосредственно Богом; в прошлом такие нормы имели обязательный характер как для ее приверженцев, так и для всего общества, где определенная религия преобладала [4]. Практически для всех правовых систем свойственна близкая связь права и религии; в догосударственный период человечество пользовалось ритуальными (религиозными) нормами как правовыми; системы права и религиозные нормы активно взаимодействовали между собой и дополняли друг друга; религиозные нормы охранялись государством, их нарушение осуждалось обществом и наказывалось так же, как и нарушение правовых норм. В наши дни все еще существуют государства, где религиозные нормы продолжают оказывать существенное влияние на право, либо и вовсе служат основным источником права (например, страны мусульманской правовой семьи) [5, с. 128].

Влияние религии на формирование правил поведения, ставших впоследствии правовыми нормами, раскрывает путь становления социальных норм. Основанные на религиозных догмах, последние в период становления древних государств носили прогрессивный характер; религия играла положительную роль в формировании системы ценностей и права. С появлением государств и выделением из обычных правил писаного права, общество стало различать понятие «греха» и «преступления»; впоследствии это различие было закреплено в римском праве.

В период ранней (VIII век до н. э. — IV век до н. э.) и классической (IV век до н. э. — II век н. э.) античности возникли основанные на дохристианских религиях представления о некоей «справедливости», существующей независимо от государственной воли. Античные философы (Сократ, Платон, Аристотель) говорили о существовании неписаных божественных законов, с которыми должны согласовываться законы государства [6, с. 145–152; 7, с. 10–20; 8; 9, с. 330–338; 10, с. 163–165]. В то время понятия «божественное» и «природное» были практически синонимами.

Право древних Греции и Рима в момент своего формирования имело сходство с правом древнего Востока: обрядовость, формализм, диспозитивность, в том числе и при обвинениях в преступлении, объективное вменение, неразвитость имущественных отношений и т. д. Впоследствии античное право различалось по уровню своей разработанности в отдельных городах-государствах; его нормы и институты отражали уровень развития этих полисов.

Право Средних веков (VI–XV вв.), утратив элементы правовой культуры античного мира, формировалось на основе племенных обычаев. Средневековая доктрина даже в период своего расцвета не рассматривала вопрос прав человека (а тем более их значимости или приоритета), а исходила из первенства божественного начала и религиозных догм. Основной задачей средневекового права была регуляция простейших феодальных отношений в сфере владения и пользования землей, обязанностей и привилегий, принадлежащих сеньорам, вассалам, крестьянам и горожанам в силу сложившихся обычаев.

Именно в Средние века формируется каноническое (церковное) право, занявшее центральное место в европейской правовой культуре и отличавшееся экстерриториальностью и универсальностью. Каноническое право, основанное на античных традициях и раннехристианских источниках (Священное писание, Деяния Святых Апостолов и др.), отличалось широтой регулируемых им отношений и было обязательным не только для клириков, но и для мирян. Источниками церковного права были христианские догматы и правила церковной жизни, установленные вселенскими и региональными церковными соборами, а также постановления римских пап. Каноническое право регулировало нормы, которые сегодня мы называем уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными; оно же устанавливало основы имущественных, договорных и семейных отношений [11, с. 21–27].

Оживление в экономической и общественной жизни европейских государств (особенно на севере Италии) в XII в. способствовало рецепции Римского права, больше отвечавшего потребностям хозяй-

ственного оборота, чем обычное феодальное право. Римское право, пусть и в упрощенном виде, было поддержано и светскими, и церковными властями, видевшими в нем дополнительную опору для утверждения своего господства.

В эпоху позднего Средневековья католическим теологом Фомой Аквинским (ок. 1225–1274 гг.) была предложена концепция естественных прав как системы взглядов на права человека, не зависящих от государственной власти. Святой Фома, создав иерархическую систему права, подчеркивал божественность происхождения универсальных законов вселенной (*lex aeterna est ratio gubernativa totius universi in mente divina existens*). Божественный закон, по его представлениям, является верховным, поскольку вселенная управляется божественным разумом [12].

Здесь явно виден элемент борьбы между светскими и религиозными властями: несправедливые законы для подданных необязательны к исполнению, однако меру справедливости устанавливает церковь: поскольку Богу следует повиноваться более, чем человеку, постольку светские правители занимают свое положение лишь в силу полномочий, полученных ими от церкви. Если светское правление противоречит божественным законам, создаваемым и интерпретируемым клириками, то воля светских властей перестает быть обязательной. Доказывая, насколько церковная власть выше государственной, Ф. Аквинский предложил теорию народного сопротивления, полагая естественным правом подданных восстать против правителя, нарушающего божеский и человеческий порядок, в случае злоупотребления им властью [13, с. 107].

Вместе с тем средневековая концепция естественных прав, призывая общество сопротивляться властям, нарушающим естественные права (божественные законы), защищала не права человека в современном их понимании, а положение церкви и религии в целом. Права человека в их сегодняшнем смысле были неизвестны средневековому обществу. Низкая оценка человеческой жизни и личности в сочетании с безусловным авторитетом, которым обладала церковь во времена Средневековья, позволяла ей практиковать во славу Бога изощренные жестокости: история религиозного засилья особенно ярко проявила себя в деяниях инквизиции [14], на протяжении шести веков преследовавшей как всякого рода вероотступников, так и «еретиков» — всех, кто представлял политическую угрозу действующей власти либо обладал чуждым для клириков знанием и авторитетом [15]. Наказание осужденных обосновывалось не только их виной в причинении вреда вере, но и необходимостью спасения их душ. Влияние церкви

и канонического права в Средние века не ограничивалось рамками одной страны, а затрагивало весь христианский мир; церковная юрисдикция распространялась на верующих независимо от их принадлежности к какому-либо государству.

Эпоха Нового времени (XVI–XIX вв.) открыла для человечества одно из величайших достижений правовой и гуманистической мысли — теорию естественных прав. Религия и церковь подвергаются критике под напором революций в науке и общественной мысли: вольтеровское «*Écrasez l'infâme!*» («Раздавите гадину!») (1762)), призывающее уничтожить общественное зло, относится именно к католической церкви, нетерпимой ко всякому инакомыслию [16; 17, с. 199; 18, р. 67]. В работах европейских просветителей (Дж. Локк, Вольтер, Гольбах, Ж.-Ж. Руссо и др.) формируется новая идеология — юридическое мировоззрение и соответствующие ему институты, получает серьезное теоретическое обоснование новая концепция равенства людей и прав человека, не зависящих от государственной власти (на жизнь, собственность, личную неприкосновенность, достоинство, защиту от произвола). Это влияет на действующее право (например, во Франции отменяется смертная казнь за святотатство) и имеет прогрессивное значение для последующего развития европейской философско-правовой мысли.

Несмотря на элементы идеализма и наивности, которые содержит концепция естественных прав, она была использована в первой в мире Конституции (США, 1787 г.) и многократно повторена в основных законах большинства современных государств. В XX в. основные идеи европейских просветителей-гуманистов станут фундаментом для Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о защите прав человека и основных свобод — важнейших международных соглашений, не только устанавливающих неотъемлемые права и свободы человека, но и обязывающих государства, ратифицировавшие Конвенцию, гарантировать эти права каждому, кто находится под их юрисдикцией¹. Сегодня некоторые тезисы философов эпохи Просвещения в разных странах могут трактоваться по-разному, но идея о том, что человек имеет неотъемлемые права, а государство должно их признавать и защищать, остается неизменной.

Религия и проблемы социальной солидарности

Сегодня не существует стран, где люди были бы свободны от тех или иных представлений о сверхъестественном устройстве окружающего мира, существовании иного бытия, господствующего над объективной реальностью, и веры в высший порядок, составляющих суть всех религий. Эти пред-

¹ *Всеобщая декларация прав человека* : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. ; *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* заключена в Риме 4 ноября 1950 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ставления формируют особую систему ценностей, опосредующую определенный характер отношения людей к себе и окружающему миру. Вместе с тем религия не оправдывает ожиданий как фактор социальной интеграции на основе общности культурно-символических образов. Этнополитическая мифологизация как инструмент вероучений способствует разобщению социальных общностей, а не их сплачиванию: даже конфессии в рамках одной религии отрицают истинность веры друг друга. Так, христианство насчитывает тысячи различных деноминаций, каждая из которых считает остальных еретиками, заслуживающими обструкции.

Поскольку монотеистическая религия провозглашает свою истинность и исключительность, постольку нетерпимость является ее неотъемлемым свойством. Показательно, что в Древней Греции, где не было культовой общности, и в римской религии, испытавшей на себе сильное влияние религии греческой, почитание богов отступало перед свободолобием и культурой, а атеистическое свободомыслие допущалось в очень широких пределах.

Истории не известны примеры, когда бы религии успешно противодействовали или пытались противостоять социальным и межгосударственным конфликтам; даже принадлежность к единому вероисповеданию не препятствует им и не ослабляет их. Вместе с тем общеизвестно, что религиозные разногласия разделяют общество, провоцируя многочисленные войны. Противостояние религий и конфессий обосновано идеологически: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Библия, Новый завет, Матфей, 10:34 (христианство)); «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху» (Коран, 2:193 (ислам)). Религиозные войны, которыми по сей день изобилует история, — это не только конфликты между государствами с различными религиями и этносами (как, например, «крестовые походы» — военные экспедиции по освобождению Святой земли (Иерусалима и его окрестностей) от мусульман в XI–XV вв. [19; 20]), но и конфликты в рамках одной религии (затяжная гражданская война между католиками и протестантами во Франции в 1562–1598 гг.), и даже противостояния внутри одной конфессии («раскольничьи» войны в России в XVII–XX вв.) [21, с. 32–48].

Не все религии проявляют открытую агрессию к сторонникам иных взглядов на мироустройство, однако нет такой конфессии, которая бы относилась к иноверцам («нехристям», «неверным», «гоям» и т. п.) доброжелательно. Традиционным для взаимоотношений различных религий являются, например, продолжающиеся уже не одно столетие и возвращающиеся рецидивами в тех или иных странах конфлик-

ты между христианами и мусульманами (Алжир, Египет, Индонезия, Филиппины, Судан, Нигерия и др.) [22–26], мусульманами и иудаистами (Израиль и Палестина) [27; 28], индуистами и исламистами (Индия и Пакистан) [29; 30]. Даже благополучные регионы Западной Европы не являются свободными от конфликтов на религиозной почве (Северная Ирландия) [31, с. 33; 32, р. 83], а война между сербами и хорватами является примером конфликта внутри одного этноса, разделенного по религиозному признаку на две нации (Балканы). Эти и другие примеры свидетельствуют, что конфликты, отягощенные религиозными и конфессиональными различиями, являются более разрушительными и длительными.

Религия традиционно использовалась правящими элитами государств как средство социального управления в своих политических интересах, а не в целях обеспечения социального мира и стабильности общества [33, с. 14; 34, с. 10]. Церкви обеспечивали светским властям дополнительную легитимацию, представляя земную власть как отражение абсолютной божественной власти и наделяя ее свойствами соответствующего могущества. В тех случаях, когда религиозные догматы переставали соответствовать меняющимся социальным условиям и интересам правящей верхушки, они заменялись на требуемые, порождая новые конфессии. Так, борьба за власть после смерти пророка Мухаммеда в 632 г. стала причиной раскола в мусульманском мире и противостояния между суннитами и шиитами, продолжающегося почти 1400 лет и по сей день сотрясающего государство Ближнего Востока и Восточной Азии.

Религиозность населения и «светскость» государства могут не совпадать. Однако государства, тяготеющие к клерикализму, как правило, нельзя назвать демократическими, поскольку авторитаризм «положительно ассоциируется с религией, которая является общепринятой, неоспоримой и нерелективной» [35, р. 414–421]. Эта зависимость наиболее сильна в обществах с непогрешимой верой в догматы религиозного учения (религиозный фундаментализм). Они характеризуются высокой жесткостью традиций и обычаев, закрытостью для нового опыта, низкой когнитивной сложностью [36, с. 321; 37, с. 245]. Таким образом, религиозное влияние на органы публичной власти, ставящее политико-правовую идеологию в зависимость от религиозного опыта, обуславливает корреляцию клерикализации государства с авторитаризмом в государственном управлении, создающим риски для народного суверенитета.

Общества, отказавшиеся строить свое существование на упрощенно-мифологическом представлении о мире, исключившие из правовой и общественной практики следование спорным догматам,

основанным на миропонимании, не нуждающемся в проверке и обосновании, находят лучшие инструменты для экономического, культурного и духовного роста.

Представляет интерес опыт взаимодействия религии с тоталитарным государством, в котором идеология, пронизывающая все сферы общества, является фактически «новой религией». Подавляя все общественные движения и гражданские инициативы, тоталитарные государства не нуждаются в поддержке со стороны традиционных вероисповеданий и не признают никакого, даже минимального отступления от государственной идеологии. Это влечет за собой тотальное давление на религиозные общины (иногда с физическим уничтожением священнослужителей и наиболее активных верующих: 40-е гг. XX в. в СССР, КНР и пр.) [38; 39; 40; 41].

Влияние религии на жизнь общества и сознание людей значительным образом зависит от политики государства, направленной либо на уменьшение влияния религии, либо на увеличение ее роли. Регуляция этого влияния может происходить, например, через определенные установки в государственном образовании, придание религиозным праздникам статуса государственных, содержание контента государственных СМИ, особых имущественных и налоговых преференций церквям [42; 43, с. 239].

Сегодня ученые предлагают различные модели развития постсекулярного общества, основанного на вариативности взаимодействия права и религии: от радикального освобождения еще присутствующих в западных обществах религиозных идей, до осторожной имплементации некоторых религиозных норм в законодательство [44, с. 93]. При этом относящаяся к прошлому человеческой цивилизации, характерная для государств Средневековья традиция существенного влияния церкви на право, политику, духовную культуру и уклад общественной жизни в современном мире представляется очевидным и вредным пережитком.

Религия в современной России

Россия является государством с многоконфессиональным и полиэтничным обществом. Поголовная воцерковленность населения России в до-революционный период, помимо иных причин, объяснялась и крайне небольшой степенью грамотности населения. На основании официальных данных за 1908 г. В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» писал: «Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то есть почти впятеро меньше! Это значит, что

около четырех пятых детей и подростков в России лишено народного образования! Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна...» [45, с. 115]. Успехи в преодолении массовой неграмотности в России после 1917 г. в немалой степени были связаны с движением общества к светским институтам и нерелигиозным ценностям, выразившимся прежде всего в институциональном отделении церкви от государства и школы от церкви.

Религиозность современного российского общества в немалой степени обуславливается авторитетом и легитимностью религиозных организаций, придаваемыми ей действиями и решениями государственной власти. Сегодня правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений в России регулируются Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»². Социальная практика, как и правовое регулирование духовной сферы, демонстрирует не только явные конфессиональные предпочтения, но и объединение конфессиональных и государственных интересов в культурной и образовательной сферах. В преамбуле закон говорит о признании особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, что вряд ли может быть исторически и научно подтверждено.

Несмотря на провозглашенную ст. 14 Конституции РФ светскость государства, отношения публичной власти и церкви с середины 90-х гг. прошлого века демонстрируют явное сближение. Церковь и ее иерархи стремятся участвовать в политической жизни государства в качестве самостоятельного субъекта, обуславливая данное стремление необходимостью создания нравственных основ для российской политической традиции. В органах военного управления и воинских частях созданы штатные должности сотрудников по работе с верующими военнослужащими, усиливается активность церкви в местах исполнения уголовных наказаний, где повсеместно функционируют объекты религиозных культов. Участие иерархов основных вероисповеданий в различных мероприятиях социально-политической направленности (праздничные собрания, митинги, парады, юбилеи ведомств и учреждений и т. п.) наряду с госслужащими и политиками говорит о том, что это стремление церкви находит поддержку на государственном уровне.

² О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

О степени влияния религии и церкви на науку свидетельствует, например, то, что в 2015 г. ВАК утвердила паспорт научной специальности «Теология», помимо уже имеющейся научной специальности «Философия религии и религиоведение». В программу учебных заведений (школ, ССУЗов, ВУЗов) вводятся курсы и дисциплины по изучению основ религиозной (прежде всего, православной) культуры, открываются церковные аспирантуры и докторантуры. При этом специальности, формирующие научно-атеистическое миропонимание, как и соответствующие им рецензируемые научные издания, в России отсутствуют.

Указанные процессы влияют на количество граждан, называющих себя верующими. Закон не требует от людей сообщать о своей конфессиональной самоидентификации, поэтому официальная статистика членства в религиозных организациях отсутствует, а понятие о религиозности россиян и принадлежности их к определенной вере (церкви) дают социологические исследования³: в 1990 г. верующими называли себя около 15% российских граждан, в 2021 г. — 77%. Большинство опрошенных (66%–75%) называют себя последователями православия [46, с. 35].

Реалии социально-правовой действительности говорят о формировании в России новых традиций постсекулярного общества, которые оказывают влияние и на состояние позитивного права, и на правоприменительную практику. Дискуссия о роли церкви и церковного права в современной правовой действительности была вызвана эксцессом, связанным с выступлением российской феминистской панк-рок-группы Pussy Riot (Пүсси Рáйот) в храме Христа Спасителя в 2012 г., поскольку в основу обвинительного приговора в отношении ее участниц, осужденных по ч. 2 ст. 213 УК РФ⁴, легли выводы экспертов, содержащие отсылки к источникам внутреннего церковного права: Апостольским правилам (ок. 380 г.) и правилам Трулльского собора (691 г.) [47, с. 51; 48]. Впоследствии в уголовный закон было внесено изменение: ст. 148 УК РФ дополнена частями, предусматривающими ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих. Таким образом, проблему имплементации норм канонического права в современную правовую систему России вряд ли можно назвать безосновательной.

Полиэтничность российского общества значительно усложняет общественную жизнь, отягощая ее межкультурными и многоконфессиональными

противоречиями, провоцирующими в тех или иных неблагоприятных условиях серьезные конфликты. Общеизвестно, что религиозный фундаментализм (независимо от конкретно-определенного вероучения) может использоваться для проповедования экстремистских убеждений и атак радикализма. В этом контексте расширение сферы влияния религии на общество, поддерживаемое государством, усиливает данные опасности.

Отношение граждан к религии не связано с глубинными религиозными переживаниями и убеждениями. Для подавляющего большинства людей (75%), называющих себя верующими, религия — это лишь дань традиции; участвуют в церковной жизни и соблюдают религиозные обряды менее 5% из них⁵. Это говорит о том, что российское общество, несмотря на все усилия государства, все же продолжает оставаться светским [49, с. 189]. Стабильность и эффективность любой системы невозможны при наличии в ней внутренних противоречий. В России, пережившей резкий переход от православия к агрессивному атеизму и обратно, различия во взглядах на религию и религия как таковая являются серьезными конфликтообразующими факторами. Государственная поддержка религиозного мировоззрения (особенно при дифференцированном отношении официальных властей к разным вероучениям в условиях многоконфессионального государства) в социуме, являющемся, по существу, атеистическим (антиклерикальным), служит фактором, провоцирующим нестабильность.

Социально-политический облик современного мира свидетельствует о том, что социальный прогресс всегда связан с демократизацией общества и верховенством права. Оценивая современные страны по уровню благосостояния их населения, обеспечению безопасности граждан, широте индивидуальных свобод, стабильности общества и устойчивости власти, можно утверждать, что правовые государства с демократическими политическими режимами более успешны. Прогрессивные изменения в обществе всегда сопровождается секуляризация как процесс отрешения от религиозных догм и идеалов, поворот общества к нерелигиозным ценностям и светским институтам [50; 51, р. 216].

Полная грамотность населения, научно-технический прогресс, глобализация, новые технологические возможности для коммуникаций как отдельных людей, так и целых регионов, свободный доступ к информационным потокам не оставляют

³ Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения: 12.10.2022).

⁴ Сайт РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20170221/1488170982.html> (дата обращения: 12.10.2022).

⁵ Сайт ВЦИОМ. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/09/dataWCIOM_religion_092021.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

места в мировоззрении людей для сверхъестественного. Рационализм, прагматизм и здравый смысл заметно ослабляют влияние мистики на психику отдельных людей и на общественное сознание в целом.

Заключение

Религия и церковь оказали значительное влияние на цивилизационное развитие человечества. Однако это влияние разнонаправленное. Так, при своем рождении христианство было связано с прогрессом, развитием культуры; крещение Руси в конце X в. имело позитивное значение для становления русской государственности. Сегодня общество, достигшее определенного уровня знания, имеет все основания относиться к религии как к историческому наследию, одной из многих форм субкультуры, имеющей право на существование в роли общественных организаций. Государство должно подвергнуть критическому анализу политику в области религии, основанную на выделении некоторых конфессий и церквей в качестве основных: не только дозволенных, но и субсидируемых из бюджетных средств.

Секуляризация в демократическом государстве увеличивает уровень индивидуального и общественного сознания, восприятие окружающей действительности не ограничено иррациональными догмами. Там, где право и религия более обособляются друг от друга, государства быстрее достигают социально-экономического прогресса, выражающегося в равном доступе всех к высокому уровню обеспечения материальными, социальными и духовными благами. Соединение преимуществ демократии, свободного гражданского общества и современной науки формирует условия для экономического и социального прогресса.

В соответствии со ст. ст. 14 и 28 Конституции России религиозные объединения отделены от государства, гражданам гарантируется свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию

или не исповедовать никакой. Запрет принуждения к исповеданию положений той или иной религии содержится и в Международном пакте о гражданских и политических правах⁶, признаваемом подавляющим большинством современных государств. Представляется, что данные правила лишают нормы канонического права юридической силы, которые могут быть обязательными лишь для последователей определенной церкви и исключительно в ее пределах. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Граждане в соответствии с действующим законодательством о свободе совести и вероисповеданий должны иметь равный доступ как к выбору любого религиозного учения, так и к отказу от религиозного мировоззрения. Обязательным условием здесь должна быть свобода вероучения от любых элементов фундаментализма, экстремизма, любых видов нетерпимости к людям, не разделяющим взглядов той или иной веры. Одновременно с этим должно быть ограничено влияние религии и церкви на право и политику.

Проблема секуляризации и десекуляризации общества сводится к вопросу грамотности и осведомленности людей. В современном постсекулярном мире немало регионов, где, как и в России, религия возвращается в общественное поле. Эти процессы объективны настолько, насколько в обществе осложнено приращение знания, основанного на научных методах познания. Сегодня перед публичной властью стоит сложная задача наделения научного знания статусом особой культурной ценности; не препятствуя в соответствии с действующим законодательством свободе вероисповедания, государству следует оградить право от проникновения в него норм, опосредующих ценности религиозной идеологии, не отражающей сферу реального бытия.

Список литературы

1. Тощенко Ж. Т. Государство как субъект теократии // Социологические исследования. 2007. № 2.
2. Дубровский Д. И. Наука, философия и воинствующий клерикализм // Вестник Российского философского общества. 2007. № 4.
3. Аванесова Е. Г. Взаимодействие религии и политики как философская проблема. Томск, 2010.
4. Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 2012.
5. Артемов В. Ю. Источники и доктринальные школы мусульманского права // Журнал российского права. 2007. № 3.
6. Канарш Г. Ю. Этические основания политики в современном аристотелианстве // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2.

⁶ Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.10.2022).

7. Лебедев С. А. Проблема научного метода в античной философии // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. № 2.
8. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 2005.
9. Протопопова И. А. «Сократический вопрос»: старые проблемы и новые тенденции // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13. № 1.
10. Рыжкова-Гришина Л. В. Натурфилософия Платона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2(31).
11. Шаов А. А. Методологические проблемы правовой системы в эпоху Средневековья // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1.
12. Гайденко В. П. Об исходных понятиях доктрины Фомы Аквинского // Фома Аквинский. Онтология и теория познания (фрагменты сочинений). М., 2001.
13. Бородай Т. Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // Интеллектуальные традиции античности и средних веков. М., 2010.
14. Broedel H. P. The «Malleus Maleficarum» and the Construction of Witchcraft: Theology and Popular Belief, Manchester University Press, 2003.
15. Григулевич И. Р. История инквизиции (XIII–XX вв.). М., 1970.
16. Вольтер. Бог и люди: статьи, памфлеты, письма : в 2 т. / пер. А. Ладинского и др. М., 1961.
17. Душенко К. В. «Раздавите гадину!»: две жизни вольтеровского лозунга // Шаги. Т. 6. № 3. 2020.
18. Lee J. P. The condemnation of fanaticism in Voltaire's Sermon du Rabbin Akib, Rousseau and «l'infame»: Religion, toleration, and fanaticism in the age of Enlightenment. Amsterdam, New York, 2009.
19. Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
20. Лучицкая С. И. Крестовые походы. Идея и реальность. СПб., 2019.
21. Арыбашев И. Г. Великий раскол: причины и последствия конфликта в разных подходах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008.
22. Бобохонов Р. С. Западная общественная мысль об исламе и мусульманском мире. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1339913520> (дата обращения: 14.06.2022).
23. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М., СПб., 2003.
25. Esposito J. L. Unholy War: Terror in the Name of Islam, Oxford, 2003.
26. Esposito J. L. What Everyone Needs to Know About Islam, Oxford, 2002.
27. Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение. В 2-х частях. Ч. I. Арабо-израильский конфликт. Благовещенск, 2009.
28. Gelvin J. L. The Israel — Palestine Conflict: One Hundred Years of War, Cambridge University Press, 2005.
29. Глобализация и мультикультурализм : монография / под ред. Н. С. Кирабоаева. М., 2005.
30. Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж, 2007.
31. Бабынина Л. О. Угроза роста насилия в северной Ирландии в контексте брексита // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2019. № 2.
32. Taylor P. Brits: The War Against the IRA, Bloomsbury Publishing, 2001.
33. Восканян С. С., Ермакова С. С. Религия как инструмент политического манипулирования: исторические аспекты и современность // Исламоведение. 2013. № 2.
34. Узланер Д. А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом, 2019. Т. 17. № 1.
35. Asp E., Ramchandran K., Tranel D. Authoritarianism, religious fundamentalism and the prefrontal cortex of the human brain, Neuropsychology, 2012, № 26(4).
36. Винк П., Диллон М., Претттимен А. Религиозность, духовный поиск и авторитаризм: результаты лонгитюдного исследования // Журнал изучения религии. 2007. № 46(3).
37. Лик Г. К., Рэндалл Б. А. Выяснение связи между правым авторитаризмом и религиозностью: роль религиозной зрелости // Журнал изучения религии. 1995. № 34(2).
38. Бычков С. С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории русской церкви (1917—1941 гг.). М., 2006. Т. II.
39. Майерс С. Л. Репрессии против ислама распространяются по Китаю. Нью-Йорк Таймс, 2019. URL: https://www.hmong.press/wiki/Muslims_in_China (дата обращения: 14.06.2022).

40. *Grim B. J., Finke R.* The Price of Freedom Denied. Religious Persecution and Conflict in the Twenty-First Century, Cambridge University Press, 2010.
41. *Troyanovsky I.* Religion in the Soviet Republics: A Guide to Christianity, Judaism, Islam, Buddhism, and Other Religions, New York, 1991.
42. *Митрохин Н. А., Эдельштейн М. Ю.* Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая. М., 2000.
43. *Морозан В.* Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX — начале XX вв. // Нестор. 2000. № 1.
44. *Матецкая А. В.* Формирование постсекулярного общества в России // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9(45). № 5.
45. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 19. М., 1962.
46. *Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6.
47. *Баев В. Г., Крисанов И. А.* О законности, обоснованности и справедливости приговора «PUSSY RIOT» // Социально-политические науки. 2015. № 1.
48. *Neu E.* Lets Start a Pussy Riot, London: Rough Trade, 2013.
49. *Овсиенко Ф. Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2.
50. *Гараджа В. И.* Глава VII. Секуляризация. Социология религии. ИНФРА-М, 2005.
51. *Pippa N., Inglehart R.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide, Cambridge University Press, 2004.

УДК 343.1:348.819.3

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-49-53

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.7.9. Философия религии и религиоведение

О свойстве достоверности доказательств в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)

Виталий Александрович Коллантай

кандидат юридических наук, заведующий лабораторией «Церковного права, экономики, психологии и педагогики»¹, доцент кафедры правовых дисциплин², клирик Воскресенской церкви, ✉ alivealternativ@mail.ru

¹ Томская духовная семинария (Томск, Россия)

² Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)

Свойства доказательств в доказательственном процессе занимают место скрепляющего материала, благодаря которому держится весь церковный судебный процесс. При множестве подходов к выявлению свойств доказательств в различных процессуальных науках имеются обязательные в силу своей особой важности элементы, объединяющие их для формирования единой позиции. Такой подход применим и к определению основных свойств доказательств в уголовном, гражданском и церковном судебных процессах. Свойство достоверности присуще церковному судебному процессу, но в отличие от других процессуальных отраслей в церковном процессе определяющим фактором является вероятность (возможность) соответствия источников и способов получения цели судебного процесса. В статье рассматриваются основные элементы структуры свойства достоверности, а также сформулирована авторская дефиниция.

Ключевые слова: доказательство, достоверность, свойства доказательств, священнослужитель, уголовный процесс, церковный суд

Для цитирования: Коллантай В. А. О свойстве достоверности доказательств в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 49–53.

On the Property of Reliability of Evidence in Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)

Vitaly A. Kollantay

Candidate of Science in Law, head of the lab "Church Law, Economics, Psychology and Pedagogy"¹, Associate-Professor at the chair of Legal Sciences², clerk of the church of the Resurrection, ✉ alivealternativ@mail.ru

¹ Tomsk Theological Seminary (Tomsk, Russia)

² Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

The properties of evidence in the process of proving serve as the bonding agent, owing to which the whole ecclesiastical trial is maintained. With various approaches to revealing properties of pieces of evidence in different procedural sciences there are elements mandatory due to their special importance, which joint them to form the unified position. Such an approach is also applied to defining the main properties of evidence in criminal, civil and ecclesiastical trials. The property of reliability is typical for ecclesiastical trial, but unlike other procedural branches in the ecclesiastical trial the determining factor is probability (possibility) of appropriateness of the sources and means of achieving the goal of the trial. The paper examines the main elements of the structure of the property of reliability, and contains the author's definition.

Keywords: evidence, validity, properties of evidence, criminal trial, clergyman, ecclesiastical court

Citation: Kollantay V. A. On the Property of Reliability of Evidence in Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No. 1(88). Pp. 49–53 (In Russ.).

Доказательства по своему содержанию являются средствами установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе церковного судебного процесса, при этом средствами, обладающими внутренней структурой, которую определя-

ет набор существенных признаков. К этим признакам можно отнести свойства, присущие как всем доказательствам, так и отдельно каждому из них. Без наличия таких свойств, полученную информацию невозможно идентифицировать как доказа-

тельство, хотя формально она может быть внешне сходна с ним.

Анализируя разные виды судебного процесса в уголовном, гражданском, административном, но в первую очередь в церковном праве России и зарубежных стран, можно заметить, что обязательные свойства средств установления обстоятельств сходны, точнее, обладают аналогичными признаками, которые формируют их внешнюю и внутреннюю форму. Выделение конкретных признаков из числа прочих позволяет унифицировать все разнообразие получаемой информации в ходе судебного процесса для установления необходимых сведений, без которых рассмотрение дела невозможно.

В пункте 4 ст. 13 Положения о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (далее — Положение), принятом на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 26 июня 2008 г., указано, что «церковный суд проверяет достоверность доказательств путем установления их источников и способов получения». Таким образом, закрепляется свойство достоверности доказательств в церковном судебном процессе. Исходя из текста Положения, можно заключить, что свойство достоверности напрямую связано с источником доказательства, а также способом его получения. Но отражает ли эта связь сущность самого свойства или является только характеристикой, описывающей его назначение? Каково соотношение понятий достоверности и истинности? В чем зависимость достоверности от процессуальной формы (соответствия регламенту) получения доказательства из различных источников? Без ответа на эти вопросы невозможно точно определить содержание свойства достоверности.

Отвечая на вопрос о сущностном содержании достоверности доказательств, юридическая наука сформулировала несколько подходов. Так, М. С. Строгович рассматривал достоверность с позиции истины: «Достоверность выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела — это то же самое, что истинность этого вывода» [1, с. 326]. Такая позиция М. С. Строговича нашла отклик и у других авторов, смешивающих понятия достоверности и истинности. Ю. К. Орлов, солидаризируясь с его мнением, писал, что «достоверным является такое доказательство, истинность которого не вызывает сомнений» [2, с. 53]. Аналогичной позиции придерживается Д. В. Арсеньева, которая указывает, что «достоверным является знание, истинность которого подтверждена определенными данными» [3, с. 18]. По мнению ряда других ученых, достоверность равняется знанию объективной действительности. Эта связь между объективной реальностью и знанием о ней воспринимается ими по-разному. Так, Л. М. Карнеева под достоверностью

понимает «соответствие доказательств объективной действительности» [4, с. 47].

Существует компромиссный подход, объединяющий понятие достоверности как истинности и объективной реальности одновременно. Н. А. Громов и С. А. Зайцева подчеркнули, что «понятие достоверности включает в себя как истинность знания (его соответствие объективной действительности), так и обоснование этой истинности, адресованное соответствующему субъекту» [5, с. 86].

Имеется еще один оригинальный подход, который представляет достоверность доказательств как некую совокупность признаков соответствия. В. С. Балакшин пришел к выводу, что достоверность — это «совокупность вытекающих из уголовно-процессуального закона признаков, характеризующих сведения, содержащиеся в источнике, с точки зрения соответствия их обстоятельствам, которые имели место в действительности, а также ставшим известными подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, потерпевшему, свидетелю, органам расследования, прокурору, суду в процессе выполнения следственных, судебных и иных процессуальных действий» [6, с. 335].

Можно также выделить подход, который следует обозначить как аргументационный. Его авторы непосредственно связывают достоверность с понятием аргументированности, обоснованности и в конечном итоге доказанности: «Достоверность — свойство доказательства, отображающее логичность и непротиворечивость заключенных в нем сведений, а также неопровергнутость этих сведений другими доказательствами в процессе доказывания. Если знание доказано (обосновано, аргументировано), то оно приобретает характер достоверности» [7, с. 43].

Однако полагаем, что все представленные точки зрения не в полной мере отражают сущность свойства достоверности доказательств, так как определяют его через соотношение с понятием истинности или объективной реальности. Стоит заметить, что достоверность — это не цель доказывания, а всего лишь путь проверки знания на вероятность (возможность) соответствия его источников и способов получения цели судебного процесса.

В отличие от уголовного процесса в церковном судебном процессе целью является покаяние лица, совершившего правонарушение, а не возмездие за совершенное деяние. Но и в уголовном, и в церковном судебных процессах надлежит разграничивать достоверность и истинность, а не отождествлять их. Во-первых, все свойства доказательств соотносятся с понятием истины как основной направляющей судебного разбирательства. В совокупности свойства достоверности, точности, относимости и допустимости присущи истинным доказательствам, и по отдельно-

сти они могут носить или не носить характеристику истинности. Во-вторых, в судебной практике нередки случаи рассмотрения и признания конкретного доказательства достоверным, но через некоторое время благодаря открывшимся новым обстоятельствам правдивость информации, содержащейся в нем, подвергается сомнению или полностью признается не соответствующей действительности. В одном из изученных дел нам удалось установить, что первоначальное объяснение лица, подавшего прошение в церковный епархиальный суд в отношении священнослужителя, обвинявшегося в сексуальных домогательствах, подтвержденное объяснением его матери, было подвергнуто сомнению в ходе разбирательства по существу, так как его близкие знакомые опровергли сообщенные этим лицом сведения. Более того, при повторном опросе лица, подавшего прошение, было установлено, что он чадом Православной Церкви себя не считает, так как относит себя к славянским язычникам. В-третьих, доказательство может быть признано истинным с разной долей вероятности после всестороннего изучения в ходе судебного процесса и при вынесении решения судом.

Интересно мнение представителей гражданского процесса по вопросам достоверности доказательств. Так, С. В. Никитин писал, что «истина и достоверность не синонимы, а вероятность не занимает промежуточное положение между истиной и ложью и тем более не является ложью» [8, с. 48]. Данная позиция созвучна с выводами, полученными в ходе нашего исследования, они подтверждают то обстоятельство, что понятие истинности шире понятия достоверности.

Возвращаясь к вопросу соответствия достоверности и объективной реальности, стоит заметить, что эти понятия также неоднородны. Во-первых, лицо, основывающее свои показания на информации, полученной от другого лица, намеренно ее исказившего, может добросовестно заблуждаться в верности сообщаемых сведений. Это лицо будет считать, что все сообщаемое им происходило в реальности и, следовательно, ее объективно отражает. Но в действительности сообщаемых им обстоятельств не происходило, так как они являются вымыслом, не имеющим ничего общего с объективной реальностью. Во-вторых, восприятие объективной реальности может зависеть от множества факторов, таких как воспитание, образование, культурный уровень, искренность веры и боязнь нарушения Евангельских Заповедей, язык общения и др. В зависимости от этих факторов у человека, выступающего источником достоверных доказательств, формируется свое представление об объективной реальности. Таким образом, понятие об объективной реальности у разных людей может отличаться.

Определение достоверности через понятие доказанности, на наш взгляд, неверно. Вывод о том, что доказанное знание приобретает характер достоверности можно подвергнуть критике, так как это же можно сказать и об относимости, допустимости, точности. Все они являются равносильными гранями доказанности, что не позволяет одну из них считать основополагающей для остальных. И если исходить из позиции равнозначности достоверности и доказанности, то можно сделать вывод об отсутствии иных свойств и теории доказательств как таковой. На рис. 1 продемонстрирована схема подходов к формулированию понятия «свойства достоверности доказательств» в науке и фактическом их объеме в судебном процессе.

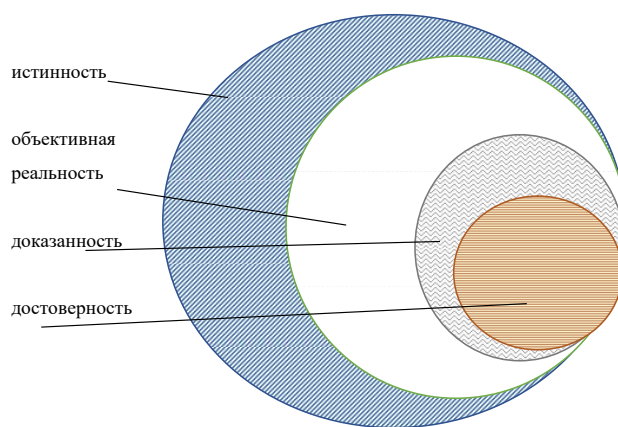

Рис. 1. Место понятия «достоверность» в системе иных понятий

Представляется, что установление истины — важнейшая задача всего судебного процесса. И как конечная цель она в известной мере шире одного из средств ее достижения, каким и является свойство достоверности. Истинное знание всегда достоверно, что нельзя сказать о достоверности ввиду ее ограничения. Стремление достоверности к истинности также очевидно, но при этом можно считать последнюю достигнутой только в определенный исторический момент. Так, ученый, проведя опыт, пытается объяснить значение полученных результатов. При этом на момент опубликования выводов работы и согласия научного сообщества знание, полученное им, можно считать истинным, хотя оно фактически является достоверным. Однако, спустя какое-то время другой ученый, проведя опыт на более совершенной технике, может прийти к другим выводам и указать на ошибки, приведшие его предшественника к ложному выводу. Соответственно первый вывод истинным никогда не являлся, а был достоверным в конкретный промежуток времени. Этот принцип действует и в судебном процессе, т. е. каждое новое доказательство может ставить под сомнение предыдущее. Но это не исключает того, что первичное знание может не подвергаться сомнению

в связи с тем, что изначально соответствует критерию истинности.

Объективная реальность также является более широкой категорией, чем доказанность. Объективная реальность отражает то, что реально существует, но в отличие от истинности не объясняет — почему. При этом достоверность может не соответствовать объективной реальности в связи с добросовестным заблуждением исследующего лица. Например, суд может принять в качестве доказательства те вещи, предметы или сведения, о происхождении которых лицо, их предоставившее, может ненамеренно заблуждаться.

Доказанность, несомненно, больше достоверности, хотя и меньше объективной реальности, так как в орбиту доказанности могут входить и недостоверные доказательства, но по формальным признакам признанные судом. Она может не отражать в полной мере реальную действительность, которой и будет соответствовать объективная реальность.

Таким образом, каждое следующее за достоверностью понятие включает в себя предыдущее как составную часть. Получается, что достоверность выступает частью истинности, объективной реальности и доказанности, что, по нашему мнению, привело к взаимной заменяемости этих понятий в представлении ряда авторов, указавших на их равенство. Частично их суждения верны, так как все рассмотренные понятия базируются на достоверности, хотя она равной им не является.

Между достоверностью конкретного доказательства по делу и всей их совокупностью существует прямая зависимость. Признавая доказательства по делу достоверными, суд принимает решение не только по всем доказательствам, отраженным в материалах, но и по каждому отдельно. Ряд ученых-процессуалистов, занимающихся проблемами уголовного судопроизводства, высказали аналогичные точки зрения, в частности В. С. Балакшин писал, что достоверность выводов по делу находится в непосредственной и прямой зависимости от достоверности отдельно взятого доказательства [6, с. 332]. С. В. Некрасов подчеркнул, что в УПК РФ в определении понятия «доказательство» законодателем было заменено ключевое словосочетание «фактические данные» на «любые сведения», что привело к отсутствию органической связи. «И, к сожалению, как бы в подтверждение подобного вывода, законодатель, исходя из конкретно имеющегося содержания ч. 2

ст. 15 УПК, (законодатель) не запретил использование в качестве доказательств показаний подозреваемого, обвиняемого, основанных на догадке, предположении, слухе» [9, с. 211].

В части 1 ст. 13 Положения указано, что «доказательствами являются полученные в предусмотренном настоящим Положением порядке сведения, на основании которых церковный суд устанавливает наличие или отсутствие относящихся к делу обстоятельств». Эта формулировка более четко очерчивает круг сведений, которые могут быть признаны доказательствами в церковном судебном процессе. По нашему мнению, *достоверность — это свойство доказательства, характеризующееся проверкой знания на вероятность (возможность) соответствия его источников и способов получения цели судебного процесса*. Проверка осуществляется средствами, зафиксированными в Положении, и исходит из конкретно складывающейся судебной ситуации с учетом всей совокупности имеющихся в распоряжении суда материалов и информации.

Таким образом, подвергая достоверность исследованию на предмет вероятности, возможно исключить заведомо ложный вывод, проверяя его путем соответствия полученным выводам. Достоверность служит критерием стремления знания о доказательстве к истинному путем рассмотрения его под разными углами с применением тех средств, которые возможно реализовать суду в пределах своих полномочий. При этом важным является указание на средства получения доказательств, которые напрямую предусмотрены в Положении, в целях исключения возможных ошибочных суждений, приводящих к незаконному решению суда.

Стоит также отметить, что учет вероятности (возможности) соответствия знания позволяет определить свойство достоверности не как цель доказывания, а лишь как средство установления истины по делу. В ином случае расширительное толкование сущности этого свойства ведет к отождествлению его с понятиями истинности и объективной реальности, что не соответствует действительности.

В связи с идентичными механизмами действия уголовного, гражданского, административного и церковного судебного процесса автор приглашает исследователей к дискуссии о возможной экстраполяции выводов о сущности свойства достоверности на иные процессуальные отрасли юридической науки.

Список литературы

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
2. Орлов Ю. К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. М., 1978.

3. *Арсеньев Д. В.* Истина, достоверность и обоснованность в следствии и судебных актах. Вопросы теории судебной экспертизы : сб. научных тр. Вып. 39. М., 1979.
4. *Карнеева Л. М.* Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1988.
5. *Громов Н. А. Зайцева С. А.* Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002.
6. *Балакишин В. С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : дис. д-ра ... юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
7. *Артамонова Е. А. Фирсов О. В.* Основы теории доказательств в уголовном процессе России. М., 2018.
8. *Никитин С. В.* О допустимости использования вероятных знаний в судопроизводстве по гражданским делам // Реализация процессуальных норм органами гражданской юрисдикции : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. К. С. Юдельсона. Свердловск, 1988.
9. *Некрасов С. В.* Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2004.

УДК 340.111.5:340.114.6:343.01

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-54-59

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности

Виктор Николаевич Борков

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права¹, ✉ borkovv@mail.ru

Глеб Евгеньевич Москаленко

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства¹,

✉ glmos55@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Модификация общественных отношений и новые проявления реальности побуждают к пересмотру представления о содержании правонарушения и оснований ответственности. Усложнение форм и методов противоправной деятельности, предпринимаемые субъектами меры конспирации побуждают к поиску новых подходов к установлению юридической ответственности на основании косвенных признаков, свидетельствующих о совершенных преступлениях. Представление об опасности правонарушения как о причинении вреда общественным отношениям или создании реальной угрозы такого причинения выступает в качестве теоретического основания для разработки правовых средств охраны наиболее важных ценностей от посягательств, совершение которых возможно с высокой долей вероятности в будущем. В статье предлагается решать поставленную задачу на основе разрабатываемой отечественной теорией права идеи о юридических фактах, представляющих собой совокупность жизненных обстоятельств, образующих юридически значимое состояние. Феномен общественно опасного состояния как основания ответственности связывается с определением его правовой природы. Авторы особое значение отводят анализу индивидуального волевого компонента, послужившего причиной приобретения такого состояния. Анализируются состояния события, которые возникают независимо от воли лица, и состояния действия, которые предполагают совершение лицом целенаправленной деятельности, приведшей к приобретению особого состояния. В исследуемом контексте о предшествующей противоправной деятельности объективно свидетельствует приобретенное субъектом общественно опасное состояние, которое одновременно является основанием уголовно-правового воздействия и применения мер безопасности. В теорию правонарушений вводится понятие состава общественно опасного состояния.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, общественная опасность, юридический факт, общественно опасное состояние, состав общественно опасного состояния, состояние опьянения, занятие высшего положения в преступной иерархии, незаконное обогащение

Для цитирования: Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 54–59.

A Person's Socially Dangerous State as a Legal Fact and the Ground for Liability

Viktor N. Borkov

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of Criminal Law¹, ✉ borkovv@mail.ru

Gleb E. Moskalenko

Candidate of Science in Law, senior instructor at the chair of Theory and History of State and Law¹, ✉ glmos55@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Modification of social relations and new manifestations of reality encourage us to review the visions of the content of the offence and grounds for liability. The sophistication of forms and methods of illegal activities, measures of conspiracy taken by the subjects lead to the new approaches to be used for establishing legal responsibility on the basis of circumstantial signs, which prove the commission of crimes. An idea of danger of the offence as causing harm to social relations or creating the actual threat of such causing is a theoretical basis for developing legal means for protection of the most essential valuables from encroachments, which are highly

likely to be committed in the future. The authors suggest tackling the task on the basis of the developed domestic theory of law concerning the idea of legal facts, which make up a set of life circumstances composing a legally significant state. The phenomenon of a socially dangerous state as the ground for liability is connected with establishing its legal state. A special emphasis is given to the analysis of an individual volition component, which caused the acquiring of such a state. Under consideration are the states of an event, that arise independently of the person's will, and the states of an action, that assume the person's performing purposeful activity, which has led to a special state. Within the context under study a socially dangerous state acquired by the subject objectively proves the previous unlawful activity, and this state is both the basis for criminal law impact and for applying measures of security. The term of the corpus of a socially dangerous state is being introduced into the theory of offences.

Keywords: offence, crime, public security, legal fact, socially dangerous state, the corpus of the socially dangerous state, drunken state, occupying the highest position in the criminal hierarchy, illicit enrichment

Citation: Kollantay V. A. On the Property of Reliability of Evidence in Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 54–59 (In Russ.).

Важнейшей задачей государства является борьба с правонарушениями. Ее решение может быть признано успешным, когда не только имеется необходимая реакция на уже совершенные посягательства, но и обеспечивается их предупреждение. Ведущую роль здесь играет деятельность правоохранительных органов по осуществлению специальной и общей превенции, что предполагает применение принудительного воздействия на лиц, уже нарушивших закон, в целях недопущения повторения подобного в будущем, а также формирование на подобных примерах у других граждан склонности к исключительно правомерному поведению. Не отрицая значения юридической реакции на каждое правонарушение для предупреждения их повторного совершения, следует признать актуальность теоретического осмысления возможности не постфактумного, а упредительного воздействия на лицо, от которого исходит угроза для общества, в том числе и в случаях, когда такая угроза реализовалась, но противоправная деятельность и ее вредные последствия не лежат на поверхности.

Применительно к преступлению А. И. Марцев писал, что его сущностью «не может быть ни само поведение или деятельность, ни причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, так как эти характеристики не специфичны для подобного правонарушения, в них нет ничего абстрактного» [1, с. 56]. Допустимо выдвижение гипотезы о признании опасными, а поэтому заслуживающими государственной реакции, не только деяний, но и особых состояний, статусов лица, кроме того, об имевшей место криминальной деятельности могут свидетельствовать результаты, достигаемые злоумышленниками, что в свою очередь указывает на перспективную опасность последних.

Попытки общества, нацеленные на поиск способа выявления лица, представляющего социально опасное состояние, и применения к нему принудительных мер воздействия, известны с глубокой древности. Одним из ярких примеров служит процедура

остракизма. Последний представлял собой народное голосование в Афинах, по результатам которого лицо могло быть признано опасным для полиса и подвергнуто изгнанию сроком на 10 лет. При этом не требовалось наличия факта обвинения изгоняемого лица в совершении какого-либо правонарушения.

Обратившись к истории отечественного и зарубежного права, мы сможем обнаружить примеры правовых норм, устанавливающих юридическую ответственность за сам факт признания лица социально опасным. В Судебнике 1497 г. был закреплен институт обличования, получивший свое дальнейшее развитие в Судебнике 1550 г. Так, ст. 61 Судебника 1550 г. гласит: «А государьскому убойце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигальнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнию...» [2, с. 108]. Подобные положения сохранились и в других нормах Судебника 1550 г. Таким образом, признание человека «ведомым лихим», т. е. человеком, представляющим угрозу для действующего строя, образовывало самостоятельный состав преступления и предполагало возможность применения смертной казни. При этом ни признаки, ни определенная процедура, позволяющая признать лицо ведомым лихим человеком прямо законом не предусматривались.

Особый интерес также представляет нормативно-правовой акт периода Великой французской революции — декрет «О подозрительных» от 17 сентября 1793 г. (фр. Décret du 17 septembre 1793 relatif aux gens suspects), на основании которого признание лица подозрительным давало право революционным комитетам заключать такое лицо под стражу, домашний арест или высылать за пределы республики. Критерии для признания лица подозрительным носили достаточно размытый характер, например, п. 1 ст. 2 закреплял следующее положение: «Подозрительными признаются ... те, кто своим поведением, либо своими отношениями, либо своими словами или сочинениями

показал себя сторонниками тирании или федерализма и врагами свободы»¹. Фактически, подозрительным считалось лицо, представляющее социальную опасность для действующего в тот период режима.

Очередной виток в развитии идеи о социально опасном состоянии лица как самостоятельном основании для применения принудительных мер воздействия, в том числе и уголовно-правового, возник в ранний советский период. Так, УК РСФСР 1922 г. в ст. 49 закреплял следующую меру уголовно-правового воздействия: «Лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет». В УССР было принято постановление ВУЦИК и СНК УССР от 19 марта 1924 г. «О воспрещении социально опасным гражданам пребывания в определенных местностях УССР». Однако ни один из нормативно-правовых актов того периода не содержал легальную дефиницию и признаки социально опасного лица. Энциклопедия государства и права под ред. П. А. Стучка в качестве социально опасного определяла лицо, представляющее угрозу правопорядку рабоче-крестьянской власти [3, с. 536–537]. К числу таких лиц практика относил профессиональных азартных игроков, шулеров, содержателей различных притонов, проституток, торговцев алкоголем, спекулянтов, лиц, не имеющих определенных занятий, а также лиц, связанных с преступной средой.

Представители современной теории права занимают четкую позицию, согласно которой не только отсутствие критериев признания лица социально опасным, но и сам факт такого признания нарушает базовые принципы юридической ответственности и создает значительную угрозу основополагающим правам и свободам человека.

В связи с изложенным сложной теоретической проблемой является оценка свободы законодателя в выборе юридико-технических приемов нейтрализации угрозы законным правам граждан и интересам общества. Ее решение связано с осмыслением социально-юридической природы правонарушения и методов его фиксации в законе.

Статья 210¹ УК РФ предусматривает ответственность за высшее положение в преступной иерархии, таким образом устанавливая запрет на пребывание субъекта в особом статусе. «Эмпирическим материалом в поиске идей, отражающих законодательный замысел, — пишут Ю. Е. Пудовочкин и М. М. Баба-

ев, — могут стать не только (а возможно, и не столько) сами законы, сколько документы, отражающие законотворческий процесс, прежде всего, пояснительные записки к законопроектам, в которых (по идее) цель и основание принятия закона должны быть четко определены» [4, с. 113]. В пояснительной записке авторы законопроекта отмечали, что «благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило уходят от ответственности»². Разъяснялось, что организация и руководство преступным сообществом, а также участие в собрании его организаторов лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, уже закреплена в ч. 4 ст. 210 УК РФ, но «при этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена»³.

Таким образом, по замыслу законодателя основным признаком преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, является характеристика субъекта, который занимает высшее положение в преступной иерархии. В норме отсутствует указание на деяние, она фактически запрещает пребывание лица в статусе, свидетельствующем об исходящей от него криминальной опасности для общества. Такая законодательная техника вступает в противоречие с понятием преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) как «совершенного общественно опасного деяния». Кроме того, «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения)...» подлежат в первую очередь доказыванию по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Еще одним существенным препятствием на пути к должной реализации ст. 210¹ УК РФ является проблема толкования. Одна из самых коротких гипотез действующего УК РФ требует от правоприменителя осуществить толкование, по сути, трех категорий: «занятие положения», «высшее положение», «преступная иерархия». В Конституционный Суд РФ обратилось лицо, в отношении которого было возбуждено уголовное дело о совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Несоответствие данной нормы Конституции РФ заявитель видел в том, что «она не конкретизирует термины „высшее положение” и „преступная иерархия”, не определяет момента окончания преступления, что лишает граждан возможности осознавать общественную опасность и противоправность такого деяния...». Высший орган конституционного контроля не предпринял попытки толкования указанных признаков преступления, что он часто делает в подобных случа-

¹ Décret du 17 septembre 1793 relatif aux gens suspects URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Décretdu17_septembre_1793_relatif_aux_gens_suspects (дата обращения: 26.01.2023).

² Пояснительная записка к законопроекту. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 26.01.2023).

³ Там же.

ях, обращаясь к нормативным актам, осуществляющим позитивное регулирование охраняемых уголовным законом общественных отношений, так как подобного нормативного регулирования нет и быть не может. Конституционный Суд РФ указал, что проверка сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела представляют собой только начальную стадию уголовного процесса, когда заявителем еще не исчерпаны «внутригосударственные средства судебной защиты»⁴. Очевидно, что нечеткость, краткость юридической формулировки гипотезы ст. 210¹ УК РФ, а также отсутствие в уголовном законе легальных дефиниций и акта официального толкования, конкретизирующего положения анализируемой нормы, формально, дают правоприменителю широкий простор для произвольного толкования нормы и наполнения необходимым содержанием.

В свое время острую научную дискуссию вызвала проблема криминализации незаконного обогащения [5, с. 248], под которым понимается явное превышение фактического приращения активов должностного лица за определенный период над полученным им официально денежным содержанием. Законопроект о криминализации незаконного обогащения в 2019 г. был внесен в Государственную Думу РФ⁵. Предполагаемое изменение уголовного закона имело целью «создание дополнительных механизмов, направленных на устранение возможности реализации коррупции для отдельных категорий лиц, замещающих важные должности с точки зрения интересов государства». В незаконном обогащении так же, как и в занятии высшего положения в преступной иерархии отсутствует деяние. Предполагалось, что посягательством является особое состояние или обстановка, которую создало само должностное лицо, когда его фактические доходы многократно превышают официальные. Данное опасное состояние безальтернативно свидетельствует о предшествующей ему коррупционной деятельности и исходящей от субъекта угрозе публичным интересам, адресованной в будущее.

Статья 20.21 КоАП РФ предусматривает ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Подчеркнем, что не за потребление (распитие (эти действия запрещает ст. 20.20 КоАП РФ), а именно за появление, т. е. фактически нахождение «на улицах,

стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах» в состоянии опьянения. По одному из дел было установлено, что «Балан Г. М. находился в общественном месте... в состоянии опьянения... Совокупность собранных по делу доказательств объективно свидетельствует о нахождении Балана Г. М. в состоянии алкогольного опьянения, сопровождаемом наличием таких признаков, как запах алкоголя изо рта, смазанная речь, шаткая походка, поведение, не соответствующее обстановке, что в данном случае позволяло сделать вывод об оскорбительности состояния Балана Г. М. для человеческого достоинства и общественной нравственности»⁶. Получается, что гражданин привлекается к административной ответственности за оскорбляющее человеческое достоинство состояние.

В деле о привлечении к ответственности за совершения правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, Гейдаровым Н. М. также идет речь «о частичной утрате способности ориентироваться в окружающей обстановке, возможности причинения вреда себе и окружающим, созданию условий для дальнейших правонарушений»⁷. Напомним, глава 20 КоАП РФ, в которой размещена комментируемая норма, называется «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». Именно факт нарушения общественной безопасности аргументировался угрозой состояния Гейдарова Н. М. для окружающих и возможностью совершения им новых правонарушений. Заметим, что ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) также предусмотрена в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», но уже закона уголовного.

Современная юридическая наука не лишена «сторонников теории опасного состояния». Н. Г. Иванов считает, что «опасное состояние личности проявляется через повтор девиаций», которые... представляют угрозу обществу и личности», «что эта теория необходима в профилактическом аспекте и в процессе назначения наказания» [6, с. 17–20]. «В отличие от опыта иностранных государств, — отмечают А. В. Бриллиантов и А. Д. Щербаков, — как вводящих превентивное заключение, так и существенно усиливающих меры ответственности за совершение тяжких преступлений, когда существует объектив-

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1490-О (здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁵ Законопроект № 757818-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/757818-7> (дата обращения: 26.01.2023).

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 2 сентября 2022 г. № 13-АД22-9-К2.

⁷ Постановление Верховного Суда РФ от 24 декабря 2021 г. № 3-АД21-6-К3.

ная опасность таких лиц для общества, которые уже ранее совершили преступление и демонстрируют стойкую „профессиональность“ в своей девиантности, законодатель, как представляется, встает на путь констатации опасного состояния личности без привязки к криминальной истории конкретного лица» [7, с. 90–99].

В силу значимости феномена общественно опасного состояния, являющегося основанием для привлечения лица к ответственности, следует определить правовую природу юридически значимого состояния. В отечественной теории права рассматривается вопрос о возможности выделения юридических фактов, представляющих собой совокупность жизненных обстоятельств, образующих юридически значимое состояние. Так, по мнению С. С. Алексеева, по характеру воздействия юридические факты можно разделить на факты однократного действия и факты непрерывного юридического действия, именуемые состоянием [8, с. 177]. Цуканова Е. Ю. отмечает: «Состояние можно квалифицировать как юридический факт самостоятельного вида и понимать под ним конкретное жизненное обстоятельство, характеризующее относительно стабильные качества личности, объекта или процесса и способное самостоятельно или в совокупности с иными юридическими фактами вызывать правовые последствия» [9, с. 10]. В современном законодательстве распространены случаи закрепления регулятивных норм права, связывающих юридические последствия с различными явлениями и процессами, определяющими особое юридическое состояние лица, которое характеризуется устойчивостью и как следствие, определенной продолжительностью во времени. К числу таких состояний можно отнести нахождение в браке, в родстве, в розыске и т. д.

Однако при рассмотрении проблемы состояния лица как основания для его привлечения к ответственности особую важность представляет анализ индивидуального волевого компонента, ставшего причиной приобретения такого состояния. С этой точки зрения следует выделять состояния события, которые происходят независимо от воли лица, приобретающего такое состояние (например, нахождение в родстве) и состояния действия, которые предполагают совершение лицом целенаправленной деятельности, приведшей к приобретению особого состояния. В случае обретения лицом опасного для общества состояния собственными неправомерными действиями при наличии определенных условий допустимо установление правовых оснований государственно-правовой реакции, направленной на предупреждение совершения субъектом посягательств в будущем. В качестве основания ответственности или применения мер безопасности может вы-

ступить наличие в исследуемом событии признаков состава общественно опасного состояния.

Состав общественно опасного состояния представляет собой совокупность признаков, характеризующих соответствующее состояние лица как правонарушение. Его объектом является безопасность, причем в различных сферах: общества, государства, антикоррупционная, от организованной и экономической преступности. Объективная сторона комментируемого состава характеризуется опасным состоянием, в котором пребывает субъект, которое подобно обстановке, складывается и возникает до начала посягательства. Особенности такого состояния конкретизируются видом преступления. Субъективная сторона состоит в осознании виновным своего положения и состояния, желания пребывания в нем или безразличного к этому отношения. Субъектом состава общественно опасного состояния является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В отдельных случаях субъект может быть специальным, например, применительно к незаконному обогащению — должностное лицо.

Таким образом, продолжая анализ оснований для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ, мы приходим к выводу, что таким основанием служит особое состояние лица как юридический факт. При этом обязательным элементом состава правонарушения является вина, которая характеризуется негативным отношением лица к действующему правопорядку, законным интересам государства, правам и свободам общества и личности. Наказуемое общественно опасное состояние должно предполагать наличие сознательных действий лица, которые и привели к приобретению юридически значимого состояния.

Теоретическая составляющая выстраивается весьма логично, однако на практике мы видим очередное препятствие, которое заключается в том, что критерии оценки занятия высшего положения в преступной иерархии не определены ни законом, ни актами легального толкования. Юридический факт — это конкретные жизненные обстоятельства, с которыми правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений и эти жизненные обстоятельства должны быть четко зафиксированы законодателем.

«На наш взгляд, — пишут А. В. Бриллиантов и А. Д. Щербаков, — безусловно, есть личности, потенциально представляющие общественную опасность и в отношении них возможно применение предупредительных мер, но не связанных с уголовно-правовыми мерами. Последние следует применять хотя и с учетом определенных свойств личности, но все же в сочетании и отдавая приоритет наличию социально значимого негативного деяния» [7, с. 90–99].

По мнению А. Л. Кононова, «фатальным недостатком практического применения теории опасного состояния личности» является «полная неопределенность ее основания, неспособность предложить юридически точные критерии как опасного состояния, так и исправления личности»⁸. Рассуждая о признаках состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, следует отметить, что в отечественной юридической науке предпринимались успешные попытки определения таких юридически значимых признаков [10, с. 14–18; 11, с. 193–200].

В приведенных примерах об общественной опасности содеянного субъектом свидетельствуют косвенные признаки: занятие им высшего положения в преступной иерархии, состояние опьянения или не имеющий законных причин рост материального благосостояния. Особый криминальный статус лица или необъяснимое изменение его материального

положения с высокой долей вероятности свидетельствуют о преступлениях, как совершенных так и тех, что, возможно, будут совершены. С одной стороны, предполагается, что посягательство состоит в деянии, а точнее, в деятельности, с другой — описываемые в соответствующих нормах составы непосредственно на такую деятельность не указывают. Таким образом, правовое состояние лица является юридическим фактом, служащим основанием для возникновения, изменения или прекращения различных правоотношений. Очевидно, что противоправное состояние лица, в частности высшее положение в преступной иерархии, предполагает наличие целого ряда деяний, предшествующих получению или обеспечивающих сохранение такого статуса. Эти деяния и должны являться основанием для возникновения юридического факта, констатирующего обретение лицом общественно опасного состояния.

Список литературы

1. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.
2. *Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.*
3. *Энциклопедия государства и права / под ред. П. А. Стучка. М., 1925.*
4. *Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.* Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // *Lex russica.* 2023. Т. 76. № 1.
5. *Борков В. Н.* Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами. М., 2016.
6. *Иванов Н. Г.* Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // *Российская юстиция.* 2017. № 1.
7. *Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д.* Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // *Государство и право.* 2020. № 10.
8. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. II.
9. *Цуканова Е. Ю.* Фактические общности в современном российском праве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2021.
10. *Бурлаков В. Н., Щепельков В.Ф.* Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // *Криминалистика.* 2020. № 2.
11. *Каравалева Ю. С.* Значение социального статуса и роли личности для характеристики общественной опасности деяния и констатации ее опасного состояния по нормам УК РФ 1996 года // *Вестник ВГУ. Серия: Право.* 2021. № 2.

⁸ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова : постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П.

УДК 340:342

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-60-63

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Принципы правосудия в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв.

Татьяна Евгеньевна Грязнова

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства¹,

✉ gte3812@yandex.ru

Марина Александровна Бучакова

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права¹,

✉ mb290163@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В юриспруденции Российской империи принципы правосудия становятся одной из основных тем научного дискурса в преддверии судебной реформы 1864 г. Преимущественное внимание отечественных специалистов (С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин, Н. Н. Ворошилов, С. В. Познышев, Н. Н. Розин, С. И. Викторский, В. К. Случевский, А. Ф. Кони, И. Я. Фойницкий, С. А. Котляревский) было сфокусировано на фундаментальных идеях необходимости осуществления правосудия только судебными органами, независимости и несменяемости судей. Развиваемые в рамках либеральной идеологии, направленной на утверждение ценностей конституционализма, они послужили основой движения России в направлении идеала правового государства, в силу чего не утрачивали своей научной привлекательности вплоть до событий октября 1917 г.

Ключевые слова: принципы правосудия, российская юридическая наука, либерализм, разделение властей, независимость судей, несменяемость судей

Для цитирования: Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Принципы правосудия в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 60–63.

Principles of Justice in the Russian Legal Science of late 19th – early 20th centuries

Tatyana E. Gryaznova

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of Theory and History of Law and State¹, ✉ gte3812@yandex.ru

Marina A. Buchakova

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of Constitutional and International Law¹, ✉ mb290163@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

In jurisprudence of the Russian Empire principles of justice became one of the main issues for scientific discourse on the threshold of the judicial reform in 1864. The national specialists (S. A. Muromtsev, F. F. Kokoshkin, N. N. Voroshilov, S. V. Poznyshev, N. N. Rozin, S. I. Viktorovsky, V. K. Sluchevsky, A. F. Koni, I. Ya. Foyntsky, S. A. Kotlyarevsky) focused primarily on fundamental ideas of necessary administering justice only by the judicial bodies, independence and irremovability of judges. Developed within the liberal ideology aiming to establish values of Constitutionalism, they served as the basis for Russia's movement towards the ideal of a law-governed state, and due to this, did not lose their scientific attractiveness until the events of October 1917.

Keywords: principles of justice, Russian legal science, liberalism, separation of powers, independence of judges, irremovability of judges

Citation: Gryaznova T. E., Buchakova M. A. Principles of Justice in the Russian Legal Science of late 19th – early 20th centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 60–63 (In Russ.).

Принципы правосудия имеют важное значение не только для организации и функционирования судебной системы, но и для правоохранительной и правоприменительной деятельности государства в целом, направленной на реализацию и обеспечение конституционных прав и свобод граждан. Не случайно основополагающие идеи, призванные служить основой реорганизации судебной системы Российской империи, обсуждались в среде политиков и профессиональных юристов задолго до судебной реформы 1864 г. При этом преимущественное внимание дореволюционных специалистов было сконцентрировано на принципах осуществления правосудия только судом и независимости судей.

К сожалению, в советской историко-правовой науке, ведомой идеей тотального идеологического контроля, по понятным причинам, научное наследие российских либеральных правоведов пореформенного и последующего периодов практически не изучалось. И только в преддверии судебной реформы 1990-х гг. мы можем отметить всплеск интереса к выше обозначенной проблеме. Однако в полной мере труды отечественных юристов, в том числе специалистов в области процессуального права, не востребованы и сегодня.

Идея вычленения судебной власти в самостоятельную ветвь в том варианте, который признается юридической наукой классическим, принадлежит Ш. Л. Монтескье, позиционирующему разделение властей безотносительно к конституционно закрепленной форме правления как основной гарант свободы граждан. Однако термин «разделение властей» далеко не сразу прижился в отечественной правовой доктрине, чему в немалой степени способствовали реалии самодержавной России. В числе наиболее распространенных понятий, встречающихся на страницах научных работ, можно назвать: «разграничение деятельности власти» [1, с. 437], «обособление властей» [2, с. 13], «разграничение функций государственной власти» [3, с. 184–188; 4, с. 88] и др.

В целом, рассматривая разделение властей как «постулат, диктуемый соображениями политической свободы» [5, с. 70], исследователи однозначно указывали на необходимость реализации идеи осуществления правосудия только судом посредством освобождения судебных органов от несвойственных им административных функций и зависимости от законодательных полномочий главы государства.

Например, С. И. Викторский характеризовал судебную власть в России следующим образом: «Судебная власть — часть верховной; тем не менее она подзаконна, так как ее задача — применение закона в каждом отдельном случае нарушения благ и интересов, защищаемых последним, и при том, в ука-

занном законе порядке» [6, с. 46]. Подзаконность судебной власти подразумевала ее осуществление от имени Его Императорского Величества, о чем свидетельствуют как Устав уголовного судопроизводства 1864 г., так и Основные государственные законы Российской империи 1906 г.

Сохранение за главой государства ряда судебных полномочий даже после установления дуалистической монархии очевидно плохо коррелировало с классическим подходом Ш. Л. Монтескье. Не случайно В. К. Случевский подчеркивал, что непосредственное отправление правосудия носителем верховной власти, приравнивающим свои решения к закону, ставит под угрозу безопасность населения и ведет к утрате доверия с его стороны [7, с. 86].

Способ нивелирования очевидного диссонанса теории и практики предлагал С. В. Познышев, указавший на необходимость различать понятия «судебное верховенство» и «судебная власть». Первое интерпретировалось автором как право помилования императора, утверждения им судей и осуществление надзора за деятельностью судебных органов. Независимость судебной власти проявляется в данном случае в возможности беспрепятственно осуществлять разбирательство уголовных дел [4, с. 88–89].

Общеизвестно, что российское законодательство конца XIX и особенно начала XX вв. в силу целого ряда объективных и субъективных причин существенно отставало от стремительного развития общественных потребностей, интересов и настроений, что не ускользнуло от внимания отечественных юристов, активно включившихся в научный дискурс, направленный на поиск оптимального варианта решения проблемы. Так, согласно Н. Н. Розину, на судебные органы по необходимости должна быть возложена задача «продолжать работу законодателя, утончать ее, наполнять ее жизненным содержанием» [5, с. 73].

С. А. Муромцев, обосновывая концепцию судебного правотворчества, исходил из характерного для социологической юриспруденции постулата о вторичности юридических норм по отношению к существующему правопорядку, в связи с чем подчеркивал: «Юридические нормы должно считать лишь некоторым атрибутом правового порядка, точнее говоря, фактором в процессе его исторического образования» [8, с. 151]. Поэтому общее правило «гармонии» «между юридической нормой, которая применяется, и случаем, который разрешается», при косности правовой организации общества, вызванной несоответствием действующего законодательства преобладающим субъективным представлениям о наиболее совершенном правовом порядке должно уступить место реализации судом функции постепенного и неуклонного проведения в жизнь справед-

ливости по мере выявления случаев противоречия закона жизни.

Не менее актуальным для российской действительности был вопрос о разграничении судебной и исполнительной власти, поскольку административные органы обладали весьма широким кругом судебных полномочий. Судебная реформа, существенно улучшив ситуацию, тем не менее не смогла окончательно снять данный вопрос с повестки дня.

В качестве основных критериев разграничения судебной и исполнительной власти отечественные ученые называли: характер деятельности и степень самостоятельности судебных и административных органов, их мотивы, цели, конечный результат, а также юридическую силу принимаемых решений. Деятельность судов направлена на разрешение правовых споров, администрации — на исполнение законов; в первом случае имеет место самостоятельность, а основным мотивом и целью служит поиск справедливости, во втором — иерархия и интересы целесообразности; постановления судьи, по общему правилу, незыблемы, решения администрации преходящи [9, с. 41–44; 10, с. 292; 4, с. 88; 5, с. 76]. Так, согласно С. В. Познышеву, «судья должен всесторонне рассматривать дело, терпеливо выслушивать обе стороны, взвешивать, не торопясь, pro и contra и ставить решение согласное с законом. Администратор, напротив, должен решать быстро, часто руководствуясь соображениями целесообразности» [4, с. 88]. «Административная власть должна предвидеть результаты своих действий и смотреть вперед на могущее произойти, тогда как судебная власть смотрит назад, на то, что произошло, и имеет ввиду единственный результат — отыскание истины в интересах справедливости», — писал А. Ф. Кони [9, с. 4].

Очевидно, что для надлежащего функционирования судебной системы недостаточно провозгласить суд единственным органом, уполномоченным осуществлять правосудие. Необходимо создать систему условий и гарантий исключительности и полноты судебной власти, иными словами, обеспечить независимость судебных органов. Последняя рассматривалась российскими дореволюционными учеными в двух ракурсах — внешнем и внутреннем.

Внешняя независимость судебных органов обеспечивалась реализацией принципа разделения властей; внутренняя — посредством конституционных гарантий прочности и стабильности служебного положения. Как указывал И. Я. Фойницкий, это были условия, которые «формировали внутреннюю самостоятельность судей, которая характеризовалась как качество, прежде всего и более всего зависящее от самих судей, а воспитывали его общество, судей окружавшее, примеры, в жизни ими наблюдаемые, наука, ум их возвышавшая» [11, с. 203].

К числу важнейших условий российские юристы относили наличие конституционно определенной постоянно действующей системы судебных органов. «Государство как единственный субъект права на наказание отправляет свою карательную власть через постоянно действующие органы судебной власти, должности которых могут быть учреждаемы и исключаемы только законами», — писал по этому поводу В. К. Случевский [7, с. 98].

Не менее важным гарантом независимости судебной учеными считали отсутствие в их среде служебной иерархии и подчиненность только закону, в связи с чем И. Я. Фойницкий отмечал: «Здесь нет начальников и подчиненных, а есть судьи с большим и меньшим кругом власти» [11, с. 204].

Рассуждая о правовом статусе судей, российские юристы обращали внимание на необходимость ограничения их прав в части совмещения основной деятельности с занятиями, способными прямо или косвенно повлиять на беспристрастность принимаемых решений. К подобного рода занятиям они относили все иные государственные должности, а также общественную службу или частную деятельность, потенциально опасные возможным конфликтом интересов. Не случайно авторы находили явно недостаточными правовые ограничения, предусмотренные Учреждением судебных установлений и указывали на необходимость конкретизации законодательства применительно к частной деятельности судей.

Широкая дискуссия в отечественной юриспруденции развернулась по поводу порядка замещения судебных должностей, поскольку установленный Судебными Уставами смешанный порядок в полной мере не удовлетворял ни ученых, ни практиков. В пользу института выборов судей приводились следующие аргументы: краткосрочность отправления полномочий; избрание местным населением лиц добропорядочных и сведущих в делах; наличие общественного доверия и общественного контроля; невозможность воздействия администрации. Достоинства назначения на судебные должности ученые видели в несменяемости судей и в наличии более широкого круга отвечающих требованиям претендентов [6, с. 63; 5, с. 88, 90–91; 11, с. 221–222; 12, с. 291]. Очевидно, что «число юридических сил, находящихся на местах в распоряжении избирателей, было весьма невелико», — подчеркивал И. Я. Фойницкий [11, с. 221].

Несменяемость судей трактовалась юристами как право пожизненно пребывать в должности, получая от государства достойное содержание. Именно несменяемость, согласно И. Я. Фойницкому, давала судьям независимость, «достаточную для противодействия силам, враждебным правосудию... не взирая ни на каких лиц, для наказания высокопоставленных преступников...» [11, с. 230–231]. Помимо

обеспечения независимости, такой подход будет способствовать росту профессионализма и формированию корпоративной этики, что в совокупности, как отмечал С. А. Котляревский, будет служить надежной преградой «для безраздельного господства в государственной жизни формальной воли монарха и фактического полновластия бюрократии» [12, с. 312]. Причем, «чем полнее политическое самоопределение нации, тем необходимее независимость суда и, следовательно, обеспечение несменяемости судей», — был убежден исследователь [12, с. 314].

Отстаиваемые дореволюционными юристами принципы (осуществления правосудия только судебными органами, независимости и несменяемости судей) в постсоветской и современной России не утратили своей актуальности. Будучи основой Концепции судебной реформы 1991 г., они чуть позднее были закреплены в Конституции Российской Федерации, став неотъемлемой составляющей правовой системы государства и надежным гарантом обеспечения прав и свобод человека в нашей стране.

Список литературы

1. *Ворошилов Н. Н.* Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1872.
2. *Гессен В. М.* Теория правового государства. СПб., 1912.
3. *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004.
4. *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
5. *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Пг., 1916.
6. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1911.
7. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. М., 1895.
8. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова : 2-е изд. СПб., 2004.
9. *Кони А. Ф.* Краткий конспект курса уголовного судопроизводства. СПб., 1907.
10. *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. СПб., 1914.
11. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1.
12. *Котляревский С. А.* Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора // Избранные труды. М., 2010.

УДК 341(091): 321.01: 340.11:1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-64-73

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.5. Международно-правовые науки

Возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года

Георгий Чонгарович Синченко

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии¹, ✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

После суда над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге в период 1946–1949 гг. состоялось еще двенадцать процессов, именуемых последующими или малыми. Их полномасштабное научное исследование практически не проводилось. За рубежом известное оживление академического интереса датируется первым — вторым десятилетиями XXI в., российская аналитика и историография малых процессов находится в зачаточном состоянии. Между тем проблемная ситуация вокруг них в определенных аспектах была даже более острой, чем в случае главного трибунала, а значение не сводится к функции примечаний к нему. Особое место в малом нюрнбергском цикле занимает «Суд над судьями» (дело № 3), в котором одни юристы именем права обвиняли и судили других юристов за деяния, совершенные именем закона. Тем самым судебное разбирательство предстало практическим коррелятом теоретической рефлексии правосознания. Судьи, не располагая процессуальными инструментами прямого оппонирования защите, энергично дискутировали с ней в ментальном аспекте и концептуально проработали итоговое решение до такой степени, что на протяжении многих страниц оно мало чем отличается от научного исследования. Главным образом именно такие участки текста были отобраны для перевода, что позволило избежать дублирования советского издания 1970 г.

Ключевые слова: Нюрнбергские военные трибуналы, НВТ, Международный военный трибунал, МВТ, «Суд над судьями», преступник, путаница, обвинение, научный, перевод

Для цитирования: Синченко Г. Ч. Возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 64–73.

Reviving interest to the Nuremberg military tribunals. Introductory article to the publication of excerpts from proceedings on the Trial against Nazi Judges 1947

Georgiy Ch. Sinchenko

Honoured Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹, ✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

After the trials against the main German war criminals twelve more trials referred to as Subsequent Proceedings took place in Nuremberg between 1946 and 1949. There has been virtually no full-scale scholarly study of them. In other countries, the considerable revival of academic interest dates back to the first and second decades of the 21st century, while Russian analytical

and historiographical studies of supplementary series of processes war crimes trials are in their infancy. Meanwhile, the problem situation around them in certain aspects was even more acute than in the case of the main tribunal, and their significance is not reduced to the function of the notes to it. A special place in the additional Nuremberg cycle is occupied by the Judges' Trial (Case No. 3), in which some jurists accused and tried other jurists for acts committed in the name of law. In this way, the judicial proceedings appeared as a practical correlate of the theoretical reflection of legal consciousness. Judges, lacking the procedural tools of direct opposition to the defense, vigorously debated it mentally and conceptualized the final decision to such an extent that for many pages it differed little from scholarly research. Mainly such sections of the text were selected for translation, thus avoiding duplication of the Soviet edition of 1970.

Keywords: Nuremberg Military Tribunals, NMT, International Military Tribunal, IMT, the Judges' Trial, perpetrator, confusion, accusation, scholarly, translation

Citation: Sinchenko G. Ch. REVIVING INTEREST TO THE NUREMBERG MILITARY TRIBUNALS. Introductory article to the publication of excerpts from The Trial against Nazi Judges 1947. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 64–73 (In Russ.).

Сила правит миром, но мысль пользуется силой.

Паскаль

Словосочетание «нюрнбергский трибунал (процесс)» ассоциируется с заседавшим в нюрнбергском Дворце правосудия Международным военным трибуналом (далее — МВТ), перед которым в 1945 г. предстали высшие военно-политические руководители нацистской Германии. Ему посвящены обширная научная, мемуарная литература, кинодокументалистика, произведения искусства¹. Между тем суд, проводившийся МВТ с октября 1945 по октябрь 1946 г., был не единственным. В том же самом месте в период 1946–1949 гг. под эгидой США состоялось еще двенадцать процессов, именуемых последующими или малыми (далее — НВТ²). Первоначально их планировалось шестнадцать, однако по финансовым причинам несколько дел объединили.

Представления о НВТ и их отношении к главному нюрнбергскому суду чаще всего либо фрагментарны и калейдоскопичны, либо полностью отсутствуют. Научная среда не исключение, и только в последнее время наметились отдельные сдвиги.

Нюрнбергский процесс и нюрнбергские процессы: путаница длиной в три четверти века

Из общего множества НВТ в научных публикациях по большей части упоминается суд над немецким медицинским персоналом, участвовавшим в бесчеловечных экспериментах над заключенными

концентрационных лагерей («Медицинское дело», «Суд над врачами»). В приговоре были сформулированы десять этических пунктов, под именем Нюрнбергского кодекса получивших известность в качестве своего рода декалога научно-исследовательской этики; в итоге данный суд затрагивается преимущественно в контексте деонтологических проблем медицины и науки. Однако ссылки, упоминания и дискуссии начались не сразу. В изданных документах Хабаровского процесса 1949 г., в поле внимания которого находились японские военные медицинские преступления³, о родственном «Медицинском деле» не содержится ни слова, и вряд ли заслуживает упрека в чрезмерной смелости наше допущение, что участвовавший в суде советский юридический персонал вообще не располагал информацией о НВТ — ситуация, вписывающаяся в логику Холодной войны⁴. На Западе до начала 1960-х гг. тема Нюрнбергского кодекса также практически не поднималась, не существовало самого этого термина.

Переходя от этики к юридической теории и судопроизводству, заметим, что в Соединенных Штатах, в чью номенклатуру органов судебной власти НВТ не входили, положение их является, скажем так, неопределенным⁵. Характерно, что будучи «недостаточно американскими» для США, они оказались «чрезмерно американскими» не только для Со-

¹ Из российских книжных изданий, приуроченных к 75-летию МВТ, назовем «Суд народов» А. Г. Звягинцева (М., 2020) и материалы международной научной конференции «Суд народов и мировой правопорядок» (М., 2020). Материалы суда на русском языке публиковались неоднократно; в частности в последние десятилетия XX в. вышел в свет восьмитомник «Нюрнбергский процесс» (М., 1987–1999).

² В англоязычной литературе — IMT (International Military Tribunal) и NMT (Nuremberg Military Tribunal(s)).

³ *Материалы* судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.

⁴ Даже в книге середины 1960-х гг., где публиковались отдельные документы нескольких НВТ, почему-то написано, что их было не двенадцать, а семь (*Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками*: сборник материалов: в 3 т. Т. 2. М., 1966. С 410, сноска 1).

⁵ Частный, но красноречивый случай — амбивалентная ситуация, связанная с вопросом о том, какое место в системе источников права США занимает Нюрнбергский кодекс [2].

ветского Союза [3, с. 5–7], но и для остального мира [см., напр.: 4, р. S199, S202; 5, р. S166; 6, р. S183–S185]. Как следствие, уже в нашем веке о «Суде над врачами» американский юрист Л. Хармон заявила: «Меня удивляет, сколько людей, даже в академических кругах, никогда о нем не слышали» [7, р. 164], ее соотечественник Л. Дуглас описал общее впечатление о НВТ в научном сознании словами «примечания к МВТ» [8, р. 277], а английский автор П. Роланд прямо назвал их забытыми судами [9].

Об этом пробеле с разных сторон написано в двух вышедших одна за другой публикациях: монографии К. Геллера «Нюрнбергские военные трибуналы и происхождение международного уголовного права» (2011) [10] и сборнике под редакцией К. Примеля и А. Стиллер «Переоценивая Нюрнбергские военные трибуналы» (2012) [11]. Поскольку настоящей статьей предваряется выборочный перевод материалов одного из процессов, постольку, надемся, длинные переводные цитаты англоязычных оригиналов не нарушат общей стилистики нашего замысла.

К. Геллер: «В заключительном отчете о проведенных НВТ судебных процессах, представленном министру армии⁶ в августе 1949 г., Телфорд Тейлор⁷ предсказал, что „в ближайшие годы не будет недостатка в книгах и статьях“ о „фактических результатах судов, юридическом обосновании решений, исторических откровениях, заключенных в документах и свидетельских показаниях, [и] непосредственном и долгосрочном значении для международных отношений“. Шесть десятилетий спустя стало ясно, что Тейлор в роли обвинителя был лучше, чем в роли прогнозиста. Об этих судебных процессах вышло очень мало книг и статей, и подавляющее их большинство было написано судьями, прокурорами и адвокатами, которые принимали в них участие⁸. Научная литература, в свою очередь, почти без исключения сосредоточена на отдельных судах и конкретных юридических вопросах. Действительно, было написано только два общих исследования: „Нюрнбергские

процессы: военные преступления и международное право“ Т. Тейлора (1949) и „Нюрнбергские процессы“ А. фон Книрима (1959). Обе книги не являются научными, и обе не являются исчерпывающими. Тейлор в своей короткой книге просто в общих чертах излагает историю трибуналов, кратко описывает судебные процессы и комментирует несколько наиболее важных, по его мнению, юридических вопросов. Гораздо более длинное исследование фон Книрима представляет собой непрерывные нападки (attack) на справедливость судов — что неудивительно, учитывая, что он был главным юристом промышленной группы „Фарбен“ и привлечен в качестве обвиняемого (безуспешно) по „Делу „Фарбен“⁹.

Отсутствие академического интереса к этим судебным процессам трудно объяснить. Ученые выпустили буквально десятки книг и сотни статей о МВТ, однако можно привести веские доводы в пользу того, что с юридической точки зрения НВТ гораздо важнее, чем их более известный предшественник» [10, р. 2–3].

М. Маррус: «В отличие от МВТ, рассматриваемые суды пострадали от пренебрежения со стороны историографов. Частью проблемы является уже сама по себе терминология, и то, как были названы эти суды, стало предметом путаницы. В целом именно за МВТ история закрепила наименование „Нюрнбергский процесс“, и представления [о нем] часто сопровождаются уже знакомой иконографией: зал № 600 в нюрнбергском Дворце правосудия с главными обвиняемыми-нацистами, прежде всего Германом Герингом, на скамье подсудимых. Как специалисты, так и студенты регулярно смешивают „Нюрнбергский процесс“ с „Нюрнбергскими процессами“ во множественном числе. Телфорд Тейлор, главный обвинитель на двенадцати процессах, написал прекрасную книгу о суде, который МВТ провел в Нюрнберге против „главных немецких военных преступников“, и по ошибке озаглавил ее “The Anatomy of the Nuremberg Trials”, необъяснимо используя множественное число¹⁰. В этом труде Тейлор говорил

⁶ Министр армии (Secretary of the Army) — высокая гражданская должность в армии США.

⁷ Телфорд Тейлор (1908–1998) — бригадный генерал армии США, ведущая фигура обвинения на НВТ, впоследствии профессор права в Колумбийском университете, противник маккартизма и Вьетнамской войны.

⁸ Так, в своей статье [12] идею международного характера НВТ развернул Бенджамин (Бен) Ференц (р. 1920) — ныне старейшина американского и мирового юридического цеха, главный обвинитель по делу № 9 об айнзатцгруппах (спецподразделениях СС и СД, занимавшихся «окончательным решением» расового вопроса и ликвидацией прочих негодных режимов лиц). Ференц является одним из инициаторов Международного уголовного суда. В 2009 г. посетил Россию. Ведет активный образ жизни. В 1921 г. в Москве на русском языке вышла посвященная ему книга Ф. Гута «Свидетель века. Бен Ференц — защитник мира и последний участник Нюрнбергских процессов».

⁹ Группа немецких компаний «ИГ Фарбениндустри» производила Циклон Б — вещество, использовавшееся для массового умерщвления в газовых камерах.

¹⁰ Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials: a Personal Memoir. New York, 1992. (В переводе из Марруса мы намеренно оставили оригинальное название, поскольку “trials” в юридической части спектра своих значений может пониматься не только во множественном числе («суды», «судебные разбирательства», «судебные процессы»), но иногда, в зависимости от контекста, и в единственном).

о „Нюрнберге“ как о „первом Нюрнбергском процессе“¹¹ <...> Тейлор объяснял читателям, что намеревается написать о „последующих процессах“, которые „проходили под председательством американских судей, применявших международные законы войны“, но, к сожалению, так и не сделал этого. Поэтому у нас нет четких поправок по рассматриваемому вопросу, которые бы внес человек, возможно, имевший на это больше прав, чем кто-нибудь еще. Как следствие, тех, кто не идет дальше предложенного Тейлором заглавия, видимо, сто́ит простить, если они тем или иным образом смешивают суд МВТ с чем-то, что можно назвать „Нюрнбергским процессом“¹². Далее, есть официальные отчеты: читатели, прохаживающиеся вдоль библиотечных стеллажей в поисках сорока двух томов заседаний МВТ в синем переплете, озаглавленных „Суд Международного военного трибунала над главными военными преступниками“ и известных как „Синяя серия“, вполне могут наткнуться на пятнадцать томов в зеленом переплете, известных как „Зеленая серия“, с обманчиво похожим названием „Суды Нюрнбергских военных трибуналов над военными преступниками согласно Закону № 10 Контрольного совета“, и не сразу поймут, как отличить одно от другого» [11, xi].

Итак, хотя отдельные исследования данной темы время от времени предпринимаются, единство места и смежность времени действия, резонансный характер МВТ и другие причины привели к тому, что нюрнбергские суды стали «слипаться» в исторической памяти и восприниматься как единый «Нюрнбергский процесс», а то и совершенно теряться в тени МВТ¹³.

Тем более это верно применительно к отечественной юридической мысли. С одной стороны, выполнены переводы на русский язык части судебных материалов. В 1965–1966 гг. центральное издательство «Юридическая литература» опубликовало трехтомник «Нюрнбергский процесс над главными

немецкими военными преступниками», в котором собраны сведения по судебным делам в отношении гитлеровских финансовых и промышленных магнатов, медиков, генералов, внушительным общим объемом около 44 уч.-изд. л.¹⁴ В 1970 г. там же была выпущена книга «Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями», целиком составленная из документов одного, что явствует из названия, судебного дела. Уже в наши дни, в 2018 г., вышел в свет сборник материалов «Военные трибуналы Нюрнберга: Медицинское дело». Впечатляющий своей пространностью текст (74,5 уч.-изд. л.), к сожалению, не имеет научного аппарата и не получил стандартной редакционно-издательской обработки, что оставляет его сыроватым и затрудняет использование, однако информативности все же не лишает. А если принять во внимание полувекую атрофию интереса к НВТ у крупных издательств, то усилия переводчика С. Мирошниченко тем более заслуживают положительного отношения.

Вместе с тем в данной публикации как в капле воды отражается тот факт, что отечественная аналитика и даже историография НВТ пребывает в зачаточном состоянии и движется почти наощупь. Так, в диссертации Е. А. Копыловой статус опорного для «малых Нюрнбергов» закона, принятого союзниками для оккупированной Германии, понижен до директивы [15, с. 45 след.], а в статье С. А. Орловой на два отведенных НВТ чисто описательных абзаца приходятся две фактические погрешности [16, с. 12–13]: в действительности высший орган союзной власти назывался не «Контрольная комиссия», а «Контрольный Совет»; был создан не единый трибунал, а шесть, из которых два (третий и пятый) известны в двух несовпадающих составах¹⁵.

В этих условиях представляется целесообразным предпослать прорисовке деталей набросок общего вида.

¹¹ Главный процесс, несмотря на то что последующие имеют собственную нумерацию от одного до двенадцати, регулярно обозначался в материалах НВТ под номером один. Мотивом, по нашему мнению, служила демонстрация международно-правовой природы «малых Нюрнбергов», продолжающих дело «большого», но от недоразумений это не спасло.

¹² Справедливость требует уточнить, что в мемуарах Тейлора разрозненно попадаются упоминания последующих процессов. Добавим сюда упомянутые Геллером в ранее цитированном нами месте официальный отчет (*Taylor T. Final Report to the Secretary of the Army on the Nuernberg War Crimes Trials Under Control Council Law No. 10. Washington, D. C, 15 August 1949*) и ориентированный на более широкого читателя сравнительно небольшой, объемом приблизительно 6,5 уч.-изд. л., текст, в котором малые суды рассматривались в общих рамках с главным. В этой работе над сухой деловитостью прокурорского слога надстраивалась (пользуясь далее выражением из предисловия, составленного американским ученым и общественным деятелем Дж. Шотгуэллом) объективность и рассудительность историка, ввиду чего и вопреки оценке Геллера мы после некоторых колебаний включили ее в список научных источников [13].

¹³ Подробнее о деформациях восприятия послевоенного нюрнбергского судебно-правового комплекса на примере «Медицинского дела» см. [14].

¹⁴ Итак, часть материалов, опубликованных под заглавием, которое адресует к суду над *главными* военными преступниками, т. е. МВТ, в действительности относятся к НВТ. Если это и не поддерживает двусмысленности, то, во всяком случае, не является лучшим средством от нее избавиться.

¹⁵ Мы и сами по недосмотру перепутали дела № 6 и 9 в статье [17, с. 354]. В действительности, как и было сказано выше, Ференц был главным обвинителем по делу № 9 об айнзатцгруппах, а фон Книрим — подсудимым в деле № 6 о промышленной группе «Фарбен».

Нюрнбергские военные трибуналы в целом и «Суд над судьями»: панорама

НВТ в целом. Все дела разбирались американскими военно-судебными инстанциями; НВТ II провел три процесса, НВТ VI — один, остальные — по два¹⁶. Возможность создания таких органов судебного преследования предусматривалась упомянутым выше Законом Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 г. № 10. В нем также, в корреляции с Уставом МВТ, но без дословного копирования формулировок, закреплялись понятия военного преступления, преступления против мира, преступления против человечности¹⁷. Отдельным пунктом устанавливалась принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом. Законом также фиксировались виды наказаний, регулировались права оккупационных властей в отношении подозреваемых лиц и т. д.

Учреждены НВТ были постановлением военного губернатора американской оккупационной зоны от 18 октября 1946 г. № 7 «Организация и полномочия определенных военных трибуналов (Organization and Power of Certain Military Tribunals)». Постепенно издавались новые нормативные документы материального и процессуального характера, тем самым пополняя «малое нюрнбергское право». Видеть в нем самостоятельный комплекс или сегмент права «большого Нюрнберга» — особый вопрос. Американская военная Фемида помещала их в общие рамки, параллельно с густыми ссылками на международно-правовые источники, выражая привлечение к суду стандартной национальной формулой «Соединенные Штаты Америки против...» (далее в полном наименовании дела перечислялись имена и фамилии всех обвиняемых). Таким образом, «Дело врачей», «Дело судей», «Дело об айнзатцгруппах» и т. д. — названия «нетитульные», в юридических реквизитах отсутствующие. Несравнимо существеннее, что международно-национальная бимодальность НВТ превратилась в хроническую историко-правовую проблему с философским подтекстом [см.: 16; 17].

Остановимся еще на одном моменте, нельзя сказать, что принципиальном, однако его разное толкование усиливает какофонию, которой и без того достаточно. Армейским приказом, датированным концом октября 1946 г. (т. е. вскоре по окончании МВТ), главным обвинителем от США (Chief Prosecutor for the United States) согласно Уставу МВТ был назначен Т. Тейлор. В материалах НВТ он фигурирует как Chief of Prosecution Council — глава (председатель) совета обвинения. Одному из членов данного коллективного образования поручалось возглавить обвинение по определенному делу. Как следствие, главных обвинителей было одновременно два: в масштабах всего цикла — Тейлор, в рамках определенного суда — Денни, Ференц, Нидерман.

Предпосылкой выделения дел послужила профессиональная и институциональная принадлежность обвиняемых, которые, согласно Тейлору, были разбиты на следующие группы: специалисты (врачи и юристы); члены СС и сотрудники полиции; промышленники и финансисты; высокопоставленные военные; министры правительства [12, р. 160–161]. Вместе с тем в «Зеленой серии», по словам составителя, в целях удобства организации издательского пространства и доступности для читателя использована разбивка по тематике: медицина; право; расовая политика; экономика; ведение войны; политика и государственная власть¹⁸.

Судебные заседания продлились в совокупности более 1 200 дней, стенограмма превышает 330 000 страниц. Численность обвиняемых — 185, из них 8 лицам приговоры не были вынесены по разным причинам, 35 оправдано, 142 осуждено. Постановлено 24 смертных приговора (13 приведено в исполнение), к пожизненному заключению приговорено 20, к лишению свободы на разные сроки — 98 человек, из которых 9 освобождены по зачету срока предварительного заключения. Ряд лиц привлекался к суду не по всем содержащимся в Законе № 10 позициям, и не все осужденные были признаны виновными в том объеме, который охватывался обвинительными актами. Например, когда в обвинение включался пункт об участии в общем плане или за-

¹⁶ И это тоже создает почву для недоразумений. Так, на веб-сайте проекта Гарвардской школы права «Нюрнбергский процесс (The Nuremberg Trials Project)» словосочетание “NMT 7 (The Hostage Case (USA v. Wilhelm List et al. 1947–48))” должно пониматься не как то, что дело слушалось трибуналом № 7 (трибунала № 7 никогда не существовало, а для нумерации НВТ американской юстицией использовались римские «цифры»: NMT I, NMT II и т. д.), а как то, что данный суд был седьмым по счету из двенадцати. (HLS Nuremberg Trials Project // URL: <http://nuremberg.law.harvard.edu/intro> (дата обращения: 30.12.2021)). Названный ресурс не исключение, поэтому приходится постоянно держать в уме многозначность, ибо в разных контекстах «суд», «МВТ», «НВТ» и т. п. означают: определенную властную инстанцию; лицо или лиц, которые осуществляют расследование и постановляют окончательное решение; судебное разбирательство (процесс).

¹⁷ Тейлор отмечал два существенных отличия: расширение состава преступлений против мира за счет добавления к войнам вторжений (что создавало основу для криминализации захвата Австрии и Чехословакии) и исключение из состава преступлений против человечности зверств (жестокостей), совершенных до начала Второй мировой войны [12, р. 155].

¹⁸ См., напр.: *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Volume XV. Nuernberg October 1946 – April 1949*, р. 6.

говоре в целях совершения военных преступлений и преступлений против человечности, он не задействован в приговоре («Дело судей», «Дело Главного административно-хозяйственного управления СС» и др.).

Вследствие кампании пересмотра приговоров, помилований и, в конце концов, по просьбе властей ФРГ к началу 1957 г. едва ли не все осужденные получили свободу; последние четыре заключенных вышли из тюрьмы для военных преступников № 1 в г. Ландсберг-ам-Лех 5 мая 1958 г. Францу Шлегельбергеру была назначена министерская, Эрнсту Лаутцу (оба осуждены по «Делу судей») — генеральская пенсия. Эрхарду Мильху (осужден по «Делу Мильха») в конце жизни вернули маршалский жезл. Эрнста фон Вайцеккера (осужден по «Делу Вильгельмштрассе»), отца будущего президента ФРГ Рихарда фон Вайцеккера, похоронили в 1951 г. в нацистской дипломатической форме со свастикой.

«Суд над судьями». В предыдущем подразделе трижды упоминался главный предмет нашего интереса — дело № 3, иначе — процесс «США против Йозефа Альтштеттера и др.», проведенный НВТ III (в данном случае порядковые номера суда и трибунала совпадают). Больше половины подсудимых являлись не судьями, а руководящими сотрудниками административного аппарата министерства юстиции или обвинителями. Поэтому не мешает держать в уме, что название «Суд над судьями» не только неофициальное, но и неточное. Кроме того, оно не единственное: среди множества англоязычных вариантов находим, с одной стороны, “The Jurists’ Trial (Суд над юристами)”¹⁹, с другой — “The Judges Case (Дело судей)”²⁰. Кстати говоря, по «Медицинскому делу» также проходили не одни лишь врачи, вопреки чему словосочетание “The Doctors’ Trial (Суд над врачами)”, датируемое еще 1940-ми годами²¹, по сей день фигурирует в публицистике и научной литературе на английском языке [см., напр.: 19; 20]. Здесь срывает тот же метонимический перенос, который отвечает, скажем, за отождествление объема терминов «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство»: явление в целом обозначается по его самой вы-

деляющейся или важной части либо свойству. И как в «Суде над врачами» в фокусе внимания находились истязания людей средствами медицины (т. е. руками врачей), так в «Суде над судьями» центральным предметом стали унижение и издевательства над людьми посредством отправления правосудия (т. е. руками судей).

Хотя о широкой известности «малых Нюрнбергов» в мире вообще и в русскоговорящем мире в особенности рассуждать не приходится, политическое и научное немногословие отчасти компенсировалось искусством. Если делу № 1 сравнительно «повезло» благодаря Нюрнбергскому кодексу, то делу № 3 — благодаря снятому знаменитым американским режиссером С. Крамером по сценарию писателя, киносценариста и продюсера Э. Манна “Judgment at Nuremberg (Нюрнбергский процесс, Суд в Нюрнберге)” одноименному кинофильму 1961 г. со звездным актерским составом (Б. Ланкастер, С. Трейси, М. Дитрих, М. Шелл) и престижными наградами (два Оскара и один Золотой глобус). Из других постановок отметим телеспектакль театра им. Моссовета (1986), в котором были заняты такие яркие и маститые советские исполнители, как Р. Плятт, Г. Жженов, Г. Тараторкин.

Вернемся собственно к суду. Его заседания проходили с 5 марта по 4 декабря 1947 г. Из 16 обвиняемых 1 был освобожден от ответственности по состоянию здоровья, 1 покончил с собой до начала суда, 4 оправданы, 4 приговорены к пожизненному лишению свободы, остальные — к тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет²².

На скудность источниковедческой базы жаловаться не приходится. Кроме отдельного тома «Зеленой серии»²³, это судебные и аналитические материалы на интернет-портале Гарвардской школы права и, что является немаловажным фактором для российских ученых, указанный ранее сборник судебных документов в русском переводе. Тем не менее мы намерены предложить читателю самостоятельный перевод объемом около 1 авт. л. — шаг, нуждающийся если не в оправдании, то в объяснении, к которому и переходим.

¹⁹ Информационные материалы американского Музея памяти жертв Холокоста (*Background: Jurists’ Trial Verdict* // URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/background-jurists-trial-verdict> (дата обращения: 06.01.2022)).

²⁰ Интернет-портал Школы права университета штата Джорджия (*Trial 3 – Judges Case* // URL: <https://digitalcommons.law.uga.edu/nmt3/> (дата обращения: 07.01.2022)).

²¹ Напр.: *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Volume I. Nuernberg October 1946 – April 1949*, p. 3.

²² Более подробно фактография представлена, например, в публикации на интернет-платформе zakon.ru. Там же лапидарно сформулирована юридическая и философская проблема, с которой столкнулся НВТ в данном деле и о которой в нашей статье речь пойдет ниже (Будылин С. Дело об убитом правосудии, или Отвечает ли судья за преступления режима? // URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/22/delo_o_kriminalnoj_yusticii_ili_otvechaet_li_sudya_za_prestupleniya_rezhima (дата обращения: 19.01.2022)).

²³ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Volume III. Nuernberg October 1946 – April 1949. Washington, 1951.* Небольшое количество материалов по данному делу размещено также в т. XV.

**«Суд над судьями»
на пересечении юридического и научного дискурса:
к обоснованию перевода на русский язык**

Период между окончанием Первой и Второй мировых войн, а также первое послевоенное десятилетие — пора глубоких преобразований международного права, и некоторые его конструктивные элементы приходилось создавать или дорабатывать прямо на ходу. В этом историческом контексте «большой Нюрнберг» — даже если отсечь прагматические цели и психологические мотивы, свойственные подсудимым и их адвокатам, — с самого начала воспринимался напряженно и неоднозначно. О международном уголовном правосудии Л. Дуглас пишет: «Мы рискуем забыть, насколько глубоко радикальной была эта идея до суда над главными нацистскими военными преступниками <...> Принцип суверенитета — неограниченной власти национального государства, разработанный в политической теории Гоббса и закрепленный в Вестфальском мирном договоре, — широко рассматривался до МВТ как барьер для международного судебного преследования» [8, р. 276]. И в то время, когда МВТ оценивал свой устав в качестве выражения и вместе с тем вклада в международное право²⁴, видный американский юрист Н. Эйприл²⁵ всецело в рамках вестфальской парадигмы утверждал: «МВТ не имеет легитимности, он рожден вне законного брака» [21, р. 318].

В другой плоскости лежала критика МВТ Г. Кельзеном — человеком, настолько далеким от симпатий к гитлеровскому режиму, насколько таким человеком может быть еврей, бежавший от него из Германии в незахваченную часть Европы, а потом и за океан. Доктрину правосудия победителей, которую не единожды бросали в атаку на МВТ, корифей философии права развернул в своеобразном ракурсе, усмотрев в суде, состоящем исключительно из представителей победивших государств, *privilegium odiosum*, т. е. преимущество, оборачивающееся осложнениями или ущербом для его обладателей [22, р. 171; воспроизводится по 23, р. 12].

Не имея намерения охватить все линии критики, оговорим, что и в наши дни векторы тематизации «Суда народов» и мнения ученых расходятся в разные стороны. Кто-то не замечает ни капли преувеличения в утверждении, что международное уголовное право было изобретением МВТ [8, р. 277]. Кто-то, присоединяясь к позиции МВТ, согласно которой он не придавал международному праву обратной силы, одновременно характеризует право «большого

Нюрнберга» как опережающее обобщение опыта развития человечества [24]. Кто-то обращается к нему в поисках истоков современной политики двойных стандартов, проводимой инструментами международной уголовной юстиции [23], и т. д.

Ввиду того, что «малый нюрнбергский комплекс» был реализован, как уже указывалось, на многостороннем правовом базисе, но действиями только одной страны, по отношению к нему большинство сказанного в критическом плане актуально с повышающим коэффициентом. Единственное, что долгое время предохраняло его от массивного придиричивого разбора, — это скромная роль периферийного объекта научного интереса. Мы же объединяем старания с теми, кто хочет сдвинуть НВТ ближе к центру, и такова *первая причина* предпринять перевод материалов НВТ и предложить его читателю.

Вторая причина выводится отчасти из процитированного выше суждения Геллера о большей, по сравнению с «большим Нюрнбергом», юридической важности малых процессов, а отчасти — из тезиса, в котором К. Примель и А. Стиллер добавляют к юридическому аспекту научный: «В то время как МВТ был нацелен на наказание уцелевших руководителей Третьего рейха и предание гласности преступлений нацистов, НВТ, или, скорее, их инициаторы, стремились не к чему иному, как к обвинению всего нацистского государства и рассмотрению его деятельности в официальном порядке (*in an authoritative way*). Структуры, а не индивидуумы, и представители институтов, а не легко устанавливаемые злодеи, должны были подвергнуться публичному преследованию и быть выставленными на практически всеобщее обозрение. По этой причине зал суда стал местом (пред)научного диспута вокруг природы германской диктатуры, ее властных структур и динамики и, что самое важное, вокруг крайне острого (*highly charged*) вопроса о том, кто ответствен за преступления режима» [25, р. 2].

Насколько правы авторы столь непривычно звучащих заявлений и правы ли вообще? Чтобы найти ответ, следует рационально взвесить все «за» и «против», а для этого сначала нужно изучить предмет. Это и есть *вторая причина*.

Обозначившееся сближение предпринятых НВТ разбирательств с научным анализом, будучи примечательным само по себе, перебрасывает мост к третьей причине, которая, в отличие от имеющихся большой радиус действия первых двух, является

²⁴ Приговор Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс : сборник материалов. В 8-ми т. Т. 8. М., 1999. С. 605.

²⁵ В метаданных его цитируемой ниже статьи он представлен как член Верховного Суда США, но в соответствующем списке на веб-сайте этого органа фамилия April не значится (*Justices 1789 to Present* // URL: https://www.supremecourt.gov/about/members_text.aspx (дата обращения: 04.01.2022)).

специфической, ибо она релевантна именно «Суду над судьями» или находится в максимально тесном к нему отношении.

Корень необычности этого дела не в том, что по обе стороны зала суда находились служители Фемиды: ни правосознание судьи, ни судейский иммунитет не являются абсолютом, и судья, представший перед судом по обвинению в общеуголовном преступлении, — комбинация исключительная и скандальная, но не парадоксальная. Корень необычности «Процесса против судей» в том, что одни юристы именем права обвиняли и судили других юристов за деяния, *совершенные именем закона*. За этой общей формулировкой находится клубок драматичных, а подчас и обнаженно антагонистических моментов и факторов: соотношение морали и права, права и закона, права международного и национально-го, власти системы и совести служащего ей исполнителя, писанных юридических норм и судейского усмотрения.

К только что изложенной *третьей причине* добавляется еще один немаловажный фактор: то, что мы исследуем, выступает точечным наложением англосаксонского правосудия и правосознания на инородный юридический менталитет и судопроизводственный механизм правовой системы иного типа. Эту проблемную ситуацию было бы небезынтересно проинтерпретировать, допустим, в терминах баденской программы философии и методологии науки²⁶. Можно ли здесь руководствоваться генерализирующим методом, и насколько пригодны в роли, так сказать, базиса индукции на все человечество те юридические конструкты, которые сгенерированы национально-специфической правовой культурой либо, по меньшей мере, пропущены сквозь ее призму? Если нет, то выездной суд американцев над немцами эпистемологически ничтожен и, следовательно, *de facto* вырождается в судилище, костюмированную расправу. Если да, то расследование конкретных деяний, совершенных конкретными лицами в конкретной системе общественных отношений, потребует, наряду с обобщающим, индивидуализирующего метода, а последний в свою очередь — отнесения к ценностям. Тогда встанет еще одна проблема: благодаря какой методике или рецептуре этот ключевой элемент гуманитарного подхода можно гармонизировать с другим элементом, который, всегда неся в себе опасность

для научного статуса наших *суждений*, является определяющим для *суда*, — с оценкой? Тем самым мы выходим на столь же нечасто дискутируемую, сколь серьезную и глубокую тему соотношения научно-гуманитарной и юридико-процессуальной рациональности²⁷. Было бы досадно упустить шанс прикоснуться к настолько фундаментальной проблематике не в форме абстрактных размышлений, а на материалах реального уголовного дела, чей архивный статус совершенно не перечеркивает значимости. Такова *четвертая причина*.

Ясно, что те из перечисленных моментов, которые несут методологическую нагрузку, все-таки имеют общий характер. Столь же ясно, что в «Суде над судьями» все они приобретают наиболее чистый вид и концентрированную форму, так как в данном деле судебное расследование неминуемо становится практическим коррелятом теоретической рефлексии правосознания — философией права, перешедшей из садов Академа²⁸ в зал судебных заседаний. А если учесть также то, что профессиональными юристами была основная масса участников — обвинители, члены трибунала, защитники, подсудимые — становится полностью понятно, почему судьи, не располагая процессуальными инструментами прямого оппонирования защите, тем не менее энергично дискутировали с ней в ментальном аспекте и концептуально «прокачали» итоговое решение до такой степени, что на протяжении многих страниц оно мало чем, по крайней мере по формальным признакам, отличается от научного текста: широкая постановка проблем, анализ и комментарии законодательства, цитирование научных источников, развернутая аргументация общих положений, наэлектризованная атмосфера диспута. Главным образом на такие страницы, а они есть не только в приговоре, мы ориентировались, отбирая текст для перевода, чем заодно поддерживается уместность его публикации в научном журнале. Это — не беря уже в расчет «штатного» академического любопытства — есть *причина пятая* и последняя.

Заключение

Не закрыть все связанные с НВТ вопросы, а пролить на них немного света — в этом состоит наша задача; сверхзадача же в том, чтобы пробудить в российском научно-юридическом сообществе интерес к малому нюрнбергскому циклу 1946–1949 гг.

²⁶ Баденское (фрайбургское) неокантианство — течение в немецкой философской мысли второй половины XIX – начала XX в., в котором интенсивно разрабатывалась проблема специфики гуманитарных наук.

²⁷ Эта тема намечена еще в наследии мэтра дореволюционной науки уголовного судопроизводства И. Я. Фойницкого [26, с. 6–8]. Хорошо известная юристам проблема «двух истин» (объективной и юридической) — ее грань, но далеко не вся она.

²⁸ Сады Академа — посвященная мифологическому персонажу по имени Академ местность под Афинами, где Платон открыл философскую школу («Академию»).

В 2021 г. ему исполнилось 75 лет, в 2022 г. столько же исполнилось «Суду над судьями», и уже десять или несколько более лет назад отмечен известный всплеск посвященных НВТ зарубежных исследований²⁹. Впрочем, круглые и полукруглые даты отступают перед более важными обстоятельствами. Во-первых, до всеобщей гармонии в сфере межнациональных отношений еще далеко, и опыт прошлого полезен для движения в будущее. Во-вторых, пусть язык международного права не столь велик и могуч, как кому-то, возможно, хотелось и думалось, на его языке и о его языке говорить все-таки надо. В противном случае во весь голос заговорит международное и прочее бесправие, а на их языке свобода научного поиска и рациональных дискуссий есть либо фарс, либо нонсенс.

* * *

Перевод извлечений сделан с чистого листа не только потому, что он выходит за рамки обвинительных документов и приговора, на которые замкнут перевод прежний, но и, если говорить в более общем плане, потому что то, что интересует нас, не входило в приоритеты коллектива, готовившего издание 1970 г. Как следствие, дублирование микроскопично.

Автор выражает искреннюю признательность кандидату филологических наук доценту кафедры иностранных языков Омской академии МВД России Ю. И. Алферовой, благодаря чьим же благожелательным, насколько и профессиональным консультациям и рекомендациям он, ощущая надежную поддержку, более уверенно справлялся с трудностями перевода с английского языка.

Список литературы

1. *Нюрнберг. Суд народов и мировой правопорядок* : сборник научных докладов и выступлений Международной научно-практической конференции Института государства и права РАН. М., 2020.
2. *Annas G. J. The Nuremberg Code in U. S. Courts: Ethics Versus Expediency. The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation.* New York, Oxford, 1992.
3. *Руденко Р. А.* Вступительная статья // *Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями.* М., 1970.
4. *Bonah Ch., Schmaltz F.* The Reception of the Nuremberg Code and its Impact on Medical Ethics in France: 1947–1954. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine* 2018; 130.
5. *Czech H.* Post-war Trials Against Perpetrators of Nazi Medical Crimes — the Austrian Case. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine* 2018; 130.
6. *Zalashik R.* The Shadow of the Holocaust and the Emergence of Bioethics in Israel. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine* 2018; 130.
7. *Harmon L.* The Doctors' Trial at Nuremberg. *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945. 60th Anniversary International Conference.* München, 2006.
8. *Douglas L.* From IMT to NMT. The Emergence of a Jurisprudence of Atrocity. *Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: Transitional Justice, Trial Narratives, and Historiography.* Ed. by K. C. Priemel & A. Stiller. New York and Oxford, 2012.
9. *Roland P.* The Nuremberg Trials. The Nazis and Their Crimes Against Humanity. London, 2012.
10. *Heller K. J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. New York, 2011.
11. *Marrus M. R.* Foreword. *Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: Transitional Justice, Trial Narratives, and Historiography.* Ed. by K. C. Priemel & A. Stiller. New York and Oxford, 2012.
12. *Ferencz B.* Nurnberg Trial Procedure and the Rights of the Accused. *Criminal Law & Criminology* 1948; 39 (2).
13. *Taylor T.* Nuremberg Trials: War Crimes and International Law. *International Conciliation* April 1949; 450.
14. *Синченко Г. Ч.* Нюрнбергский кодекс 1947 года в калейдоскопе интерпретаций и противоречий // *Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2021. № 2.
15. *Копылова Е. А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
16. *Орлова С. А.* Нюрнбергский и последующие судебные процессы как итог Второй мировой войны // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки.* 2018. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения.

²⁹ К ранее цитированным современным зарубежным исследованиям, в которых НВТ выводятся из тени главного процесса и осмысляются если не целостно, то более или менее подробно хотя бы в отдельных аспектах, можно добавить опубликованный в 2007 г. труд американского юриста Н. Иренфройнда «Нюрнбергское наследие. Как суды над нацистскими военными преступниками изменили ход истории» [27].

17. Синченко Г. Ч. Нюрнбергские военные трибуналы и Нюрнбергский кодекс 1947 г. как постклассические объекты. Часть I // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4.
18. Синченко Г. Ч. Нюрнбергские военные трибуналы и Нюрнбергский кодекс 1947 г. как постклассические объекты. Часть II // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1.
19. Marrus M. R. The Nuremberg Doctors' Trial in Historical Context. *Bulletin of the History of Medicine* Spring 1999; 73(1).
20. Adam Y. G. Justice in Nuremberg: the Doctors' Trial — 60 Years Later. A Reminder. *The Israel Medical Association Journal* 2007 Mar; 9(3).
21. April N. An Inquiry into the Juridical Basis for the Nuernberg War Crimes Trial. *Minnesota Law Rewiew* 1946; 30(5).
22. Kelsen H. Will the Judgement in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? *The International Law Quarterly* 1947; 1(2).
23. Kaleck W. Double Standards: International Criminal Law and the West. Brussels, 2015.
24. Баранова М. В. Право Нюрнберга как результат опережающего нормативного обобщения опыта развития человечества. Нижний Новгород, 2016.
25. Priemel K. C., Stiller A. Nuremberg's Narratives. Revising the Legacy of the "Subsequent Trials". *Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: Transitional Justice, Trial Narratives, and Historiography*. Ed. by K. C. Priemel & A. Stiller. New York and Oxford, 2012.
26. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. I. СПб., 1996.
27. Ehrenfreund N. The Nuremberg Legacy. How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History. New York, 2007.

Суд над судьями. США против Йозефа Альштеттера и других. Мнение и приговор Нюрнбергского военного трибунала III (извлечения)

The Justice Case (case 3). The United States of America against Josef Altstoetter, et al. Military Tribunal III Opinion and Judgment (excerpts)

ИСТОЧНИК ПОЛНОМОЧИЙ ЗАКОНА
КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА
№ 10 [1]

<...> Именно фактом полного распада правительства в Германии с последующей безоговорочной капитуляцией и оккупацией немецкой территории объясняются и оправдываются принятие и осуществление союзниками верховной государственной власти. Этот же факт определяет отличие нынешней оккупации Германии от оккупации такого типа, когда в ходе военных действий армия вторгается в пределы и захватывает территорию другого государства, чье правительство еще существует и пользуется международным признанием, и чьи войска вместе с войсками его союзников продолжают действовать. В последнем случае государство, проводящее оккупацию, подлежит ограничениям, налагаемым на него Гагской конвенцией и законами и обычаями войны. В первом же случае (оккупация Германии) союзные державы не подлежат этим ограничениям. Ввиду полного краха управления, промышленности, сельского хозяйства и снабжения на них лег масштабный гуманитарный долг — перестройка правительства и промышленности и содействие демократическим органам власти на местах.

В подтверждение указанного различия процитируем две научные статьи, недавно опубликованные в «Американском журнале международного права».

«С другой стороны, очевидно различие между мерами, принятыми союзниками до распада правительства Германии, и мерами, принятыми после этого. Только первые должны соответствовать статьям Гагской конвенции, которая неприменима к ситуации, сложившейся сейчас в Германии. Исчезновение германского государства как воюющего образования, что вне всяких сомнений имеется в виду в Берлинской декларации от 5 июня 1945 г., означает, что собственно состояние войны — и следовательно, ре-

жим враждебной оккупации (belligerent occupation) [2] — более не существует по смыслу международного права»¹.

«Благодаря покорению Германии исход войны был решен самым недвусмысленным образом, какой только возможен. Одна из прерогатив союзников, возникшая в результате этого, — право оккупировать немецкую территорию по своему усмотрению. Данная оккупация как юридически, так и фактически в корне отличается от враждебной оккупации, предусмотренной в Гагской конвенции, что явствует из следующих наблюдений.

Положения Гагской конвенции, ограничивающие права оккупанта, относятся к воюющей стороне, которая, пользуясь возможностями, предоставленными переменчивой военной фортуной, фактически осуществляет военную власть над вражеской территорией и тем самым препятствует законному суверену — который остается законным сувереном — осуществлять свое полномочие. В Конвенции делаются важные юридические выводы из того факта, что переменчивая военная фортуна может в любой момент повернуться лицом к законному суверену, который отвоюет территорию и положит оккупации конец. „Оккупация распространяется лишь на те области, где эта власть (т. е. военная власть неприятельского государства) установлена и в состоянии проявлять свою деятельность“ (ст. 42, абзац 2). Другими словами, Гагская конвенция рассматривает оккупацию как этап еще не оконченной войны. По 7 мая 1945 г. союзники были воюющими оккупантами в занятых [ими] на тот момент частях Германии, и их права и обязанности были ограничены соответствующими положениями Гагской конвенции. В результате покорения Германии юридический характер оккупации немецкой территории кардинально изменился»².

Мнение, высказанное двумя процитированными авторитетными специалистами, судя по всему, подтверждается решением Международного военного

¹ Freeman A. War Crimes by Enemy Nationals Administering Justice in Occupied Territory. *The American Journal of International Law*, XLI, July 1947, p. 605.

² Fried J. Transfer of Civilian Manpower from Occupied Territory // *The American Journal of International Law*, XL, April 1946, p. 326–327.

трибунала по делу против Геринга и других. В этом деле подсудимые настаивали, что Германия не была связана правилами ведения сухопутной войны на оккупированной территории, потому что полностью покорила [владевшие ею] страны и включила их [земли] в состав Германского государства. Трибунал ссылается на «доктрину покорения, зависящего от военного завоевания,» и считает, что нет необходимости решать, имеет ли эта доктрина какое-либо применение к ситуации, когда покорение достигается в результате преступной военной агрессии. Приведенное основание существенно. Трибуналом сказано:

«Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г.» [3].

Из вышеизложенного следует, что правила ведения сухопутной войны применяются к поведению воюющей стороны на оккупированной территории до тех пор, пока есть действующие вооруженные силы, которые пытаются вернуть страну ее настоящему обладателю, но эти правила не применяются, когда война прекращается, действующая армия более не существует, и, как в случае с Германией, покорение имеет место вследствие вооруженного завоевания.

Высказанные нами взгляды поддерживаются признанными современными учеными в области международного права. Хотя между ними есть некоторые расхождения в теоретических воззрениях на текущий правовой статус Германии и по вопросу о ее остаточном суверенитете, представляется, что они единодушны в признании того, что власть и полномочия союзных правительств в сложившихся в Германии условиях не ограничиваются положениями Гаагской конвенции о сухопутной войне. Для справки см.:

«Правовой статус Германии в соответствии с Берлинской декларацией» Ганса Кельзена, профессора международного права Калифорнийского университета, «Американский журнал международного права», 1945 г.

«Текущий статус Германии» Ф. Манна, доктора права (Берлин) (Лондон), доклад, прочитанный 5 марта 1947 г. перед обществом Гуго Гроция (Grotius) в Лондоне, опубликован в «Sueddeutsche Juristen-Zeitung» («Юридический журнал Южной Германии»), том 2, № 9, сентябрь 1947 г.

«Влияние правового положения Германии на суд над военными преступниками» доктора Германа Мослера, доцента Боннского университета, опубликовано в «Sueddeutsche Juristen-Zeitung», том 2, № 7, июль 1947 г.

Статья, опубликованная в «Neue Justiz» («Новое правосудие») доктором Альфонсом Штайнингером, Берлин, том I, № 7, июль 1947 г. [4].

В статье Г. Цинна, министра юстиции Гессена [5], озаглавленной «Германия как проблема госу-

дарственного законодательства (law of states)», автор указывает, что если предположить, что нынешняя оккупация Германии представляет собой «враждебную оккупацию» в традиционном смысле, то все правовые и конституционные изменения, внесенные с 7 мая 1945 г., утратят силу, как только союзные войска будут выведены, и все нацистские законы снова и в автоматическом порядке станут действовать, чего следует всячески избегать.

Оба процитированных выше ученых прямо утверждают, что ситуация, сложившаяся во время безоговорочной капитуляции, привела к переходу суверенитета к союзникам. В этом их поддерживает веское мнение лорда Райта, выдающегося юриста британской Палаты лордов и главы Комиссии ООН по военным преступлениям. Однако для наших целей нет необходимости определять нынешнее положение «остаточного суверенитета». Достаточно заявить, что в силу ситуации, сложившейся на момент безоговорочной капитуляции, союзные державы временно осуществляли верховную власть, действительную и действующую вплоть до того времени, когда согласно договору или иным образом Германии будет позволено осуществлять всю полноту суверенитета. Мы считаем, что юридическое право четырех держав принять Закон № 10 Контрольного совета установлено и что полномочия этого Трибунала в отношении судебного преследования лиц, обвиняемых в качестве главных военных преступников европейских стран оси, должны быть признаны <...>

Закон № 10 имеет два аспекта. В первом аспекте и на первый взгляд он нацелен на то, чтобы быть законом, определяющим преступления и предусматривающим наказание лиц, нарушающих его нормы. Это продукт законотворчества единственного органа, обладающего законодательными полномочиями и осуществляющего их на всей территории рейха <...>

Поскольку Устав МВТ и Закон № 10 выступают результатом законодательных действий международного органа, постольку из этого неизбежно следует, что не существует национальной конституции какого-либо одного государства, на которую можно было бы ссылаться для признания недействительности основных положений такого международного законодательства. Едва ли можно утверждать, что суд, обязанный своим существованием и полномочиями исключительно положениям данного закона, мог сначала приступить к осуществлению этих полномочий, а затем, в процессе их осуществления, объявить недействительным тот акт, благодаря которому он существует <...>

Теперь рассмотрим другой аспект. Вне всякой связи с тем, что он является актом материального права, Закон № 10, вместе с постановлением № 7 [6], предоставляет процессуальные средства, которых

ранее в Германии не имелось, для применения в ней определенных норм международного права, существующих во всем цивилизованном мире, вне зависимости от какого-либо нового материального законодательства.

Международное право не является продуктом закона. Его содержание не статично. Отсутствие в мире какого-либо государственного органа, уполномоченного принимать материальные нормы международного права, не воспрепятствовало его прогрессивному развитию. По образцу английского общего права оно выросло, чтобы соответствовать требованиям меняющихся условий [7].

Следует учитывать, что обстоятельством, придающим принципам международного поведения достоинство и авторитет права, является их общее признание таковыми со стороны цивилизованных народов — признание, проявляющееся в международных договорах, конвенциях, авторитетных учебниках, практике и судебных решениях³. Однако из приведенных выше утверждений не следует, что общее принятие нормы международного поведения должно выражаться в ее прямом принятии всеми цивилизованными государствами.

«Основой закона, то есть тем, что придает некоторым общим принципам качество или характер закона, служило согласие нескольких независимых государств, которые, таким образом, должны были ими руководствоваться»⁴.

«Необходимое согласие со стороны отдельных государств не находило отражения в формальной или конкретизированной поддержке всякого ограничения, которое бы, как представляется в свете обстоятельств того или иного дела, диктовалось или подразумевалось признанными требованиями международного правосудия. Скорее, согласие есть уступка принципу и, далее, тем логическим его последствиям, которые получили одобрение и глубоко укоренились в практике»⁵.

«Однако следует отметить, что о согласии с предложением [новой нормы] можно судить на основании отказа заинтересованных государств от выдвижения соответствующих возражений против его практического применения. Таким образом, изменения законодательства могут накапливаться постепенно и незаметно, подобно тем, что неспешно (by process of accretion) меняют течение реки и прежнее ее русло. Без специальных договоренностей, путем

общего и резкого отступления от правил, некогда принятых в качестве закона, сообщество государств может фактически изменить то, что управляет его членами»⁶.

«Государства могут через посредство международной организации, такой, как Лига Наций, которая сама выступает продуктом соглашения, находить целесообразными разработку и принятие новых ограничений, которые в конечном итоге завоевывают самое широкое одобрение и признание как часть права народов. Таким образом, действия организации могут служить источником международного права, по крайней мере, в том случае, когда ее члены по общему согласию наделили ее властью создавать и вводить в действие новые правила, которыми устанавливаются ограничения»⁷.

«Но международное право прогрессивно. Период роста обычно совпадает с периодом мировых потрясений. Давление необходимости стимулирует влияние естественного права и моральных идей и превращает их в нормы права, сознательно и открыто признаваемые общим мнением цивилизованного человечества. Опыт двух великих Мировых войн в течение четверти века не может не оказать глубоких последствий на чувства народов и их требования такого международного права, которое бы соответствовало международной справедливости.

Я убежден, что международное право прогрессирует, как оно и должно прогрессировать, если хочет быть живой и действенной силой в наши дни расширяющегося ощущения человечности»⁸.

По причинам, изложенным лордом Райтом, указанный прирост (growth by accretion) значительно ускорился после Первой Мировой войны⁹. Устав МВТ, приговор МВТ и Закон № 10 — это просто «новые великие главы в книге международного права» <...>

Вступительное заявление от имени всех обвиняемых (извлечения) [8]

<...> Разница между англо-американской правовой системой и германским правом, по которому, за их деяния, судят немецких обвиняемых, заключается не только в решении индивидуальных юридических вопросов и проблем, но носит фундаментальный и систематический характер. Англо-американское право представляется нам существенно (vitally) прогрессивным благодаря влиянию решений высших судов на установление прецедентов. Напротив, гер-

³ Hackworth G. Digest of International Law. Washington, Government Printing Office, 1940, vol. 1, pp. 1–4.

⁴ Hyde Ch. International Law. 2d rev. ed., Boston, Little, Brown & Co., 1945, vol. 1, p. 4.

⁵ Ibid., p. 5.

⁶ Ibid., p. 9.

⁷ Ibid., p. 11.

⁸ Lord Wright. War Crimes under International Law. *The Law Quarterly Review*. LXII. January 1946, p. 61.

⁹ Hyde Ch. Op. cit., p. 2.

манское право является кодифицированным, намного менее подходящим для развития посредством отправления правосудия, но оно как таковое требует соблюдения норм закона.

Писанный закон негибок. Новые правовые идеи не могут преуспеть в отправлении правосудия, как это происходит при постепенном развитии «общего права». Германский, как и континентальный, принцип кодифицированного законодательства допускает включение новых юридических концептов только посредством скачкообразных изменений [sprunghafte Veraenderungen] писаного закона. Так, дополнительные законы к Уголовному уложению, действующему в Германии с 1877 г. [9], демонстрируют резкие сдвиги через более или менее длительные промежутки времени. По этой причине юридический позитивизм с конца XIX в. играет в Германии гораздо более важную роль, чем в правовых системах за пределами континента. Только писаное право (законодательство), а не общие идеи о морали и правах, выступает руководством для применения права и отправления правосудия. В Германии данный принцип абсолютной кодификации, с точки зрения его целесообразности, некоторое время был предметом законодательных дискуссий. Наконец, в 1935 г. он достиг высшей точки в изменении, внесенном в ст. 2 Уголовного уложения [10]. Тем самым был найден синтез кодифицированного права с развитием права, как оно толкуется судьей, и историческое осмысление этого события покажет ошибочность вывода обвинения о том, что, будучи осуществлен во времена национал-социалистического государства, этот синтез непременно должен являться продуктом национал-социалистического мышления и [стремления к] соответствующей политической цели. Мы докажем, что фундамент этой нормы был заложен планами реформы, разработанными задолго до 1933 г., и что необходимость предоставления судье средств, позволяющих до некоторой степени компенсировать недостатки полностью кодифицированного закона применением уголовно-правовых мер по аналогии, осознавалась намного ранее. Было признано, что многообразие жизни, постоянное изменение ее форм в связи с социальными, политическими и экономическими факторами не может регулироваться одним только кодифицированным правом — тем более, что кодифицированное право всегда на шаг позади ситуации, которая нуждается в нормализации на правовой основе. Такие ситуации нельзя было урегулировать и разрешить, как это возможно в «общем праве», посредством широких (general) правовых идей; они лишь давали повод для установления новых правовых стандартов. Уже один этот пример показывает необходимость разобраться с существующей германской системой права и с планами ее реформирова-

ния, вынашиваемыми в Германии в течение десятилетий [11] <...>

Мы сможем показать фундаментальные различия между немецким и англо-американским уголовным процессом. Мы познакомимся с предварительными этапами судопроизводства, равно как и с рассмотрением дела непосредственно судом <...>

На этапе рассмотрения дела судом применяется только принцип устности. При вынесении приговора судом принимается во внимание исключительно то, что представлено в ходе судебных заседаний самим обвиняемым, свидетелями, экспертами и [соответствующими] документами, но не протоколом допроса, проведенного полицией или прокурором. Председательствующий судья руководит процессом. Он допрашивает подсудимого, который может делать относящиеся к рассматриваемому делу заявления, но не допускается к даче показаний в качестве свидетеля, как это происходит в американском судопроизводстве, и не может быть приведен к присяге. Если государственный обвинитель или защитник желает задать вопросы подсудимому, он может сделать это только через председательствующего судью. После допроса подсудимого следует заслушивание свидетелей и экспертов. Это также проводится судьей. Прокурор и защитник имеют право задавать относящиеся к делу (pertinent) вопросы свидетелям и экспертам с разрешения судьи, которое дается в соответствии с нормами уголовно-процессуального кодекса.

Необходимо подробно описать роль, которую играет защитник. По сравнению с его функцией в англо-американской процедуре, здесь он не столь важен. Если в англо-американском процессе обвинение и защита — это две, так сказать, партии, выносящие свое дело на решение суда, то в немецком процессе исследование обстоятельств судебного дела, правила, касающиеся объема собираемых доказательств, вручение повесток свидетелям обвинения и защиты находятся, без подачи обвинением или защитой каких-либо ходатайств, в руках суда. Как следствие, обвинитель и защитник в действительности только содействуют суду в расследовании обстоятельств дела, что является обязанностью самого суда. Исходя из той роли, которую исполняет защитник, в немецком уголовном судопроизводстве обвиняемый представлен защитником лишь в сравнительно небольшом проценте случаев, а во всех остальных случаях обвиняемый просто не нанимает адвоката для защиты.

Вопрос об оспаривании приговора, вынесенного судом первой инстанции, требует тщательного разъяснения. В связи с этим мы покажем смысл и предназначение признания приговора недействительным и чрезвычайного возражения. Мы докажем, что их породило и придало им импульс отнюдь

не национал-социалистическое мышление в категориях насилия, а скорее соображения, относящиеся к технике судопроизводства <...>

Особое мнение судьи Блэра (извлечения)

Я согласен с постановленным здесь приговором <...> Однако возникли разногласия в отношении некоторых выводов и заключений, сделанных в приговоре под заголовком «Источник полномочий Закона Контрольного Совета № 10». Под этим заголовком приводится пространное и содержательное рассуждение о сфере действия и значении термина «безоговорочная капитуляция» Германии перед союзными державами. Исходя из значения, придаваемого термину «безоговорочная капитуляция» вооруженных сил режима Гитлера, и краха его тоталитарной власти в Германии, высказывается мнение о возникновении различия между мерами, принятыми союзными державами до распада германского правительства, и мерами последующими; и о том, что лишь первые подпадают под нормы Гаагской конвенции, поскольку они относятся только к враждебной оккупации. В поддержку этой точки зрения приводятся отражающие точку зрения отдельных авторов цитаты из статей, опубликованных в «Американском журнале международного права». Затем в приговоре принимается точка зрения, которая, будучи выражена в цитированных текстах, безусловно, противоречит воззрениям столь же ученых авторов, чьи статьи также цитируются.

Вышеизложенное решение ставится в зависимость от определения нынешнего характера или статуса оккупации Германии союзниками, т. е. [ответа на вопрос], является она враждебной оккупацией или нет. Эта интересная, но академическая дискуссия не имеет никакого отношения или связи с поставленным в приговоре вопросом об «источнике полномочий Закона № 10». Этому Трибуналу не были предоставлены какие-либо полномочия или юрисдикция для решения вопроса о том, имеет ли оккупация Германии статус враждебной оккупации. Вопрос о характере, присущем оккупации в настоящее время, находится в исключительном ведении военных оккупантов и руководителей государств, представленных в Союзном Контрольном Совете. Данное этим Трибуналом определение, согласно которому в настоящее время оккупация Германии союзниками не является враждебной оккупацией, может повлечь за собой серьезные осложнения при решении вопросов, относящихся исключительно к компетенции военных и исполнительных органов власти союзных держав <...>

В приговоре говорится, что Закон № 10 имеет двойственный аспект. Приговор гласит:

«В первом аспекте и на первый взгляд он нацелен на то, чтобы быть законом, определяющим престу-

пления и предусматривающим наказание лиц, нарушающих его нормы. Это продукт законотворчества единственного органа, обладающего законодательными полномочиями и осуществляющего их на всей территории рейха».

Очевидно, что этот аспект или теория рассуждений [12] основывается на предыдущих заявлениях о том, что поскольку на момент безоговорочной капитуляции нацистское правительство полностью разрушилось и союзные державы взяли на себя полный контроль над правительственными функциями Германии, ее суверенитет тем самым перешел к союзникам <...> При таком рассуждении Закон № 10 стал просто законом в Германии и для Германии, поскольку Германия, осуществляя свой государственный суверенитет, не могла принять этот закон в качестве акта международного права. Контрольный Совет также не может творить международное право в рамках перешедшего [к союзникам] германского суверенитета <...> Из вышеизложенного неизбежно следует, что, осуществляя суверенную власть в Германии, Контрольный Совет <...> наделил настоящий Трибунал правом наказывать преступников, нарушивших этот закон, в порядке немецкого полицейского суда. Данный вывод основан на цитируемых в приговоре статьях Фримана и Фрида. Ту же концепцию Фрид высказал позднее <...>

«Этот трибунал имеет двойное качество: он является международным судом и ввиду особого положения Германии в настоящее время является также немецким судом».

Второй аспект Закона № 10 представлен в приговоре следующим образом:

«<...> Закон № 10 вместе с Постановлением № 7 предоставляет процессуальные средства, которых ранее в Германии не имелось, для применения в ней определенных норм международного права, существующих во всем цивилизованном мире, вне зависимости от какого-либо нового материального законодательства».

Не может быть серьезного несогласия с данным аспектом или теорией Закона № 10 [как таковым], но это противоречит его первому аспекту или теории. Два аспекта диаметрально противоположны в том, что касается «источника полномочий Закона № 10». Они настолько расходятся друг с другом в отношении утверждений, в соответствии с которыми Закон № 10 является одновременно национальным и международным, что либо один аспект, либо другой не может иметь место. Законодательный орган национального государства не в состоянии посредством законодательного акта сделать международное право обязательным для других государств. Это вправе сделать только международная законотворческая инстанция, но такой инстанции никогда не существовало.

С учетом предпосылок, которыми подтверждается мнение о том, что Закон № 10 имеет два аспекта, приговор, очевидно, содержит другие взаимоисключающие заявления в отношении «источника полномочий Закона № 10», а также в отношении основания полномочий законодательного органа по принятию закона. В одном месте приговора говорится:

«Международное право не является продуктом закона. Его содержание не статично. Отсутствие в мире какого-либо государственного органа, уполномоченного принимать материальные нормы международного права, не воспрепятствовало его прогрессивному развитию. По образцу английского общего права оно выросло, чтобы соответствовать требованиям меняющихся условий».

В другом месте приговора гласит:

«Поскольку Устав МВТ и Закон № 10 выступают результатом законодательных действий международного органа, постольку из этого неизбежно следует, что не существует национальной конституции какого-либо одного государства, на которую можно было бы сослаться для признания недействительными основных положений такого международного законодательства».

Еще в одном месте приговора утверждается:

«В своем качестве (aspect) закона, определяющего преступление и предусматривающего наказание, он имеет четко установленную ограниченную цель. Он является актом верховной законодательной власти в Германии и для Германии. Он не ставит целью предусмотреть на законодательном уровне какие-либо новые преступления международного характера».

В другом месте приговора объявляется:

«Только учитывая чрезвычайную и временную ситуацию в Германии, данная [предпринимаемая в отношении нее законодательная] процедура может быть согласована с установленными принципами государственного суверенитета. В Германии международный орган (Контрольный Совет) возложил на себя и осуществил полномочия по созданию судебного механизма наказания тех, кто преступил нормы общего международного права, — полномочия, которые ни один международный орган не мог, без [полученного на то] согласия, принять или осуществить в государстве, в котором имеется национальное правительство, исполняющее в настоящее время свои суверенные полномочия».

Таким образом, в первой цитате из приговора констатируется, что никогда не существовало международного законодательного органа и что, следовательно, международное право не является продуктом законодательства, в то время как во второй цитате говорится, что Закон № 10 — это «продукт законодательной деятельности международного органа». Третья цитата гласит, что Закон № 10 «является актом

верховой законодательной власти в Германии и для Германии». В четвертой цитате ставится под сомнение законность рассматриваемой процедуры, если она не обусловлена тем, что международный орган в Германии (союзный Контрольный Совет) возлагает на себя и осуществляет полномочия по созданию судебного механизма наказания за преступления против международного права. Источник полномочий по созданию судов и механизма наказания немецких военных преступников никоим образом не зависит от осуществления в Германии той или иной суверенной власти <...>

С этими противоречивыми выводами относительно источника полномочий закона я вынужден с уважением не согласиться <...>

Я считаю, что юрисдикция настоящего Трибунала ограничена областью или сферой международного права, которая относится к наказанию военных преступников в полном смысле этого слова <...> Юрисдикция и полномочия настоящего и подобных ему трибуналов судить и наказывать военных преступников находят полную поддержку в установленном международном праве, которое относится к ведению войны. Согласно этому праву во время военных действий и до их официального прекращения воюющие стороны обладают одновременной юрисдикцией в отношении военных преступлений, совершенных пленными (captured enemy persons) на их территории или против их сограждан во время войны. Соответственно, было общепризнано, что воюющие стороны во время войны могут законно судить и наказывать участников военных действий на стороне противника (enemy persons), обвиняемых в нарушении правил ведения войны, если обвиняемые являются военнопленными и если инкриминируемые деяния квалифицируются в соответствии с общепринятыми законами и обычаями ведения войны как уголовные преступления. В таких случаях обвиняемые обычно предстают перед судом, комиссией или трибуналом, создаваемыми победителем и руководствующимися его законами и процедурными правилами. После заключения перемирия или соглашения о мире вопросы ответственности за военные преступления решаются исходя из его условий.

Рассмотренные правовые положения (the foregoing law) были применены в приговоре Международного военного трибунала после ссылки на Устав, которым он образован:

«Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он выступает выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле является сам вкладом в международное право [13].

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса; сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые, — это справедливого суда на основании фактов и закона».

Еще до вынесения названного приговора МВТ лорд Верховный судья Райт следующим образом истолковал Лондонское соглашение в статье, опубликованной в томе 62 «Ежеквартального юридического обозрения (Law Quarterly Review)» за январь 1946 г., с. 41 [14]:

«То, чем я здесь занимаюсь, это всего лишь ограниченная область международного права, которая связана с судом и наказанием военных преступников в полном смысле этого слова, как это было принято в Соглашении от 8 августа 1945 г., заключенном в Лондоне между правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Французской Республики и Союза Советских Социалистических Республик, которое учредило трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси <...>».

<...> Можно еще раз отметить, что международное право — это неписанный закон. Никогда не существовало международного законодательного органа. Право народов основано на различных международных правилах и обычаях, которые постепенно полу-

чают всеобщее признание и таким путем становятся международным правом. Аналогичным образом право войны опирается на договоры и на присущие цивилизованным народам обычаи и способы ведения войны, которые постепенно получают всеобщее признание и также закрепляются в виде общих принципов правосудия, применяемых юристами и военными судами, трибуналами или комиссиями <...>

После безоговорочной капитуляции у союзных держав в заключении оказались многие руководители германского государства и высшие военные чины, а также множество активных участников бесчисленных зверств в отношении пленных, других лиц, указанных в обвинительном заключении [МВТ], и гражданского населения захваченных стран; и полномочия призвать таких военных преступников к суду должно быть признано. Эти полномочия могли бы осуществляться исключительно как военные, но такой способ не отвечал бы (would not accord) англо-саксонской или американской идеологии. Было запланировано проведение упорядоченных судов, причем справедливых судов, в соответствии с американской доктриной надлежащей правовой процедуры, в интересах обвиняемых предусматривающей уведомление о выдвинутом обвинении, возможность самостоятельного выбора адвоката, право на обеспечение участия свидетелей защиты, доказательства, не оставляющие разумных оснований для сомнения, и приговор опытных юристов, связанных торжественной клятвой вершить беспристрастный и справедливый (even and exact) суд. Несомненно, что это есть предоставление обвиняемым прав, в которых они отказали своим беспомощным жертвам <...>

Перевод Г. Ч. Синченко

Примечания

1. Как отмечалось во вступительной статье, Контрольный Совет в Германии — образованный союзниками орган верховной власти на территории оккупированной Германии. Формально ликвидирован в 1990 г. В Законе Контрольного Совета от 20 декабря 1945 г. № 10 закреплялись понятия военного преступления, преступления против мира, преступления против человечности, принадлежности к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом (МВТ), устанавливались виды наказаний, регулировались права оккупационных властей в отношении подозреваемых лиц, предусматривалась возможность их судебного преследования в пределах оккупационных зон (прим. перевод.).

2. Термин «belligerent occupation» означает оккупацию против воли государства, обладающего суверенитетом над захватываемой территорией. Мы перевели его как «враждебная оккупация», но можно рассмотреть и другие варианты — «вражеская», «неприятельская»...

3. Перевод воспроизведен по кн.: *Нюрнбергский процесс* : сборник материалов : в 8 т. Т. 8. М., 1999. С. 636.

4. Метаданные перечисляемых публикаций переведены с приближением к их описанию в тексте приговора, а не по современным библиографическим стандартам. Список на языке оригинала см. ниже:

“The Legal Status of Germany According to the Declaration of Berlin“, by Hans Kelsen, Professor of International Law, University of California, American Journal of International Law, 1945.

“Germany’s Present Status“, by F. A. Mann, Doctor of Law (Berlin) (London), paper read on 5 March 1947 before the Grotius Society in London, published in Sueddeutsche Juristen-Zeitung (Lawyers’ Journal of Southern Germany), volume 2, No. 9, September 1947.

“The Influence of the Legal Position of Germany upon the War Crimes Trial“, Dr. Hermann Mosler, Assistant Professor of the University of Bonn, published in Sueddeutsche Juristen-Zeitung, volume 2, No. 7, July 1947.

Article published in Neue Justiz (New Justice), by Dr. Alfons Steininger, Berlin, volume I, No. 7, July 1947, pages 146–150.

5. Гессен — федеральная земля в центральной части Германии. Административный статус Гессена был установлен еще в период оккупации в сентябре 1945 г.

6. Как указывалось во вступительной статье, постановлением № 7 «Организация и полномочия определенных военных трибуналов» губернатора американской оккупационной зоны в октябре 1946 г. были учреждены военные трибуналы, которыми, по образцу МВТ, расследовались дела в отношении лиц, обвиняемых в военных преступлениях (*прим. перевод*).

7. Ср. со следующим местом из приговора МВТ: «Международное право не является продуктом международного законодательства <...> В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права» (*Приговор Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. Т. 8. С. 607*).

8. С заявлением выступил адвокат Эгон Кубушок (1902–1981) — неординарная фигура на юридической сцене своего времени. Во время Второй мировой войны он защищал в германском суде борцов чешского сопротивления, после чего его исключили из Национал-социалистического союза адвокатов. На МВТ Кубушок защищал уже имперское правительство (наряду с физическими лицами к суду был привлечен ряд структур, обвиненных в качестве преступных организаций) и политического деятеля и дипломата Ф. фон Папена. Имперское правительство, входившее в состав семи обвиненных организаций, стало одной из двух, которых МВТ не признал преступными, а из двадцати двух подсудимых – физических лиц (считая обвиненного заочно М. Бормана и не считая покончившего жизнь самоубийством после предъявления обвинительного заключения Р. Лея и освобожденного от привлечения к уголовной ответственности по состоянию здоровья Г. Круппа) оправдательный приговор в отношении себя услышали только трое. Поэтому не вызывают удивления похвалы профессиональному мастерству Кубушока со страниц мемуаров фон Папена, которому повезло попасть в эту малочисленную группу. В НВТ Кубушок участвовал дважды и по непосредственно интересующему нас делу представлял интересы высокопоставленного сотрудника имперского министерства юстиции В. фон Аммона (осужден на 10 лет тюремного заключения). В послевоенные годы вел активную общественную жизнь, участвовал в правозащитном движении, был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (*прим. перевод*).

9. Вероятно, оговорка либо опечатка. Уголовное уложение рейха было опубликовано в 1871 г. и вступило в силу со следующего года (см., напр.: *Хелльманн У., Сатолин В. Н. История немецкого Уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 120*). В 1877 г. был принят другой опорный в данной сфере закон — уголовно-процессуальный.

10. Законом от 28 июня 1935 г. «О внесении изменений в Уголовное уложение» был отменен установленный в ст. 2 запрет доказательства по аналогии и она (аналогия как права, так и закона) признана допустимой: «Наказывается тот, кто совершил деяние, за которое в законе предусмотрена уголовная ответственность, или в соответствии с основной идеей уголовного закона и согласно здоровому восприятию народа заслуживает наказание. Если в отношении данного деяния не применим конкретный уголовный закон, то деяние подлежит наказанию по закону, который лучше всего по своей основной идее подходит» (цит. по ст.: *Хелльманн У., Сатолин В. Н. Указ. соч. С. 123*).

11. Политические факторы изменений уголовного законодательства 1933–1935 гг., такие как реакция на поджог Рейхстага и неудачный для Гитлера исход Лейпцигского процесса, отнюдь не укрепляли позиции защиты и, судя по всему, ею не афишировались.

12. Предположительно, используя здесь и далее словосочетание «теория рассуждений», судья М. Блэр в косвенной форме проводил мысль, что упоминаемый «двойственный аспект» не объективная данность, а не более чем интерпретация.

13. Перевод воспроизведен по кн.: *Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. Т. 8. М., 1999. С. 605*.

14. Мы продолжаем воспроизводить библиографические описания, ориентируясь на оригинал, а не современные издательские стандарты.

УДК 008.2:316.6:101.1

DOI: 10.24412/1999-625X-2023-188-82-86

5.7.6. Философия науки и техники

Future orientation как одно из направлений современных исследований будущего

Елена Владимировна Рочняк

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории¹,

✉ lero1981@yandex.ru

¹ Горловский институт иностранных языков (Горловка, Россия)

В статье анализируется ориентация на будущее (future orientation) как одно из направлений относительно новой, но стремительно набирающей популярность области комплексных междисциплинарных фьючерсных исследований — исследований будущего (futures studies). Рассматриваются нейропсихологические основы ориентации на будущее, в том числе их общность с механизмами памяти, показываются особенности употребления понятия «ориентация на будущее» в англоязычных (прежде всего, психологических и социологических) и русскоязычных научных исследованиях. В работе акцентируется, что феномен ориентации на будущее не имеет на сегодняшний день философского осмысления, хотя потребность в этом имеется.

Ключевые слова: future orientation, ориентация на будущее, futures studies, исследования будущего, фьючерсные исследования, футурология

Для цитирования: Рочняк Е. В. Future orientation как одно из направлений современных исследований будущего // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 82–86.

Future Orientation as One of the Areas of Modern Researches of the Future

Elena V. Rochnyak

Candidate of Science in Philosophy, Associate-Professor at the chair of Philosophy and History¹, ✉ lero1981@yandex.ru

¹ Gorlovka Institute of Foreign Languages (Gorlovka, Russia)

The paper examines future orientation as one of the areas of a relatively new field in the complex interdisciplinary futures studies, which is increasingly gaining the popularity. Under consideration is neuropsychological basis for future orientations, including its similarity to mechanisms of memory, peculiarities of applying the term “future orientation” in English (primarily, psychological and sociological ones) and Russian scientific studies revealed. It is emphasized that the phenomenon of future orientation does not have philosophical comprehension, though such a necessity exists.

Keywords: future orientation, researches of future, futures studies, futurology

Citation: Rochnyak E. V. Future Orientation as One of the Areas of Modern Researches of the Future. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 1(88). Pp. 82–86 (In Russ.).

Введение

Человеческое поведение определяется не только прошлым — опытом, не только нынешним — ситуативными стимулами, подробно анализируемыми бихевиоризмом, но и будущим — тем, что на первый придиричивый взгляд не существует, но на самом деле может быть важнее для человека, чем все реалии его настоящего. Человек способен пренебрегать имеющимся во имя воображаемого. Способен отвергать настоящее и возражать, приносить в жертву, чтобы воплотить то, о чем он мечтает. Человеческое поведение — проявление не только причинно-следственных связей на базе прошлого, но и ответ на зов из будущего.

Исследования будущего (futures studies — где множественное число подчеркивает многовариан-

ность подходов) — это относительно новая область комплексных междисциплинарных исследований, концептуализировавшаяся в последние десятилетия XX в. и включающая систематические и целенаправленные размышления об альтернативных вариантах будущего. На сегодняшний день исследования будущего (futures studies) и стратегическое предвидение (strategic foresight), по данным британско-пакистанского футуролога и мусульманского общественного деятеля З. Сардара [1], являются наиболее часто используемыми академическими терминами в англоязычном мире для обозначения изучения будущего. При этом термин «исследования будущего» выступает альтернативой термину «футурология». В отличие от футурологии, целью которой является

предсказание будущих событий, исследования будущего акцентируют внимание на настоящем как основе будущих изменений.

Основными направлениями, входящими в исследование будущего (futures studies), являются:

- исследование осознания будущего (Futures consciousness);
- исследование ориентации на будущее (Future orientation);
- исследование отношений к отдаленной временной перспективе (Prospective attitude);
- исследование осознания связи настоящего и ближайшего будущего (Prospection);
- исследование способности к формированию образа объекта в целях воздействия на него (Projectivity);
- исследование фьючерсной грамотности (Futures literacy);
- исследование способности к предвосхищению (Anticipation);
- исследование готовности к принятию различных вариантов будущего (Disposition).

Целью данной статьи является не обзор указанных выше направлений, а более подробное рассмотрение одного из них, а именно — ориентации на будущее (future orientation).

Нейропсихологические основы ориентации на будущее

У немецкого психолога и социолога Г. Троммдорф встречаем определение, согласно которому ориентация на будущее — это многомерная когнитивно-мотивационная система, включающая субъективную длительность временной перспективы, оценку и сопоставление возможностей, мотивационные и аффективные аспекты [2, р. 381]. Подобного мнения придерживается и американский антрополог Т. В. Дикон [3, р. 113], считающий ориентацию на будущее одним из самых продвинутых и уникальных когнитивных достижений нашего филогенеза.

Ориентация на будущее выражается в склонности людей к планированию, размышлениям о будущем, обсуждению различных вариантов развития событий [4, р. 7]. В психологии изучение ориентации на будущее позволяет выяснить глубинные причины оптимизма или пессимизма по отношению к будущим событиям, помогает выделить причины заинтересованности или безразличия по отношению к будущему как на уровне отдельной личности, так и целых культур.

Согласно исследованиям в сфере психологии, ориентация на будущее как совокупность мыслей, планов, мотивов, надежд и чувств по поводу будущего является врожденной и эволюционно обусловленной, причем характерной не только для человека, но и для

всех живых существ. В частности, шведский нейробиолог Г. Хесслоу и его коллеги по Лундскому университету в принципе рассматривают мозг как симулятор окружающей среды, делающий предсказания [5, р. 71]. Именно предвидение будущих результатов и возможность влияния на них лежат в основе познания и, вероятно, являются основной причиной эволюции человека как представителя *homo sapiens*.

Теоретические корни большей части современных психологических исследований предвидения лежат в исследованиях памяти. Так, в 1972 г. канадский психолог Э. Тульвинг [6] выдвинул теорию о семантической и эпизодической памяти. Семантическая память — это наша база абстрактных, обобщенных социумом знаний о мире, переданных посредством языка или невербальных культурно обусловленных текстов. Эпизодическая же память получает и хранит информацию о структурированных во времени событиях, а также о пространственно-временных отношениях между ними, т. е. о том, что произошло, где и когда. Эпизодическая память не только ориентирована на прошлое, но и позволяет создавать возможные варианты будущих событий. Таким образом именно память позволяет нам мысленно путешествовать во времени [7, р. 8].

С таким подходом согласны новозеландские психологи Т. Саддендорф и М. Ч. Корбаллис [8], доказавшие аналогичность природы эпизодической памяти и эпизодического предвидения. Многочисленные данные американских, английских и новозеландских ученых свидетельствуют о том, что эпизодические воспоминания — это просто реконструкция прошлых событий, а не точное воспроизведение того, что произошло [9]. Эпизодические прогнозы, очевидно, также являются конструкциями, основанными на предыдущих входных данных. Как мы уже упоминали, между этими двумя типами конструкций существует значительное механистическое совпадение.

Американский психолог и нейробиолог С. Б. Кляйн [10] отмечает, что сами воспоминания предназначены для будущего; размышления о прошлом без каких-либо последствий для будущего не имеют смысла. Воспоминания гарантируют, что человек действует надлежащим образом, когда текущая ситуация напоминает прошлую; что-то в текущей ситуации должно вызвать пробуждение памяти. Таким образом, воспоминания выступают частью ориентированного на будущее познания, поскольку они заставляют нас действовать таким образом, который влияет на будущий результат.

Таким образом, если и память, и предвидение являются неточными конструктами прошлых впечатлений и если воспоминания — это часть ориентированного на будущее познания, различие между

памятью и предвидением стирается. Это поднимает вопрос о подсказке: то есть что-то в текущей ситуации (например, окружение, внешние физические условия, психическое или физиологическое состояние, имеющиеся цели) должно способствовать извлечению из памяти эпизодического конструкта, что говорит о функциональной значимости подобного механизма поиска. Данный вывод был подтвержден результатами совместных исследований Э. Тульвинга и Д. М. Томпсона [11], которые обнаружили, что воспоминания с большей вероятностью активируются, когда контекст во время кодирования совпадает с контекстом при воспроизведении, при этом организм полностью лишается представления о темпоральности конструкта.

Размышляя над этим фактом, М. Осват и Х. Мартин-Орда из Лундского университета (Швеция) приходят в своей статье к выводу, что «резкое различие между памятью и предвидением — прошлым и будущим — основано больше на народной психологии, самоанализе и культурных конструктах времени, чем на каких-либо четких, объективно идентифицируемых процессах темпоральности» [12].

Они также считают, что без знаний, хранящихся в семантической системе нашей памяти, эпизодические конструкции были бы бессмысленны, более того, они вообще не сложились бы. Именно взаимодействие семантической и эпизодической памяти лежит в основе беспрецедентных способностей человека к предвидению. Их выводы подтверждаются результатами недавних нейроисследований, показавших, что сети семантической и эпизодической памяти действительно перекрываются [13]. Это эмпирически подтверждает, что семантическое знание присуще эпизодическим конструкциям и что семантическая система играет ключевую роль в ориентированном на будущее познании [14]. Иначе говоря, для ориентированного на будущее познания людям необходимы семантическая и эпизодическая системы в комплексе.

*Future orientation в рамках
возрастной психологии и социологии*

Наиболее часто термин «ориентация на будущее» (future orientation) используется в современной возрастной психологии и социологии.

В рамках возрастной психологии акцентируется, что ориентацию на будущее можно идентифицировать уже в младенчестве, однако с возрастом она усиливается и достигает своего максимума в юности. Именно для подростков старшего возраста и молодых людей до 25 лет характерна наивысшая ориентированность на будущее, о чем свидетельствуют повышенное отложенное удовлетворение, менее фаталистические убеждения и более высокая мотивация, временная перспектива и планирование

[15, p. 459]. Разный социокультурный опыт, происхождение и когнитивные навыки людей приводит к тому, что возраст достижения пика ориентации на будущее может различаться [16]. Однако общими для всех в списке надежд и опасений на будущее являются представления из четырех жизненных сфер: образование, работа и карьера, брак и семья (родные и близкие), образ «Я» («Я»-концепция). Значительно реже упоминается коллектив/сообщество (т. е. деревня, страна, нация) [17, p. 309].

С точки зрения социологии изучается непосредственно ориентация на будущее в различных обществах. При этом в качестве составляющих ориентации рассматривают: размышления о будущем, применение регулярных социальных приемов для ограничения его неопределенности, действия, предпринимаемые в интересах будущего, и ожидания относительно будущего [18, p. 230]. Еще в 1987 г. в качестве результата реализации японского проекта под названием «Карты будущего для японской молодежи» как части подготовки отчета «Цели человечества» для Римского клуба, С. Итоу опубликовал статью «Ориентация на будущее и внутренний предел молодых японцев» [19, p. 82]. В ней автор на основании контент-анализа, проведенного в 1983–1984 гг. в отношении молодых японцев и их взглядов на систему образования, делает вывод, что разрыв между поколениями оказался больше, чем ожидалось. Спустя семь лет в статье Э. Новаки, Э. Хидег и И. Каппетера [20, p. 759], представляющих Будапештский университет, анализируется ориентация на будущее в группах здоровых людей и пациентов, в результате чего делается вывод о значительном несоответствии между интересом к будущему граждан Венгрии и действиями, совершаемыми ими для будущего. А в 2020 г. социологами П. ван дер Дуином, П. Лоддером и Д. Снайдерс [21] была изучена ориентация на будущее голландских граждан, итогом чего стал вывод о нежелании тратить время на размышления об отдаленном будущем, пессимизме и приземленности респондентов.

В современных работах по социологии акцент делается, прежде всего, на культурных различиях при ориентации на будущее. Так, по результатам исследований в рамках проекта GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness — Глобальное лидерство и эффективность организационного поведения) — уникального крупномасштабного исследования культурных практик в 150 странах, который был начат еще в 1991 г. и продолжается по сей день — было определено, что представители культуры, ориентированной на будущее, склонны ценить творческое мышление и новые идеи. Они верят, что будущее можно контролировать или влиять на него с помощью нынешних решений, жертвуют сиюминутными удовольствиями и удовлетворением

в пользу долгосрочного успеха и процветания [22]. Следствием ориентации на будущее является более высокий уровень адаптивности, интеллектуальной гибкости, оптимизма и уверенности в себе представителей таких культур, что позволяет им быть более конкурентоспособными на мировом рынке, что в свою очередь ведет к повышению уровня ВВП на душу населения в таких странах.

Культуры, ориентированные на будущее, имеют высокий темп жизни, крайне чувствительны к распределению времени, которое воспринимается как ресурс, имеющий свою стоимость. Следовательно, время, не занятое какими-либо действиями, представляется потраченным впустую. Классическим примером подобных культур выступают американская, немецкая, швейцарская и весь англосаксонский мир плюс Япония. Культур же, ориентированных на прошлое, гораздо больше, однако они имеют значительно меньший вес на мировой экономической арене. Сюда относят большинство стран Азии, Южной Америки и Южной Европы, Севера Африки. Существуют также так называемые вневременные культуры, «выпавшие» из цивилизационного процесса, классическим примером которых является племя Пираха из Амазонии. В языке представителей данного племени нет грамматических конструкций для обозначения прошлого и будущего, так как в их сознании существует только настоящее. Если они не могут что-либо объяснить, то это перестает для них существовать.

В исследовательской статье тайландских ученых Н. Шривисала, К. ЛекСанорана и К. Буккавесы [23] на основании данных по 16 странам за период 2010–2018 гг. демонстрируется значительное положительное влияние ориентированных на будущее культурных установок на уровень национальных сбережений. Коллектив авторов из Медицинской школы Университета Питтсбурга (Пенсильвания, США) [24] в своей работе рассматривает ориентацию на будущее как сквозной фактор защиты от множественных форм насилия, в частности, межличностного, общественного и сексуального насилия в отношениях. А китайские социолингвисты Ц. Чжу, С. Ху, Ц. Ванг и С. Чжэн [25] рассматривают, каким образом языки, грамматика которых подчеркивает будущее, способствуют пониманию сложных климатических проблем на уровне общественного и индивидуального сознания. Полученные ими данные указывают на

важную роль, которую субъективная ориентация на будущее играет в восприятии и решении глобальных экологических проблем.

*«Ориентация на будущее»
в русскоязычных научных исследованиях*

В русскоязычных научных исследованиях термин «ориентация на будущее» появился уже после 2000-х гг. и в подавляющем большинстве случаев используется при изучении психологических особенностей временных ориентаций, базирующихся на адаптированной методике Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory) по измерению пяти временных перспектив: негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее. Среди подобных работ можно назвать диссертационные исследования Е. В. Забелиной [26], А. С. Ковдры [27], О. Н. Поповой [28], С. В. Рызовой [29], А. Сырцовой [30], а также научные статьи Е. М. Вечкановой [31], С. М. Зининой [32], С. А. Кузнецовой [33], И. А. Куруся [34] и др. Иначе говоря, ориентация на будущее не исследуется отдельно и целенаправленно, а только в связи с изучением других психологических феноменов.

Заключение

Таким образом, мы видим, что термин «ориентация на будущее» может означать разные понятия в разных контекстах, однако в значительной части работ он так или иначе связан с исследованиями в области психологии, в том числе отраслевой. В философии же на сегодняшний день нет не только фундаментальных, но даже более или менее значимых трудов по осмыслению ориентации на будущее как отдельного феномена или как части более общих исследований будущего. Потребность в этом назрела, так как максимально объединяющим и задающим векторы дальнейших исследований является безусловно философский подход, ведь именно универсализм как стремление к целостности и полноте знания, его всесторонности и всеохвату выступает ведущей парадигмой философии. При этом стоит сослаться с К. Марксом и Р. Рорти, что задача философов — не столько объяснить преемственность между прошлым и будущим (в нашем случае — между настоящим и будущим), сколько помочь сделать их отличными друг от друга [35].

Список литературы

1. Sardar Z. The Namesake: Futures; futures studies; futurology; futuristic; Foresight — What's in a name? // *Futures*. 2010. 42 (3).
2. Trommsdorff G. Future orientation and socialization // *International Journal of Psychology*. 1983. No. 18 (1–4).
3. Deacon T. W. *Incomplete nature: how mind emerged from matter*. NY: WW. Norton & Company. 2012.
4. Seginer R. Future orientation: A conceptual framework // R. Seginer (Ed.). *Future orientation*. Boston, MA: Springer US, 2009.

5. *Hesslow G.* The current status of the simulation theory of cognition // *Brain Research*. 2012. 1428.
6. *Tulving E.* Episodic and semantic memory // *Organization of memory* (eds , Tulving E& Donaldson W), NY: Academic Press. 1972.
7. *Tulving E.* Memory and consciousness // *Canadian Psychology*. 1985. Vol. 26. No. 1.
8. *Suddendorf T., Corballis M.C.* Mental time travel and the evolution of the human mind // *Genetic Social and General Psychology Monographs*. 1997. Vol. 123.
9. *Schacter D. L., Addis D. R., Hassabis D, Martin V. C., Spreng R. N. & Szpunar K. K.* The future of memory: remembering, imagining, and the brain // *Neuron*. 2012. Vol. 76.
10. *Klein S. B.* The temporal orientation of memory: it's time for a change of direction // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2013. Vol. 2.
11. *Tulving E., Thompson D.* Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory // *Psychological Review*. 1973. Vol. 80.
12. *Osvath M., Martin-Ordas G.* The future of future-oriented cognition in non-humans: theory and the empirical case of the great apes // *Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences*. 2014. Vol. 369 (1655).
13. *Binder J. R., Desai R. H., Graves W. W. & Conant L. L.* Where is the semantic system? A critical review and meta-analysis of 120 functional neuroimaging studies // *Cerebral Cortex*. 2009. Vol. 19.
14. *Irish M., Piguet O.* The pivotal role of semantic memory in remembering the past and imagining the future // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2013. Vol. 7(27).
15. *Johnson S. R. L., Blum R. W., Cheng T. L.* Future orientation: A construct with implications for adolescent health and wellbeing // *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. 2014. Vol. 26 (4).
16. *Seginer R.* Future orientation: Developmental and ecological perspectives. NY: Springer, 2009.
17. *Seginer R., Hoda H.-K.* Adolescent passage to adulthood: Future orientation in the context of culture, age, and gender // *International Journal of Intercultural Relations*. 1998. Vol. 22 (3).
18. *Hideg É., Nováky É.* Changing attitudes to the future in Hungary // *Futures*. 2010. Vol. 42.
19. *Itow Sh.* Future orientation and inner limit of young Japanese people // *Futures*. 1987. Vol. 19.
20. *Nováky E., Hideg E., Kappéter I.* Future orientation in Hungarian society // *Futures*. 1994. Vol. 26.
21. *Duina P. van der, Lodderb P., Sniijders D.* Dutch doubts and desires. Exploring citizen opinions on future and technology // *Futures*. 2020. Vol. 124. 102637.
22. *Thompson S.* Future Orientation Culture // *AZcentral*. Part of the USA today network. URL: <https://yourbusiness.azcentral.com/future-orientation-culture-11276.html> (дата обращения: 07.03.2022).
23. *Srivisala N., LekSanoran K., Bukkavesa K.* National culture and saving: How collectivism, uncertainty avoidance, and future orientation play roles // *Global Finance Journal*. 2021.Vol. 50. 100670.
24. *Khetarpal S. K., Szoko N., Ragavan M. I., Culyba A. J.* Future Orientation as a Cross-Cutting Protective Factor Against Multiple Forms of Violence // *The Journal of Pediatrics*. 2021. Vol. 235.
25. *Zhua J., Hu S., Wang J., Zheng X.* Future orientation promotes climate concern and mitigation // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 262. 121212.
26. *Забелина Е. В.* Психологическое время и экономическое сознание: социально-психологический анализ : дис. ... д-ра психол. наук. СПб, 2021.
27. *Ковдра А. С.* Временная перспектива как predisпозиция психологической безопасности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2012.
28. *Попова О. Н.* Сбалансированность временной перспективы личности в прогнозировании эффективности самоопределения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2020.
29. *Рызова С. В.* Влияние прокрастинации на психологическую адаптацию учащейся молодежи и ее психологическая коррекция методами когнитивно-поведенческой психотерапии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019.
30. *Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
31. *Вечканова Е. М.* Специфика временной перспективы личности при различных уровнях переживания кризиса идентичности // *Вестник КемГУ*. 2014. № 4(60).
32. *Зинина С. М.* Временная ориентация на будущее и преодоление студентами кризиса профессионального выбора (на примере направления «строительство») // *Вестник УРАО*. 2018. № 5.
33. *Кузнецова С. А.* Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2018. № 1.
34. *Курусъ И. А.* Взаимосвязь кризисов, кризисных переживаний и направленности временной перспективы у студентов на начальном этапе обучения в вузе // *Образование и наука*. 2016. № 2(131).
35. *Рорти Р.* Философия и будущее // *Вопросы философии*. 1994. № 6.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или аресту
- о необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма
- лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск

Право и государство

- справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве
- три кита негласного правоприменения
- конституционные права личности в досудебном производстве по уголовным делам: классификация и способы ограничения

Философский инструментарий

- тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики

а также

- отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ
- отмена постановления о прекращении уголовного дела по судебному решению, принимаемому в порядке ст. 125 УПК РФ
- другие материалы

